

Усятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №12 апрель 2015 года

Учредитель и издатель: ООО Редакция «Литературно-художественной газеты альманах «Усятская россыпь».

Свидетельство о регистрации «ПИ ФС 12-1286», выдано Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу 12.02.2007 г.

Адрес редакции: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, дом – 56.

Адрес издателя: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, дом – 56.

Директор/гл. редактор: Гуляев А.Н. (м.т.: 8 906 987 1955).

Технический редактор: Танкова Л.А.

Корректора: Еськовой И.Е.

Время сдачи в печать 17.04.2015 г.: по графику – 14.00; фактически – 14.00.

Газета отпечатана офсетным способом на типографской базе МУП ГРК «Киселёвск». Адрес типографии: 652070, Кемеровская область, г.Киселёвск, ул. Унжакова, 14.

Газета распространяется в основном на территории Кемеровской области, частично в других регионах РФ и ближнего зарубежья.

Объём 14.0 п.л.; Заказ № 416; Тираж 1000 экз. 2015/ 04- 20 Г

Цена договорная.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

+16

- 1 – Огненное время и его герои – стр. 2 – 3;
- 2 – Иван Кожемяко: «Хозяин Чёрного моря»; «Истомин»; «Нахимов»; «Берегите Севастополь» – проза, стр. 4 – 10;
- 3 – Юрий Кошелев: «Честь имеет» – проза, стр. 11;
- 4 – Виль Рудин: «Бородино – испытание боем» – проза, стр. 12 – 16;
- 5 – «Комдив, полковник Полосухин В.И.»; «Писатель, Рудин В.Г.» стр. 16;
- 6 – Сергей Гнездилов: «Метель»...«Черёмуха» – стихи, стр. 17;
- 7 – Иван Рябин: «А над рейхстагом вилось знамя» – стихи, стр. 18 – 19;
- 8 – Анатолий Гуляев: – «Торпедоносец Балтики» – проза, стр. 20 – 22;
- «Его Новокузнецк и не только...» – проза, стр. 36 – 37;
- 9 – Евгений Малюк: «Не верь, не бойся, не проси!» – стихи, стр. 23;
- 10 – Людмила Лукьянцева: «Бульвар героев» – стихи, стр. 24 – 25;
- «Сыновья пропавшие без вести»; «Укус Горыныча» – проза, стр. 25 – 27;
- 11 – Аделя Мачкова – стихи, стр. 27;
- 12 – Павел Морозов: «Чужие крылья»; «Две дольки лимона» – проза, стр. 28 – 29;
- 13 – Владимир Неунывахин: «Попутчик» – проза, стр. 30 – 31;
- 14 – Александр Васюнов: «На берегах Маралихи» – проза, стр. 32 – 35;
- 15 – Евгений Тищенко: «Солдатские судьбы» – проза, стр. 38 – 39;
- 16 – Людмила Танкова: – «Матюха и генералы» «Песнь соловья в пустыне каменной» – проза, стр. 42 – 43;
- 17 – Елена Острых: «Если есть ты во вселенной...» – стихи, стр. 44 – 45;
- 18 – Дмитрий Семёнов: «Когда умрут бумажные книги» – фантастика, стр. 46 – 47;
- 19 – Юрий Гамов: «Поклон вам, ветераны!» – стихи, стр. 48;
- 20 – Григорий Маслов: «Из книг...» – стихи, стр. 49;
- 21 – Распутин Валентин Григорьевич – проза, стр. 50;
- 22 – Юрий Баранов: «Иван Стаднюк продолжает воевать» – проза, стр. 50;
- 23 – Анатолий Грохов: – стихи, стр. 51;
- 24 – Сергей Запнухин: «Один день» – проза, стр. 52 – 53;
- 25 – Ирина Еськова: – «Услышь меня, родная...»; «Крепкий орешек»; «С высокой силой притяжения...» – проза, стр. 55;
- 26 – «Читатели об «Усятской россыпи» – отзывы, стр. 56.

Огненное время и его герои

Победа Советского Союза и его народов в Великой Отечественной войне над гитлеровской Германией и её союзниками - это одно из самых великих и самых значительных событий в истории нашего народа и нашей Родины.

30 апреля 1941 года Гитлер на большом совещании при утверждении плана «БАР-БАРОСА» накануне войны с Советским Союзом, в своей более чем двух часовой речи сказал: «Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. В мире существует огромная опасность коммунизма для будущего, в этой войне будет борьба двух идеологий. Мы должны исходить из принципа солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и не станет нашим товарищем. Речь идёт о борьбе на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то хотя мы и разобьём врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведём войну не для того, чтобы законсервировать своего противника, а полностью уничтожить его.

Будущая политическая карта России: Северная Россия принадлежит Финляндии; наши протектораты в Прибалтике, Украине, Белоруссии.

Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции.

Никакие действия служащих вермахта или же действующих вместе с ними лиц по уничтожению русских гражданских в случае их неповиновения или проявления какого-то недовольства, тем более сопротивления по отношению к нам, не подлежат пресечению и не могут рассматриваться как преступления или как преступления. На Востоке жестокость считается благом на будущее».

С самого начала война Германии и её союзников против СССР была нацелена на захват территории вплоть до Урала, эксплуатацию природных ресурсов СССР и долгосрочное германское господство. Перед угрозой планомерного полного физического уничтожения оказались не только евреи, но и славяне, заселявшие захваченные гитлеровцами советские территории в 1941 - 1944-м годах.

Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии и её союзников в Европе и Азии была самой справедливой из всех справедливых войн народов мира против своих поработителей. Советский народ защищал в ней своё Отечество, свои социалистические завоевания.

Вторая мировая война возникла между двумя капиталистическими коалициями как империалистическая, захватническая, несправедливая. Но в ходе вооружённой борьбы начал изменяться её характер. Она стала превращаться в освободительную и со стороны захваченных гитлеровцами государств, и противостоящих фашистской группировке государств.

Итоги и последствия этой гигантской вооружённой схватки колоссальны. Вторая мировая война по своему размаху и напряжённости, по числу участвующих в ней людей, по количеству и качеству боевой техники, огромным человеческим жертвам и материальным разрушениям превзошла все войны прошлого. Она длилась шесть долгих лет и втянула в свою орбиту около восьмидесяти государств земного шара, с населением более одного миллиарда семисот миллионов человек. Что составляло четыре пятых всего

населения планеты. На службу этой войне были поставлены гигантские производительные силы: сотни тысяч предприятий, сотни миллионов рабочих. Которые строили самолёты, танки, изготавливали пушки, пулемёты, автоматы, винтовки и другие орудия смерти и разрушения.

Боевые действия развернулись на трёх континентах земного шара: в Европе, Азии и Африке. Ареной боевых действий стали территории сорока государств. Главную роль играли боевые действия в Европе, а решающим фронтом был советско-германский фронт.

Во Второй мировой войне вооружённые силы воюющих сторон достигли фантастических размеров - **110-ти миллионов человек.**

С 1939 года по 1945 годы - США, Англия, Германия, Италия и СССР (с 1941 по 1945 гг.) произвели: 495,8 тысяч боевых и военно-транспортных самолётов; 279,8 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок; 1 миллион 759 тысяч орудий.

На 22.06.1941 года в приграничных округах и флотах у СССР, на фронте протяжённостью в 3710 километров находилось: 3 миллиона 289 тысяч 850 солдат и офицеров; 10734 самолёта; 12782 танка, из них 1475 танков Т-34 и КВ; 59787 орудий и миномётов.

В составе трёх флотов имелось около 220 тысяч человек личного состава - 182 корабля основных классов (3 линкора, 7 крейсеров, 45 лидеров и эсминцев и 127 подводных лодок).

Непосредственную охрану государственной границы несли пограничные части (сухопутные и морские) восьми пограничных округов, вместе с оперативными частями и подразделениями внутренних войск они насчитывали около 100 тысяч человек.

Отражение возможного нападения противника с запада возлагалось на войска пяти приграничных округов: Ленинградского; Прибалтийского особого; Западного особого; Киевского особого и Одесского. С моря их должны были поддерживать три флота: Северный, Краснознаменный Балтийский и Черноморский.

10 июня 1941 года главнокомандующий войсками Германии (генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич) отправил в войска приказ о сроке начала войны против СССР - 22 июня 1941 года. Ранним утром этого дня, в воскресенье - Германия, при поддержке своих союзников - Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии и Словакии - внезапно, без предупреждения, напала на СССР, нанеся удар на всей протяжённости советской западной границы тремя мощными группами армий: «Север», «Центр» и «Юг».

Общая боевая численность вражеских группировок состояла из 217,5 - общевойсковых, танковых и авиационных дивизий; в составе которых находилось: 4846 - боевых самолётов; 4 тысячи 171 единица - танков и самоходных артиллерийских установок; 42 тысячи 601 единица - орудий и миномётов. Общая численность личного состава в группировках сил вермахта, на момент нападения на Советский Союз, составляла 4 миллиона 300 тысяч солдат и офицеров.

Не удивительно, что государства участники Второй мировой войны понесли огромные материальные и людские потери - свыше 50-ти миллионов человек погибших, вот та страшная дань, которую человечество уплатило войне.

Наибольший урон войной был причинён Советскому Союзу, на плечи которого легла главная тяжесть борьбы с фашизмом. Советский Союз потерял более 20-ти миллионов своих сынов и дочерей, павших на полях брани, во время блокады городов, воздушных бомбардировок, замученных и убитых гитлеровцами на оккупированных советских территориях, в концентрационных лагерях.

Фашисты разрушили **1710 советских городов и посёлков городского типа**, более 70-ти тысяч сёл и деревень, 32 тысячи промышленных предприятий, 98 тысяч колхозов, 1878 совхозов. Они подорвали 65 тысяч километров железнодорожного полотна, взорвали и вывели из строя 16 тысяч паровозов и 428 тысяч железнодорожных вагонов. Национальное богатство страны сократилось почти на тридцать процентов.

В целом материальный ущерб Советского Союза был оценен суммой в два триллиона 569 миллиардов довоенных рублей. В то же время национальное богатство Англии уменьшилось лишь на 0,8 процента, Франции на 1 процент, США материальных потерь по существу избежали. Их потери составили 0,4 процента от общей стоимости утраченных материальных ценностей всех стран за время войны.

Несмотря на свои огромные потери, Советский Союз вышел из войны крепким и могучим, вместе с США он стал ведущей мировой державой. И это при том, что в начальный период войны из-за стратегических и тактических просчётов и ошибок, допущенных руководством страны и наркомата обороны, неправильного определения даты начала войны, явной боязни нагло ведущего себя и постоянно провоцирующего противника - за четыре первых летних месяца войны враг нанёс значительный и ощутимый урон отступающим и обороняющимся нашим разрозненным войскам, оккупировал значительную часть европейской территории нашего государства (по плану Гитлера война должна была окончиться за два первых военных летних месяца, но она продолжалась ещё более четырёх долгих лет). Отчего руководству страны пришлось принимать экстренные и действительные меры по исправлению допущенных своих ошибок и просчётов первых дней и первых месяцев войны по спасению нашего государства и народов его населяющих.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года с 23 июня была объявлена всеобщая мобилизация военнообязанных 14-ти возрастов (с 1905 по 1918 гг. рождения) в 14-ти военных округах, из 17-ти.

В остальных трёх военных округах: Забайкальском, Среднеазиатском и Дальневосточном - мобилизация была объявлена через месяц особым решением.

На второй день войны - 23 июня 1941 года - была создана Ставка Главного командования вооружённых сил страны (с 8 августа - Ставка Верховного Главного Командования). **30 июня 1941 года** был создан Государственный Комитет обороны страны (ГКО). **3 июля 1941 года** в своей речи и обращении к народу руководитель страны - Иосиф Виссарионович Сталин - объявил: **«Всё для фронта! Всё для Победы!» 8 августа 1941 года** - Сталин И.В. был назначен Верховным Главнокомандующим Вооружённых Сил страны и руководителем ГКО. С первых дней войны началась массовая эвакуация насе-

ления, производительных сил, учреждений и материальных ресурсов из прифронтовой полосы страны в восточные регионы, на Урал, в Сибирь. За короткий срок было эвакуировано значительное число предприятий.

В общей сложности, во втором полугодии 1941 года было эвакуировано 2600 предприятий, вывезено и перегнано из зоны возможной оккупации 2,3 миллиона голов крупного рогатого скота.

К лету 1942 года (менее, чем за один год от начала войны) завершился перевод экономики СССР на военные рельсы.

В первом полугодии 1942 года было выпущено: 10 тысяч самолётов; 11 тысяч танков; 54 тысячи орудий и миномётов. Во втором полугодии 1942 года выпуск вооружения увеличился более чем в 1,5 раза. Всего в 1942 году в СССР было выпущено: самолётов (всех типов) - 25,4 тысячи штук, в том числе боевых - 21,7 тысячи штук; танков и САУ всех типов - 24,5 тысячи штук; орудий и миномётов всех типов - 287 тысяч штук; стрелкового оружия (без револьверов и пистолетов) - 5 миллионов 91 тысяча единиц. Не иначе как подвигом деятельности большей части Советского народа, как на фронте, так и в тылу назвать невозможно. Массовый героизм за все годы Великой Отечественной войны проявлялся везде и повсюду.

11500 человек - советских трагдлап, солдат и офицеров, за годы Великой Отечественной войны были удостоены самой высокой государственной награды - звания Героя Советского Союза.

За годы Великой Отечественной войны на недостижимый врагам уровень выросло мастерство и военное искусство как наших прославленных полководцев, маршалов: Жукова Г.К., Рокоссовского К.К., Конева И.С., Василевского А.М., Баграмяна И.Х. и других; так и среднего, и младшего командного состава рабочекрестьянской Красной армии (РККА).

Немалый вклад в общее дело Великой ПОБЕДЫ внесли и сибиряки, в том числе и кузбассовцы. Которые, прежде всего - своим героическим трудом полностью обеспечили потребности государства в угле и металле. Да и различного вооружения (снарядов и прочего) кузбассовцы выдавали по максимуму. Кроме того, всем известно, что значительная часть всего вооружения, выпускаемого в стране, особенно отечественных танков в годы Великой Отечественной войны были изготовлены из кузнецкой стали.

За годы Великой Отечественной войны очень многие кузбассовцы были награждены как высшими государственными наградами, орденами и медалями благодарной нашей Родины. Шестнадцать из них - уроженцам и жителям города Прокопьевска и Прокопьевского района, сражавшимся на фронтах Великой Отечественной войны было присвоено звание Героя Советского Союза.

Чернов Григорий Иванович, генерал-майор. Родился 15 октября 1901 года в крестьянской семье в деревне (ныне - Карагайла Прокопьевского район Кемеровской области). В 1918 году мобилизован в армию Колчака и вскоре из неё дезертировал. В 1919 году добровольно вступил в РККА рядовым красноармейцем; в 1920 году - член ВКПб. В 1924 году окончил 25-ю Томскую пехотную школу командного состава РККА, после оконча-

ния учёбы проходил воинскую службу в одной из стрелковых частей Сибирского военного округа, в должности командира взвода.

С началом Великой Отечественной войны, в октябре 1941 года прибыл в действующую армию, к боевым действиям приступил в битве за Москву.

В январе 1942 года назначен на должность командира 943-го стрелкового полка 257-й стрелковой дивизии; несколькими месяцами позднее — командиром 54-й стрелковой бригады; 14 октября 1942 года назначен на должность командира 47-й стрелковой дивизии (47 СД) 4-й ударной армии Северо-Западного фронта.

6 октября 1943 года 47-я СД, под командованием полковника Чернова Г.И., в составе 83-го стрелкового корпуса 4-й ударной армии, принимала участие в сражении за город Невель и освобождении его от фашистских захватчиков.

За участие в сражении за город Невель — 47-й СД было присвоено наименование «Невельской». Позднее молодая стрелковая дивизия, сформированная в 1942 году, дважды награждалась орденами и стала называться «47-я Невельская орден Ленина и Суворова стрелковая дивизия».

8 января 1944 года полковник Чернов Г.И. назначен на должность командира 26-й Гвардейской стрелковой дивизии (26-я ГСД) (сформированной в 1936 году в Забайкальском военном округе, в городе Чита; принимавшей участие в боевых действиях: против японских самураев на реке Халхин-Гол; в советско-финском конфликте и в Московской оборонительной битве).

17 января 1944 года — полковнику Чернову Г.И. присвоено воинское звание генерал-майора.

Летом 1944 года Красная армия начала боевую операцию под кодовым названием «Багратион», по освобождению Белоруссии от немецко-фашистского ига, к операции была привлечена и 26-я ГСД генерала Чернова Г.И. — прорвав мощную оборону противника, дивизия успешно развивала наступление севернее города Орша. За два дня боёв 26-я ГСД освободила более десятка населённых пунктов, уничтожила много живой силы и техники противника.

Генералу Чернову Г.И. довелось руководить сражением на реке Березина, где 130 лет тому назад славными русскими войсками фельдмаршала Кутузова была окончательно разбита армия Наполеона. При форсировании Березины противник встретил воинов 26-й ГСД мощным артиллерийским и миномётным огнём.

Тем не менее, дивизия с ходу приступила к форсированию реки, и форсировав её 30 июня, передовые части и подразделения дивизии захватили позиции и важные стратегические рубежи на её западном сильно заболоченном берегу.

Когда противник бросил значительные силы, чтобы выбить с занятых рубежей гвардейцев, командир перенёс туда свой командный пункт и умелыми действиями добился желаемого в сложной ситуации.

Несмотря на отчаянные попытки, противник так и не смог столкнуться с советскими бойцами с важного стратегического плацдарма.

Дивизия отбила свыше двадцати вражеских контратак, чем способствовала освобождению другими советскими войсками частями города Борисов, через который открывался путь к столице Белоруссии — Минску.

За короткий срок дивизия генерала Чернова Г.И. продвинулась вглубь вражеской обороны на 250 километров. 14 июля 1944 года 26-я ГСД форсирует реку Неман.

10 августа 1944 года, после боёв в Витебско-Оршанской операции, 26-я ГСД вышла на границу с Сувальской областью, оккупированной гитлеровцами Польши. В числе первых воинских соединений Красной армии 26-я ГСД вышла и к границе с Восточной-Пруссией. С 3-го по 9-е апреля 1945 года приняла участие в штурме города-крепости Кенигсберг.

19 апреля 1945 года (по другим источникам, 25 мая 1945 года) генерал-майору Чернову Г.И. присвоено звание Героя Советского Союза. С 22 по 26 апреля 1945 года дивизия вела бои за овладение городом Пиллау. В этих боях генерал Чернов Григорий Иванович был тяжело ранен и день Победы встретил, находясь в госпитале. К концу Великой Отечественной войны — бывшая 26-я Гвардейская стрелковая дивизия стала называться 26-й Гвардейской мотострелковой Восточно-Сибирской Героической Краснознаменной Ордена Суворова дивизией.

В Ивано-Франковске похоронен боевой генерал Великой Отечественной войны, славный сын кузбасской земли — Чернов Григорий Иванович.

Буслов Фёдор Васильевич — лётчик-штурмовик 1921 года рождения, в 1939 году окончил Прокопьевский аэроклуб и по направлению аэроклуба и рекомендации горкома комсомола был направлен в Омскую военную школу пилотов, где и застала его война. Первоначально в лётной школе его готовили как лётчика на скоростной бомбардировщик СБ, но фронт запрашивал лётчиков-штурмовиков на самолёты Ил-2, поэтому молодому лётчику пришлось переучиться по усовершенствованной программе на штурмовик.

На фронт лётчик Фёдор Буслов был направлен в январе 1943 года. В первом же бою сбил вражеский самолёт.

Об этом первом своём бое позднее Фёдор Васильевич, иронично рассказывал: «Слышу, командир первого звена передаёт по радию:

— Впереди Юнкерсы. Бьём «лапотников» И одиннадцать штурмовиков ворвались в строй вражеских бомбардировщиков. Сбит один, другой, третий... Врезались в землю ещё три стервятника. Остальные, в панике побросав где попало свои бомбы, не долетев до наших боевых позиций, развернулись и на всех парах помчались восвояси. 1

86 вылетов совершил лётчик Буслов Ф.В. за годы своих боевых действий в Великой Отечественной войне. Участвовал в 56-ти воздушных боях, в которых лично сбил 5 вражеских самолётов и 7 самолётов уничтожил на земле, на вражеских аэродромах.

Десятки уничтоженных вражеских танков и самоходных установок, три батареи полевой и зенитной артиллерии, склад с боеприпасами, паровоз и два десятка железнодорожных вагонов появились на его личном счету за годы войны.

В освобождении Донбасса, Приднестровья, Крыма, Белоруссии и Литвы от немецко-фашистских захватчиков принимал участие наш земляк, отважный лётчик. А закончил Великую Отечественную войну он в Восточной Пруссии. Участвовал в ликвидации мощной группировки противника юго-западнее города Кенигсберг. Звание Героя Советского Союза Буслову Фёдору Васильевичу присвоено 29 апреля 1945 года.

Селиванов Евграф Иосифович. В 1936 году окончил Прокопьевский аэроклуб и как один из лучших выпускников начал работать в аэроклубе лётчиком-инструктором, учил летать последующие поколения прокопчан на учебно-тренировочных самолётах УТ-2 (У-2). Работая с молодёжью совершенствовал своё мастерство и сам набирался опыта, был назначен ко-

мандром лётной эскадрильи (лётно-тренировочного отряда), тем не менее, ушёл в военное лётное училище.

На фронт прибыл в сентябре 1941 года. В скором времени был назначен командиром лётной эскадрильи самолётов-штурмовиков Ил-2, штурманом авиационного полка, заместителем командира авиационного полка, командиром 1988-го штурмового авиационного полка.

Общий налёт составлял 2380 часов. Совершил 131 боевой вылет на самолёте Ил-2 — днём, 72 боевых вылета на самолёте Ил-2 — ночью.

24 марта 1945 года — восьмёрке самолётов Ил-2, ведущим которой являлся майор Селиванов Е.И., была поставлена боевая задача — уничтожить живую силу и технику противника в районе польского города Ненкау. В разгар воздушного боя самолёт Селиванова был поражён зенитным снарядом.

18 августа 1945 года майору Селиванову Е.И. присвоено звание Героя Советского Союза. В Прокопьевске одна из городских улиц (идущая рядом с центральным городским стадионом «Шахтёр») носит имя Селиванова Е.И., в начале улицы, на стене первого дома, установлена памятная доска, информирующая прохожих, в честь кого названа так данная улица.

Чеченев Михаил Семёнович. Родился в городе Прокопьевске в 1921 году, учился и окончил прокопьевскую школу № 12. Участь в школе занимался и в Прокопьевском аэроклубе, поэтому после окончания школы был направлен на учёбу в Новосибирское военное лётное училище, после окончания которого — осенью 1942 года, он был направлен на фронт и сразу на Курскую битву. За время Великой Отечественной войны Чеченевым М.С. было совершено 248 боевых вылетов. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено 15 мая 1946 года.

Сегодня нет такого источника и такого автора, который бы создал исторический труд о Великой Отечественной войне. Хотя о ней писали, пишут и будут писать, поскольку, эта тема — неиссякаема!

Пишут у нас в стране и за её пределами. Пишут правдиво, справедливо, честно; пишут и явную ложь, клевету — пытаются всё переписать наизуанку, приписать значение и роль нашей Родины в ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ над гитлеровским фашизмом.

Для человека грамотного и здравомыслящего — лживые «навороты» современности не страшны, он в них разберётся; с сомневающимися и не разбирающимися в оговариваемых вопросах — нужно работать; с клеветниками же нужно бороться — «восвать», если такое необходимо.

Именно в этом и заключается одно из главных предназначений современного российского писателя, искренне и горячо любящего свою Родину...

О Великой Отечественной войне и своим вкладе в неё оставили нам в наследство большинство из маршалов ПОБЕДЫ: Жуков Г.К., Рокоссовский К.К., Баграмян И.Х.; нарком авиационной промышленности военных лет, генерал-полковник авиации Яковлев А.С. и другие видные военные командиры и начальники.

О Великой Отечественной войне повествуют литературные произведения ведущих советских писателей, скажем так — первого, довоенного ещё, поколения: Алексея Толстого и Михаила Шолохова. Много о Великой Отечественной войне рассказали в своих произведениях писатели следующего литературного поколения, военного и первого послевоенного: Александр Фадеев, Александр Твардовский, Константин Симонов, Борис Полевой, Иван Стаднюк, Владимир Карпов,

Валентин Пикуль, Валентин Распутин, Виктор Астафьев и другие.

О Великой Отечественной войне немало написано и ведущими кузбасскими писателями: кемсровчанами Александром Волопиным и Вилем Рудиным, новокузнецчанином Анатолием Ябровым.

Внесли свою лепту в дело увековечивания памяти о Великой Отечественной войне и сыны прокопьевской земли — участники Великой Отечественной войны: Анатолий Иванович Грохов, Григорий Васильевич Маслов, Михаил Иванович Глушков; историк и краевед, житель Прокопьевского района Владимир Михайлович Шабалин.

Не осталась в стороне от этой великой темы молодая пока ещё ЛХГА «Усытская россыпь» и её авторы: Владимир Песуньяхин, Людмила Танкова, Людмила Лукьянцьева, Зоя Гулишевская и Любовь Гуляева, Татьяна Эмих и Ольга Берлякова, Валерий и Александр Ларины, Григорий Афанасьев, Наталья Ермеева, Геннадий Соловьёв, Рагим Мусав, Олег Зотов (публикацией воспоминаний своего отца Петра Зотова), генерал Иван Иванович Кожемяко. Да и мои военные рассказы увидели свет на страницах «Усытской россыпи».

Семьдесят лет прошло со дня окончания Великой Отечественной войны, со дня Великой ПОБЕДЫ над фашизмом. За это время много опубликовано официальных исторических документов — как нашим государством, так и другими странами.

О том периоде жизни народов много написано всевозможных воспоминаний и книг нашими и зарубежными, авторами. И всё же — литературно-художественного произведения о Великой Отечественной войне да и о Второй мировой войне в целом, равного по своей величине и значению Великому роману «ВОЙНА И МИР», автором которого является Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой — пока ещё не создано. Многие писатели с мировыми именами намеривались создать такое произведение (к примеру, маршал Жуков Г.К. — «Воспоминания и размышления»; Иван Стаднюк — «Белая берёза», «Война» и «Москва 41-й...»).

Но или стиль изложения литературного произведения, или по иным причинам (незаконченности начатого) — созданное, нельзя «поставить» в один ряд с романом «ВОЙНА И МИР».

Сегодня в мире нет войны, равной по своей величине Великой Отечественной, тем не менее — локальные войны то в одном регионе планеты, то в другом не прекращаются.

Опасность такой угрозы, в последние годы вновь вплотную подкралась и к рубежам нашей Родины. Не дают покоя агрессивному «западу» наши природные богатства и ресурсы, постоянно «точит» он свои «ножи».

Поэтому нам, всем вместе, начиная с первого руководителя нашего Государства, постоянно нужно помнить об этом и «порох держать сухим».

Мы не должны допустить повторения того, каким было начало Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны.

В конце-концов — уроки прошлой истории чему-то да должны учить нас.

Да здравствует Великая ПОБЕДА, а память о ней и значение не иссякают в веках. Да здравствует единый и Великий Народ России, сплочённый вокруг Великого Русского Народа. Пусть ни у кого и ни когда не возникает желания вновь проверять нашу РОДИНУ на прочность!

Анатолий Гуляев.

Иван КОЖЕМЯКО

Иван Иванович Кожемяко - автор многих книг — профессиональный военный, академик, профессор, всю свою жизнь посвятил служению Отечеству, Великой, Единой и Неделимой России в рядах Вооруженных Сил, генерал-майор. Родился 29 февраля 1948 г. Детство и юность провел в Крыму. Окончил Вильнюсское военное радиотехническое училище в 1969 г., Белорусский государственный университет в 1980 г., Военно-политическую академию им. Ленина в 1985 г.; служил в Вооруженных Силах СССР и РФ на различных должностях. 1992—1998 г. г. — помощник начальника Главного штаба Сухопутных войск. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, семнадцатью медалями, а также двумя орденами Демократической Республики Афганистан. Имеет дочь и трех внуков.

Крымские расставания

Лазарев, Нахимов, Корнилов, Истомин, Тотлебен, Флоренс Найтингейл (представительница супротивной стороны, пришедшая на крымскую землю в составе английского корпуса как захватчик и агрессор, но вершащая милосердную службу по спасению жизней своих соплеменников) - сухопутные герои, включая и поручика артиллерии Л. Н. Толстого, прошли у меня перед глазами. И я считаю своим долгом поклониться их памяти, понять мотивы их поступков, героизма и самоотверженного служения России. Слава Вам и вечная память, герои!

Не будь Вас в истории Отечества — не было бы и сегодняшнего дня. Расклевали бы Россию вороны, которые всегда имели в качестве главной цели Величие и Славу Отечества.

Сегодня на Ваш суд представляю первые истории из этой серии — об адмиралах Михаиле Петровиче Лазареве, Нахимове, Корнилове... Судить Вам, что у меня получилось, уважаемые друзья.

Это тем более важно, что близится 70-летие Победы Советского народа в Великой Отечественной войне. И без подвига наших предшественников — не мог бы состояться и этот, самый главный подвиг Великой и Непокорённой страны.

Слава Вам, герои. И низкий поклон за то, что Вы свершили.

Хозяин Чёрного моря

Коляска, запряжённая двумя холёными лошадьми, легко катила по изведанной дороге. Старый и уже тяжело больной адмирал Лазарев вглядывался в синеву прибрежного горизонта и, тяжело вздыхая, вспоминал прожитое и пройденное.

Его душеприказчик, такой же старый, как и он, матрос Фёдор Шаповалов, из донских казаков, привычно бубня себе под нос нескончаемые слова укоризны, с которыми он весь день обращался к адмиралу и всё укутывал того под горло шерстяной, когда-то кипенно-белой, буркой, подарком грузинского князя Чавчавадзе.

— Ишь, вздумал, словно дитё малое, в такую даль ездить! Да ещё по такой погоде... Вон, как сиверко задувает! Любое дело — в доме камини натоплены, всё под рукой, лежи и нежись. А я уж с Матрёной справлюсь со всем: и подам всё, и обихожу.. А он — ну, сущее дитё, которому сей миг нужна какая-то погремушка...

Лазарев посмеивался. Душой прикипел он к этому старику и почитал его, словно отца родного, хотя и были одногодками, обоим шёл пятьдесят седьмой год.

— Ну, что ты, отец, всё ласешься? Мне там, на просторе, у Георгиевского монастыря, где ты слепил домик маленький, дышится легче. Да и опять же — в Храм потихоньку сходим, помолимся, может, хворь-то и отступит...

И обессилев от длинной речи — замолчал. Притих и Шаповалов на этот раз, вглядываясь в родное лицо Лазаре-

ва, которого он почитал за своего сына. Так сложилась судьба, что его ещё молодым матросом приставили в ту пору к лейтенанту Лазареву. И с той поры они уже больше не расставались.

Да и самому Лазареву не денщик был нужен рядом, он был неприхотлив и не капризен, а товарищ верный, которому можно и исповедаться, поделиться планами на будущее. Направить на верфи, проверить ход работ по закладке новых кораблей, на строительство рavelинов и батарей.

Так и состарились они вместе. Во всех походах и сражениях Шаповалов ни на шаг не отходил от Лазарева. Так и повелось с той поры — офицеры кораблей всегда искали статную и видную, высокую фигуру Шаповалова — и в походах, и в боях на флагманском корабле. Лазарев-то помельче был, ниже намного и суше. И если видели Шаповалова, были спокойны, значит, с командиром, а потом — и с командующим, всё благополучно.

«Господи, — думал Лазарев, — сколько же их пройдено этих дорог? Но самые трудные — не в сражениях, а у престола. Сколько сил я положил, чтобы выбить нужные средства для укрепления и развития флота, сколько перьев источил, чтобы убедить Государя, министерства и ведомства, что надобно развивать и укреплять Черноморский флот, основу морского могущества государства Российского.

— Фёдор Ефимович, — обратился он неожиданно к Шаповалову, — а ты помнишь наш «Азов»?

Шаповалов, дремавший, как старый конь, вскинул голову и даже помолодел:

— Ах, Михайла Петрович, вот уж славное время было! А знаешь — почему? Не только от того, что к славным делам были приставлены, но и от того, что молодыми были. И всё нам было нипочём — хоть бусурмане, хоть иные супостаты.

И он старательно рукавом поношенного, но очень опрятного адмиральского сюртука без погон, который носил уже давно и сам, Лазарев настоял, стал отирать два Георгиевских креста и две медали на своей груди.

«Честные и святые награды, — молча следил за этим действием Лазарев. — Сам ведь и вручал их Шаповалову. Не за лажскую роль, сохрани Господи, а за боевые дела: один раз Шаповалов в бою с турками командира артиллерийской батареи заменил. Тот был тяжело ранен, другие офицеры-мичманы — погибли, и он умело, с толком скорее не командовал, а указывал и советовал баталерам, как и в кого в первую очередь — стрелять. Успех был полный.

И Лазарев, командуя к тому времени эскадрой, с удовольствием вручил крест 4 класса своему верному оруженосцу и с чувством его расцеловал.

За такое же горячее дело заслужил герой и второй крест — 3 класса. Шаповалов возглавил группу охотников из числа матросов экипажа линейного корабля «Три Святителя», да и пленил караван с оружием, который турки переправляли для вооружения мятежных татар».

«Не хватит и оставшейся жизни, — подумал Лазарев, — чтобы вспомнить всё, через что прошли. Что превозмогли и преодолели. И вот... силы оставляют. И знаю ведь, что приходит конец. Какие лекари уже не смотрели — а что толку? Вон, весь высох. Даже сюртук болтается. Не хватает сил одолеть эту хворь.

И понимаю разумом, что уже не соответствую роли командующего, за слабостью здоровья перепоручаю много подчинённым, но даже сама мысль о том, что вне дела, главного дела своей жизни, уйду из этого мира — страшит.

Нет, только не в постели! На мостике, на корабле и должен завершить свой путь». И Лазарев тяжело вздохнул, на что Шаповалов тут же отреагировал:

— Михайла Петрович, ты душу-то свою не мучай, не истязай. Уж у кого-кого, но у тебя она — голубиная. Святая и светлая. Всего себя, без остатку, отдал флоту, людям (он так и сказал, ставя ударение на «я»). Да тебя хоть сегодня — к лику святых. Вот поговорю с настоятелем монастыря, может, хлопочет. Мало кто, Михайла Петрович, такую борозду на ниве жизни оставил — ровную, до самого горизонта ровную.

И он положил свою заскорузлую, тяжёлую руку сверху сохшей уже маленькой руки Лазарева.

— Никто, — продолжил Шаповалов, — хоть десятерых поставь, большего свершить не смог бы, Михайла Петрович. Только немногим удаётся всего себя делу подчинить. Слаб человек. Многим хочется сладко есть, мягко спать... Не утруждать сильно. А ты, Михайла Петрович, все жилы вытянул на службе. Всего себя ей отдал.

Лазарев, закрыв глаза, словно по книге памяти прочёл, прошёл вновь по всем своим значимым служебным вехам: С 1803 года — в море. Непрерывных пять лет в Северном и Средиземном морях, Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. Уже в 1808 году — первое сражение на корабле «Всеволод» с двумя английскими линейными кораблями на

Балтике.

Мало кто знает, что сподобилось участвовать Михаилу Петровичу и в войне с Наполеоном. Отвлекая силы французов от Риги, русская эскадра бомбардировала Данциг.

Особая веха в жизни Лазарева — Северная экспедиция вместе с Белингаузеном на шлюпе «Мирный». 751 день длилось это тяжелейшее плавание, в ходе которого было совершено невозможное, находящееся за пределами человеческих возможностей.

И личный пример командира шлюпа был залогом успеха всей этой Одиссеи, которая и позволила России открыть этот непростой, но самый экономичный путь для будущих мореплавателей, защиты русских владений, товарообмена и международных связей.

В 1826 году Лазарев был назначен командиром линейного корабля «Азов», который вписал не одну славную страничку в историю флота России. За великое счастье почёл молодой командир службу под началом выдающегося флотоводца, адмирала Сенявина.

Именно о его любимом командующем говорили: «Его подчинённые более всех наказаний страшились утраты улыбки, с кою он отдавал распоряжения и с кою принимал доклады». Этот стиль руководства стал органичным и естественным и для самого Лазарева. На всю жизнь.

20 октября 1827 года — участие в знаменитом Наваринском сражении в роли командира «Азова», так и по совместительству — начальника штаба эскадры.

Душой русского флота называли его отныне на кораблях. И он этого и стыдился, но и был признателен и горд от такой оценки своей деятельности подчинёнными. Не уставал им повторять: «Благодарю за честь состоять Вашим командиром!»

«Азову» под его началом в этом сражении пришлось вести бой с пятью кораблями противника. И все они были уничтожены. Именно в этом сражении отличились будущие герои Севастопольской обороны — лейтенант Нахимов, мичман Корнилов и гардемарин Истомин.

Лазарев счастливо улыбался: и то, за Наваринский бой его «Азов» был удостоен высокой награды — кормового Георгиевского флага, а он сам произведён в контр-адмиралы.

39 лет! Какое дерзновенное и славное было время. Сколько планов и сил было для служения Отечеству. И Лазарев их не экономил, а все отдавал служению Отечеству, ревностному выполнению своего воинского долга.

В 1832 году Михаил Петрович становится начальником штаба Черноморского флота, а через год — и его командующим. И пробыл в этой роли 18 лет!

«Забудут потомки, да и не ради памяти я старался — но и основание Новороссийска для базирования эскадры кораблей в бухте Цемес, чтобы патрулировать Кавказские берега — дело моих рук», — продолжал он думать про себя.

Флот не остался в стороне в борьбе против мятежников Шамиля.

А сколько трудов положено на издание подробного Атласа Чёрного моря, обустройство самого Севастополя, создание Морской библиотеки и Дома собрания, строительство Адмиралтейств в Николаеве, Новороссийске и Севастополе. Он улыбнулся: «Историки оценят, где был велик, где был мал. Но я жил для Отечества и даже дышал для него и во имя его».

Самыми дорогими в этих воспоминаниях были годы командования линейным кораблём «Азов». Вот ведь удача —

встретить в жизни таких офицеров, такой экипаж!

Лазарев даже в мыслях исключал то, что это его неустанный труд по воспитанию офицеров, их обучению, ежедневной скрупулёзной работе со всей командой и сделал весь экипаж корабля «Азов» таковым. Как человек исключительно скромный он считал, что это его Господь и судьба наградили таким счастьем — быть во главе такого коллектива.

Он умиротворённо заулыбался. И Шаповалов не преминул отметить:

— Знаю, знаю, — проговорил он ворчливо, — любимцев своих вспомнил. Верно говорю?

— Верно, Фёдор Ефимович, верно...

Вскинулся. Даже помолодел:

— А ведь скажи — орлы! Уже в ту пору видно было, что на многое посягнуть будут иметь дерзость, многого достигнут.

Павлуша Нахимов — лейтенантом его ко мне назначили. Основательный, всю душу из меня выматывал, чтобы всё, чем сам владею, ему передать. Ни минуты покоя! Себе не давал ни минуты покоя. Корнилов — мичман, а волю, ум — уже тогда адмиральский имел. И Владимир Истомин — гардемарин... А сегодня, сам знаешь, отец, линейным кораблём «Париж» командует, капитан I ранга. Посмотришь, Фёдор Ефимович, они ещё прославят русский флот. Самородки!

И надолго замолчал, так как очень устал от такой длинной речи. Да ещё и на таком душевном подъёме. Не тревожил его и Шаповалов, понимал состояние своего любимца, только бурку бережно подтягивал вверх, укрывая Лазарева от свежего ветра.

Вскоре оказался Георгиевский монастырь. Тихий, мелодичный звон его колоколов разносился окрест. Казалось, даже море, недавно в ярости, диким звуком бросившееся на берег и на огромный камень, с крестом наверху, примирнело.

— Ну, вот и прибыли, — сказал Шаповалов.

— Домой?

— Нет, Фёдор Ефимович. В этот раз — в Храм сразу. Боюсь, потом сил не хватит.

И он, опираясь на твёрдую руку Шаповалова, тяжело слез с лёгкой коляски и пошёл, шаркая ногами, к Храму.

Дивное это было место. По преданию, корабль греческих паломников, в страшную бурю разбился о скалу, на которой они, в благодарность Господу за своё спасение, и воздвигли крест: вначале — из обломков мачт; затем, через годы — тяжёлый, дубовый. Вечный.

Тут же, на берегу, и присмотрели монахи место под монастырь. Уж больно оно было благостным и величественным.

Тому столетия минули.

И когда Лазарев вступил в командование Черноморским флотом, впервые оказался в этих местах, сразу же родилась мысль — хоть шалаш какой-то поставить рядом с этим благолепием и хотя бы изредка, как позволит служба и обстоятельства, выбираться сюда, чтобы набраться сил.

И Шаповалов, заметив, что это место дорого и свято для Лазарева, в несколько дней, с матросами-плотниками соорудил маленький домик. В несколько комнат, испросив на это позволения у настоятеля монастыря. Тот даже был рад такому соседству со знаменитым флотоводцем.

Сколько они потом вечеров скоротали за неспешными беседами. Да за крепким чаем, который им подавал практически невидимый Шаповалов.

Вспомнил Фёдор Ефимович, как был растроган Лазарев, когда он его привёз первый раз в только что построенный домик. Лазарев радовался, словно ребёнок,

обходя комнаты домика.

Они действительно были крошечные. По шесть-восемь метров. Но как приятно было ощущать запах смолянистых жёлтых досок на полу, сидеть у камина — и об этом позаботился Шаповалов. И слушать неустанный шум прибора, а нередко — и грозный рокот буремного моря, которое словно силилось проломить скалы и свергнуть в пучину обустроенный берег.

Было здоровье — спускался Лазарев по вырубленным в скалах ступенькам к морю и долго бродил по побережью, вынашивая свои потаённые мысли, которым уже завтра надлежало стать планом и программой действий по упрочению силы и возможностей флота.

Он прекрасно понимал, что Турция не смирится со своим поражением на море и будет всячески наращивать своё военное могущество.

Лазутчики сообщали, что на турецком флоте увеличилось количество английских инструкторов, корабли Англии и Франции заходили в Чёрное море и осваивали его акваторию. Поэтому он знал, что впереди — ещё не одно сражение, не одна битва за право быть хозяином моря. Без него России не жить.

«И наши деяния с Павлушей, — любовно вспомнил он Нахимова, — покажутся лишь детскими забавами в сравнении с тем, что грядёт.

Могущества России страшатся и будут препятствовать ему изо всех сил. И Чёрное море в этих будущих схватках — основной узел противоречий. Яблоко раздора основное».

Мысли эти не оставляли его и сегодня, но сил осуществить упреждающие меры уже не было. Идя рядом с Шаповаловым и налегая на его руку, а с каждым шагом — всё тяжелее, спокойно размышлял о приближающейся кончине и знал, что не ему, нет, уже не ему осуществлять неотложные меры по подготовке флота к будущим сражениям.

Настоятель монастыря, отец Гермоген, встретил их у врат Храма. Не формально, не просто по чину, а как человека родного и близкого душевно обнял Лазарева, троекратно осенил его крестным знамением и облобызал.

— Здравствуйте, сын мой! Рад Вас видеть, дорогой Михаил Петрович. Давненько уже не выбирались в наши края. С Божией помощью мы и хвори Ваши изгоним, и силы, и дух, дорогой Михаил Петрович, укрепим. А сейчас — вечерняя служба, помолимся вместе и испросим у Господа помощи и покровительства. Защиты его.

И он, поклонившись Лазареву, стал готовиться к службе. Шаповалов принёс стул и насильно усадил Лазарева:

— И не вздумай мне перечить. Вон, белый стал, как полотно. И ноги дрожат. Садись, садись... Церковь позволяет тем, кто немощен, и сила обращаться к Богу.

Лазарев сел на стул и закрыл глаза.

Людей в Храме было человек за пятьдесят, но к Лазареву все здесь привыкли и никто не сторонился командующего флотом и не испытывал никакой робости. А старые моряки, которых было немало, всё норовили подойти поближе, чтобы увидеть любимого адмирала.

А уж участники походов под его водительством, без робости, а душевно и просто, на миг приникали к плечу любимого флотоводца и целовали ему высохшие руки. Всех помнил поминённо старый флотоводец и ко всем обращался со словами добра и участия. А Георгиевским кавалерам всегда подавал по рублю.

— За здоровье твоё, Батюшка, выпьем сегодня по чарке. Благодарствуем!

Служба в этот раз шла по-особому. Или её так чувствовал угасающий адмирал. На душе у него было светло и покойно:

«Что мог — свершил. Не шадил себя, людей же — как мог, берёг. Врагу не дал на поругание святыни наши, землю русскую и стяг государства Российского».

Каким принимал 18 лет назад флот под своё начало? С бору — по сосенке надёрганные корабли, из сырой, невыдержанной древесины сработанные, тяжёлые, неповоротливые.

Да и вооружение их каким было? Совершенно не сравнимым с сегодняшним.

Так что жизнь не зря прожита. А главное — плеяда соратников воспитана. Корнилову с Нахимовым хоть сейчас вручай флот под начало, справятся и даже превзойдут меня.

А там и Истомин уже им на смену готов встать. Талантливый офицер. Любимец флота.

Тотлебен — честолюбивый граф, а как печётся о наземной обороне Севастополя, строительстве рavelинов и батарей. Этому проверять не надо. Сам до всего дойдёт. Всё постигнет».

Так и просидел он всю службу в мыслях, словно итога прожитую жизнь. И когда к нему для благословения подошёл отец Гермоген, лицо Лазарева было таким вдохновенным и светлым, что не удержался духовный пастырь и отметил:

«Это Вам бы, Михаил Петрович, всех благословлять, а не мне, службе простому. Не от себя, от Господа нашего — благословляю Вас, славный витязь, и прошу Его, Отца небесного, простить Вам все прегрешения вольные и невольные и сил Вам придать на служение Отечеству».

Храни Вас Бог, достопочтенный Михаил Петрович!

И он трогательно облобызал Лазарева, осенил крестным знаменем и удалился из Храма по неотложным и многочисленным делам.

Шаповалов помог Лазареву подняться, и они медленно и тяжело пошли к дачному домику. Вечером у камина он сказал Шаповалову:

— Ты, отец, не вздумай меня в тёплую постель. Знаю, не спорь, близок мой час, на корабле и хочу умереть. Вот об этом прошу тебя, как брата...

Больше на эту тему они не говорили...

Но старый Шаповалов не смог выполнить последней воли своего адмирала, побратима боевого и сына названного.

Михаил Петрович угас в Вене, где находился на излечении, куда был направлен монаршим указом, на руках Шаповалова.

Шаповалов приёз, на катере, прах родного человека к Графской пристани, где его дожидался линейный корабль «Париж» под началом капитана I ранга Истомина.

Никому не доверяя бесценную ношу, старый матрос вместе с соратниками приподнял гроб, где находилось тело Лазарева, и, обливаясь слезами, направился к кораблю.

Истомин, бледный, со слезами, которых ни он, ни все присутствующие не стыдились, у трапа принял от потерянного Шаповалова драгоценную ношу и вместе с офицерами понёс её на свой корабль.

И никто в ту пору не знал, что и учителю, и его ученикам — Корнилову, Нахимову, Истомину — пошлёт Господь счастье упокоиться рядом во Владимирском соборе Севастополя.

Уже навеки.

Нахимов, предельно занятый общим руководством Синопским сражением, которое он скрупулёзно спланировал, тем не менее, не удержался и тут же велел вахтенному офицеру передать свою личную благодарность командиру 120-ти пушечного линейного корабля «Париж», 39-летнему капитану I ранга Истомину: «Почитаю за высокую честь начальствовать над Вами. Вы являетесь образцом для подражания всему личному составу эскадры. Благодарю Вас за мужество и отличную подготовку экипажа».

Это была честно заслуженная награда. «Париж» под водительством искомётного Истомина, несмотря на огонь турецких береговых батарей и корабельной артиллерии неприятеля, чётко выдержал огороженный заранее курс, не отклонившись от него ни на сантиметр, команда споро завела якоря, и корабль тут же ожил — безжалостный огонь 60-ти пушек одного борта начал свою разрушительную работу.

В воздух сразу же взлетела дорогая обшивка турецкого флагмана, сиротливо повисла мачта с флагом неприятеля, на котором на месте полумесяца сияла дыра от ядра.

— Прошу Вас, Сергей Сергеевич, голубчик, — не поворачивая головы и не отрываясь от ползорной трубы, спокойно сказал Истомин вахтенному офицеру, — попросите комендоров — не отвлекаться ни на что, огонь только по флагману, в самом высоком темпе.

Уже через несколько минут флагман запылал. Турки перестали стрелять вообще и стали прыгать с борта корабля в воду...

— А теперь, — распорядился Истомин, — огонь по следующему кораблю.

И «Париж» снова пошёл яростный огонь по очередной цели. Так, последовательно он уничтожил три корабля противника, и только после этого экипаж стал выпаскивать на борт копошащихся в воде турок. Степенный матрос, закусив ленты бескозырки, выпалил на борт дорожного турка тяжёлыми золотыми ядрями на сюртуке. И звучно, с хохлацким акцентом, закричал, обращаясь к Истомину:

— Ваше Высочество, так что поглядите, какого я важнецкого турка вытягиву! Якийсь начальник!

Истомин оглядел турка с ног до головы и, молодо засмеявшись, обнял матроса и расцеловал:

— Ох, Охрименко, какой ты нам всем подарок изволил! Это же командующий турецкой эскадрой вице-адмирал Осман-паша.

Проворный матрос тут же снял с Осман-паши его палаш и протянул Истомину. Тот, взяв палаш в руки, тут же повернулся к сигнальщикам:

— Сигнальщики, — зычно крикнул он, — доложить Его Превосходительству вице-адмиралу Нахимову о такой удаче. Ура, братцы!

И его поддержал рёв матросских голов. Да так, что этот торжественный клич даже услышал Нахимов, несмотря на артиллерийскую пальбу.

— Спасибо, Истомин, — прошептал он и снова приник к своей подзорной трубе.

Через пару часов всё было завершено. Турецкая эскадра перестала существовать. Спаслись из семнадцати кораблей противника удалось лишь одному пароходофрегату, который тоже был изрядно избит русской артиллерией.

Нахимов, как мог, воздал все возможные заслуженные почести Истомину. Ему было присвоено звание контр-адмирала, и монаршим указом он был удостоен Георгиевского креста III степени.

Нахимов, вручая эполеты с орлом Истомину, вспомнил о случае вообще беспрецедентном — когда 8 октября 1827 года Истомин, в ту пору ещё гардемарин, за личное мужество в Паваринском сражении был удостоен ордена Святого Георгия Победо-

Истомин

Контр-адмирал
Владимир Иванович ИСТОМИН.

носца IV степени, тут же последовал и первый офицерский чин — мичмана.

И старые морские «волки», офицеры чинами намного старше Истомина, поначалу недоумевали — это же по какому-то недосмотру или по ошибке чьей этот мичманец так высоко отмечен — самой желанной и высокой для каждого офицера наградой. Пожалуй, это был единственный случай на русском флоте, когда гардемарин был удостоен столь высокого отличия.

И этому правилу — презрывать опасность и смерть и всегда служить примером для подчинённых — Истомин был верен всю жизнь...

С началом осады Севастополя Корнилов, по совету Нахимова, назначил Истомина начальником 4-й оборонительной дистанции. Это было самое сложное дело его жизни. Весь вопрос состоял в том, что эту дистанцию надо было создать, обустроить, укреплить, снабдить корабельными орудиями и личным составом, который не только надо было собрать с «бору по сосенке», но ещё и обучить.

И его на всё это хватало. Не было минуты, не было дня, чтобы он не появлялся в самых ключевых точках линии и не принимал самых энергичных организаторских и воспитательных мер. Офицеры гордились своим командиром.

И, как знать, будущая слава России формировалась именно среди офицерского состава, выпестованного Истоминым в значительной мере. Из тех, кто остался в живых. Всем участникам обороны запомнился один поучительный пример, к которому Истомин прибежал умышленно. Расчётливо и даже зло. В очередной артоналёт врага два орудия (это он определил по звуку, на слух), примыкавшие к Малахову кургану, не стреляли. И когда он, взбешённый, неспешным шагом, умышленно, прошествовал к орудиям — его изумлённому взору открылась странная картина: матросы в растерянности струсились в капониры, а командира батареи нигде не было видно. Истомин, сдерживая ярость, спокойно обняв за плечо старого баталера, спросил:

— А где лейтенант Фомин?

— Так что, Ваше Превосходительство, не ночевали Его Богородие на батарее, не вернулись...

— Откуда?!!

— Ну, — и матрос замаялся...

— Ты, Карпов, меня знаешь, — еле сдерживаясь и побагровев от гнева, еле слышно проговорил Истомин — изволь отвечать. Ты — после Фомина, старший на батарее.

Карпов вытянулся в струнку:

— Так барышня у него на Северной стороне. Уж больно пригожая.

И отчаянная! Почти каждый день к нам приходит — еду приносит, кому-нибудь

одежду подштопает, что увидит, а то все оборвались, Ваше Высочество. Хорошая барышня, Ваше Превосходительство, мы так и кличем её дочкой промеж себя...

И тут на батарею вбежал Фомин.

Увидев Истомина и молчащие пушки — побелел, как мел.

— Ваше Превосходительство, после боя — застрелюсь. А сейчас — позвольте, Ваше Превосходительство, искупить вину и открыть огонь по неприятелю...

И уже не обращая ни на кого внимания, даже на Истомина, стал умело и сноровисто распорядиться на батарее. Истомин засмеялся и пошёл на свой командный пункт. Остановился у орудия, которое извергло первое ядро по врагу, и тихо, только для Фомина, бросил:

— И без глупостей мне, Фомин! После отражения налёта противника — ко мне.

Героической была и последняя страница в жизни этого молодого ученика Истомина. Когда вся его батарея пала при штурме неприятелем Малахова кургана, ошеломлённые противники встретили на бруствере окопа для боевых припасов молодого офицера в парадной форме.

Противники, как на диво, смотрели на Фомина и радостно гоготали: как же, первый в таких обстоятельствах защитник Севастополя попадает им в плен. Молодой русский офицер, на груди которого теснились три ордена, стоял, горделиво положив левую руку на кортик.

— Собирайтесь, собирайтесь, Господа, — на хорошем английском языке обратился к вражеским солдатам и офицерам. — Позовите сюда начальство ваше. Имю чрезвычайное сообщение.

Англичане тут же известили своё высокое начальство, что ими пленён русский офицер. К окопу чопорно, не вынимая сигар изо рта, подошла группа английских офицеров. Возглавлял их тучный, багровый полковник. И только он обратился к Фомину в надежде услышать что-то важное, Фомин, мертвенно побледнев, тихо бросил в люк окопа:

— Давай, Кривцов. Устал я от них...

Оглушительный взрыв вздыбил холм. От его силы в воздух взлетели даже две пушки из окопов, круша всё на своём пути. Герой ценой своей жизни унёс с собой десятки врагов, которые в ужасе, из тех, кто остался в живых, бежали вниз, оставляя оружие и изувеченных товарищей.

Истомин через несколько часов, когда враг был в бесчисленный раз сброшен с кургана в штыковом бою, преклонил колена на краю развороченного взрывом окопа и, обращаясь к своим однополчанам, сказал:

— Вот у кого мы должны учиться мужеству! Честь России, товарищи мои боевые, в этом окопе погибла. Храни Господь Его душу бессмертную, — и он благоговейно перекрестился и поклонился руинам.

Такой же лёгкой была смерть и самого Владимира Ивановича. Он не кланялся пулям, не укрывался от ядер — верил в судьбу и даже говорил своим подчинённым, что он — заговорённый и смерть его не наступит.

В очередной налёт противника, ядро оторвало ему голову. Думается, что он даже и не понял, что произошло.

***

Именем адмирала Истомина названа красивейшая улица Севастополя. Сего именем и именами его боевых товарищей, с которыми он и покоится во Владимирском соборе, наши воины освобождали Севастополь в годы Великой Отечественной войны.

И сегодня гордо реет Андреевский стяг на мачте фрегата, который носит имя контр-адмирала Истомина...

Нахимов

Павел Степанович Нахимов у гроба Истомина плакал навзрыд и не стыдился своих слёз — его любимый ученик, соратник и единомышленник погиб сегодня, во время очередной бомбардировки Севастополя неприятельскими войсками. Она была страшной — огонь вёлся как из корабельных орудий, так и с сухопутных батарей. Казалось, ничто живое не способно выжить в этом аду. Но защитники Севастополя выжили и ответили врагу так, что шесть кораблей его эскадры были выведены из строя.

Да вот цену заплатили мы, по мнению Нахимова, совсем не равную — самый светлый из людей, рыцарь без страха и упрека, душа всей обороны контр-адмирал Истомин, в одно мгновение был обезглавлен ядром неприятельского орудия.

— Прошу Вас, — говорил Нахимов сквозь слёзы и несдерживаемые рыдания, обращаясь к присутствующим офицерам и матросам, — у ног его похороните, если паду за Севастополь. Честь России хороним! Таких, как он, больше нет в российском флоте, ибо он был самым лучшим. Единственным и неповторимым. И таким — самым лучшим, он был всегда.

Вспомните, товарищи мои старинные, как командуя линейным кораблём «Париж» при Синопе, он действовал. Бесстрашно и расчётливо. Его «Париж» уничтожил два линейных турецких корабля. А он, не дрогнув под ливнем турецких ядер, даже шага не сделал в сторону на мостике. Истинный герой, исполнит!

...И старые матросы, несшие гроб с телом Истомина, плакали вместе со своим адмиралом.

Но какой бы страшной ни была беда и нестерпима тяжесть утраты, Севастополь требовал неуслышного внимания Павла Степановича, и он не мог предаваться страшному горю, обусловленному утратой дорогого друга и побратима.

После смерти Корнилова и теперь, после внезапной гибели Истомина, Нахимов осиротел. Он знал, что те участки, за которые отвечали они, полностью пали страшным грузом на его плечи. Не хватало сил, не хватало времени, а главное — не хватало людей, чтобы и дальше сдерживать неприятеля хотя бы на начальных позициях, на подступах к Севастополю.

Поэтому не грели его сердце новые эпюлеты с тремя орлами, что было высшим признанием флотоводческой мудрости, опыта и зрелости — как же, полный адмирал. Главного командующий над всем Черноморским флотом.

— Но у этого адмирала, — скептически улыбался Нахимов, — оставалось всё меньше в строю активных штыков.

И он, в прямом смысле, с тетрадкой в руках вёл учёт боеспособных орудий и зарядов к ним, а также — оставшегося в строю личного состава. Севастополя в прежнем виде, каким он рождался, вырастал на глазах Нахимова, уже не было — все деревянные строения сгорели, каменные же — были разрушены. Но город жил. И боролся. И в каждом дне его сопротивления была видна душа и неутомимость Нахимова.

Матросы спозаранку ждали его появления на Малаховом кургане — центральном узле всей Севастопольской обороны. А в последние дни он и не уезжал отсюда вовсе.

И вот в одну из таких ночей он сидел у костерка в капонири, сооружённом матросами, чтоб не видел неприятель, и вспоминал. Сколько же вместила судьба за его долгую, почти тридцатипятилетнюю службу на флоте.

Но самым памятным и дорогим была даже не победа в Синопском сражении, где он стяжал себе право лучшего флотоводца парусного флота на Чёрном море, личная

Адмирал
Павел Степанович НАХИМОВ.

доблесть в Наваринском сражении в молодости, за которые он щедро был отмечен милостями Государя, а начальные его шаги службы с незабвенным Михаилом Петровичем Лазаревым.

Он зримо ощущал присутствие любимого командира, а затем флотоводца всю свою жизнь. Это был учитель от Бога. Ему было лано вразумлять — не подавляя. Обучать — без принуждения, возвышать — не уничтожая других.

Нахимов заулыбался, вспомнив, как во время шторма, будучи вахтенным офицером, не проверил лично, мичманом ещё был, как были закреплены паруса перед надвигающейся непогодой. И как Михаил Петрович, не сказав ему ни слова, сам выправил его ошибку, чётко и безукоризненно отдавая распоряжения матросам старших сроков службы, а выбрал он только их для этой сложной задачи. А затем вечером, словно ничего и не произошло, пригласил Нахимова на ужин. И за трапезой, ни в чём не упрекая Нахимова, рассказывал ему истории из своей службы под началом незабвенного адмирала Сенявина.

Но каждая история как-то заканчивалась убедительным примером, что в морском деле нет и не может быть мелочей. Ибо каждая из них в определённых обстоятельствах может вырасти до роковой.

Нахимов вспомнил, как он, уходя от гостеприимного командира, только и сказал:

— Ваше Высокоблагородие, досточтимый Михаил Петрович, более ни одного изьяну в моей службе Вы не увидите. Спасибо за науку.

И действительно, с этой поры Лазарев даже старшим по чину ставил в пример молодого офицера. Ни разу более он не дал оснований думать о себе, своих поступках и своих решениях не то, что в негативном, а даже просто в критическом плане.

А уж после Наваринского сражения, за которое он был удостоен Георгиевского креста 4 степени, и досрочного присвоения высокого звания капитан-лейтенанта слава о Нахимове разносилась по всему Черноморскому флоту.

И так было угодно распорядиться судьбе, что на прославленном «Азове» под водительством Михаила Петровича Лазарева соединились судьбы будущих адмиралов флота российского, руководителей Севастопольской обороны в годы Крымской войны — мичман Корнилова, гардемарина Истомина и его, лейтенанта в ту пору, Нахимова. Сказать, что они подружились в то далёкое уже время навек, значит не сказать ничего. Они стали единомышленниками и соратниками.

Дольше всех, в каюте одного из них, как

получалось — горел свет, где шли горячие споры о будущем флота, о стратегии и тактике морских сражений, проблемах кораблестроения, обучения и подготовки людей к будущим сражениям. К слову, уже тогда они говорили об ограниченности парусного флота и поиске иных движителей судов.

Несколько раз даже сам Лазарев ворчливо, но с большой любовью разгонял полуночников по своим каютам, ссылаясь на трудности будущего дня и сложности стоящих задач, которые предстоит выполнять команде их корабля.

А сам, уходя в свою каюту, только и бормотал себе под нос:

— Какие же молодцы! И дня им мало. Будущее флота России растёт! Попомните меня, — словно у него при этом разгоне были свидетели, — все до единого будут адмиралами. И ещё я, Бог милостив, буду этому свидетелем. Только трёх учеников возрастить — уже жизнь не зря будет прожита. Храни их Господь!

И только одно сушило душу Нахимова в эту пору — его незабвенная первая и последняя любовь отказала ему во взаимности.

— Нет, Павел Степанович, я не могу вынести того груза, который ложится на плечи жён военных моряков. Не моё это. Поэтому — Вы простите меня, но я не могу стать спутницей Вашей жизни.

Так он и остался одиноким. Правда, счастливым отцом, как он говорил о себе: дети его — матросы. С той поры они и стали главной его заботой. Он и жил, и постоянно думал о них, даже отдавал значительную часть своего содержания на улучшение их пайка. А главное — в каждом бою, в каждом сражении, он всё дело подготовки экипажа сводил к тому, чтобы выиграть их с наименьшими потерями, а ещё лучше — и вовсе без них, как это и произошло в Синопском сражении.

Сколько минуло лет, века минут, а это сражение всегда и везде будет образцом неустранимости полководца, тонкого расчёта сил и средств, моральной стойкости моряков, их высочайшего профессионализма.

Флот Турции, втрое превышающий численность эскадры Нахимова, а по весу их залпа — более, нежели вчетверо, был уничтожен без потери даже одного корабля Нахимова. В сто раз были меньшими потери и людей. В сто раз!

Хранил Господь и самого Павла Степановича в этом сражении, который держал свой флаг на линейном корабле «Императрица Мария». И не со стороны турецких ядер, сохрани Бог, уж эту опасность он презревал всегда и научился не обращать на неё внимания вообще.

Главная опасность исходила от интриг паредворцев. Меньшиков, главнокомандующий всеми вооружёнными силами в Крыму, откровенно не любивший Нахимова за высокий авторитет и любовь во флотской среде, приказал Корнилову, начальнику штаба флота, выйти в море и принять под своё начало эскадру, возглавляемую Нахимовым. Слава Богу, что у Владимира Алексеевича хватило такта и разума «опоздать» к началу сражения. И Павел Степанович стяжал себе в этом сражении славу самого опытного и талантливого флотоводца парусного флота. Больше сражений такого масштаба парусный флот не знал.

Пришло время паровой машины, о чём ночами говорили ещё юные офицеры на линкоре «Азов». Эти воспоминания отвлекали Павла Степановича от трагического положения Севастополя. Он прекрасно понимал, что силы защитников города на исходе.

Они просто тают на глазах. И никакого расчёта, надежды даже на изменение ситуации просто не существовало.

Севастополь не пал. Севастополь просто истаял. Не стало людей, которые могли сражаться с неприятелем...

Память ещё раз вернула Нахимова в про-

шлось. Он даже усмехнулся, вспомнив вершину своего военного искусства в Синопском сражении:

— Да, наверное, моложе был. Хотя и минуло всего лишь два года с той поры. Но каких! За десятилетия исчислял бы их.

Дерзнуть против всего турецкого флота в 17 вымпелов — лишь шестью кораблями, что были у меня под началом, выступить — это только дерзновенный расчёт и молодость могли позволить свершить такое. А ещё — вера в своих людей. Безграничная вера в своих людей.

Один Новосильцев, младший флагман, чего стоил, Истомин... И на секунду не дрогнули под огнём, сблизившись с неприятелем на расстоянии пушечного выстрела и обрушили на него всю мощь корабельной артиллерии. Но это был не стихийный порыв, а мастерство, которое достигалось годами.

И полдом врагу! Духом он жиге оказался в первую очередь. Ни береговые батареи ему не помогли, ни трехкратное превосходство в кораблях. Враг был уничтожен полностью — шестнадцать кораблей из семнадцати потерял. И Осман-пашу, командуящего турецким флотом, в плен захватили вместе с его командирами кораблей и английскими инструкторами, да, именно английскими офицерами.

...Мысль Нахимова всё бежала дальше:

— Нет, прошлое, сколь бы оно ни было величественным и умогательным, греющим душу, сегодняшних проблем решить не может. Надо думать, как сегодня неприятеля перехитрить. Прямоком в лоб его не одолеть. Сил не хватает. Начали войну — у врага было шестикратное превосходство, а сейчас — и того больше. Много людей мы потеряли. Недопустимо много.

***

Утром Нахимов, как всегда, обходил позиции на Малаховом кургане. И когда он остановился у бруствера капонира с орудием и достал свою подзорную трубу, чтобы посмотреть на неприятельские боевые порядки, пуля штыцера и ударила ему в висок...

Два дня он, не приходя в сознание, всё метался в горячке, а затем, придя на секунду в себя, только и сказал:

— Так не забудьте, хоть в ногах Истомина, но похороните... там...

И тут же затих. Уже навсегда...

И когда на третий день его прах несли к усыпальнице, где уже упокоились Лазарев, Корнилов, Истомин, даже интервенты перестали стрелять и вести пушечную пальбу, а с мачт их кораблей, к изумлению русских моряков, стали приспускать флаги. Так даже враги признали высочайший подвиг Павла Степановича Нахимова.

Правда, это им не помешало впоследствии осквернить прах прославленных флотоводцев и искрыть их могилы...

***

Минули годы.

И в пору очередного военного лихолетья, на которые так щедро была история России, Верховный Главнокомандующий лично предложил учредить Орден Нахимова для награждения героев-моряков и медаль его имени, а имя прославленного флотоводца присвоить современному крейсеру. И собственноручно повесил его портрет в своём кабинете, рядом с портретами чести и совести русской земли — Суворовым, Кутузовым, Дмитрием Донским и Александром Невским.

Нравственный пример Павла Степановича Нахимова и слава его имени помогли России и в этом страшном испытании.

Помоги, Господь, России и в это лихолетье, и пусть имя адмирала Нахимова придаст нам всем силы и мужества, сподвигнет на ревностное служение Отечеству в час испытаний. А в том, что они грянут, ни у кого сомнений быть не должно.

«Берегите Севастополь!»

Начальник штаба Черноморского флота Владимир Алексеевич Корнилов в новеньких эполетах вице-адмирала неспешно шёл Приморским бульваром. Редко выпадала такая минутка, и он её очень любил и дорожил теми мгновениями светлого человеческого счастья, на которые, казалось, за своей занятостью, и права не имел.

Бульвар в эти предвечерние часы был полон народу: здесь и молодые матери с малышами прогуливались вдоль нарядных дорожек, которые разделяли клумбы, засаженные цветами.

На скамейках чинно сидели старые ветераны, которые неспешно поднимались со своих скамеек и сердечно приветствовали вице-адмирала.

Он особенно тщательно прикладывал им в ответ руку к козырьку фуражки и тепло их приветствовал. Даже женщины и те сердечно кланялись начальнику штаба флота и обращали к нему слова светлых пожеланий добра и благополучия. Особо выделялись группы старых моряков, которые при виде Корнилова вставали и, сдёрнув с головы бескозырки, кланялись ему и степенно произносили:

— Здравствуй, батюшка! Храни тебя Господь!

Корнилов склонял свою голову в приветствии им в ответ, прикладывал руку к сердцу и шёл дальше. Повстречав молодых мичманов и отдав им ответно воинское приветствие, заулыбался.

Вспомнилось, как к нему в каюту на славном «Азове» не вошёл, а ворвался командир корабля капитан I ранга Лазарев Михаил Петрович и, не говоря ни слова растерянному молодому мичману, повывбрасывал в иллюминатор все французские романы, которых у Корнилова было множество, и тут же, как всегда, унёсся по своим делам.

Через несколько минут его верный душеприказчик, оруженосец Шаповалов, занёс в каюту Корнилову две огромные связки книг:

— Так что, Ваше Благородие, его Высокоблагородие Михаил Петрович приказали Вам доставить эти книги.

Именно с этого дня Корнилов стал упорно и даже упрямо учиться, ограничивая себя в праздности. И настойчиво постигал все премудрости военно-морской науки.

Даже характер его изменился — он стал менее словоохотлив, больше слушал опытных офицеров, но итог любого разговора ли, спора, который он подводил, всех ввергал в изумление: суть разговора при этом выражалась наиболее рельефно, полно, глубоко, и к его словам добавив, практически, никто ничего не мог.

Именно он в скромном чине капитана II ранга стал самым первым помощником Михаила Петровича Лазарева по строительству нового флота, его нового облика, выработке новой стратегии и тактики морских сражений и боёв.

Он отчётливо понимал, что будущие сражения будут происходить не только на морских коммуникациях, но и на суше, в прибрежных районах, поэтому, по сути, первым из военачальников ставил вопрос о координации действий флота с сухопутными войсками, создании первых формирований морской пехоты на Чёрном море.

Много сил было положено на строительство рavelинов, артиллерийских батарей береговой обороны. Самое же

Адмирал
Владимир Алексеевич КОРНИЛОВ.

главное, что ему удалось создать, сплотить офицерский коллектив флота. Великое счастье — ему удалось выстроить тёплые отношения с Нахимовым, который командовал эскадрой Черноморского флота. Павел Степанович был старше по возрасту, производству в вице-адмиралы.

Но он сам по-братски обнял Корнилова и тепло ему сказал: «Владимир Алексеевич, голубчик. России, Отечеству нашему благословенному служим, и какие могут тут быть счёты — кто раньше чином отмечен да возрастом старше».

Я признаю Ваше старшинство, и как брату, товарищу боевому, с которым узы братства скрепили ещё на «Азове», под началом благословенного Михаила Петровича Лазарева заявляю, что всегда и во всех делах Ваших — я Вам союзник верный, соратник надёжный.

И они крепко обнялись, дав обет верности друг другу навсегда, на всю оставшуюся жизнь.

Был один момент, который мог испортить их отношения, но тактичный Корнилов и в этой ситуации нашёл выход: Меншиков,

Главнокомандующий всеми вооружёнными силами в Крыму, направил его принять под командование эскадру, которую вывел в море Нахимов, и дать туркам бой.

Но Корнилов, энтузиаст парового флота, возглавил отряд паровых фрегатов и, так скажем, к Синопскому сражению «опоздал». Лавры победителя стяжал Павел Степанович Нахимов и совершенно заслуженно, всё же он был лучшим командиром парусного, уже уходящего флота.

И как сказать, смог ли бы Корнилов так умело распорядиться наличествующими силами в сражении с турками, как это сделал Нахимов. Всё же это было не его, Корнилова, стихией.

Нахимов заслуженно получил Георгиевский крест III степени, а Корнилов, преодолевая сопротивление Меншикова, сделал всё от него зависящее, чтобы достойно почествовать Героя и его чудо-богатырей.

Но они отчётливо понимали, что все главные испытания впереди, и не долг тот час, когда коалиция супротивных государств — Англия, Франция, Турция — непременно выступит против России.

И адмиралы старались сделать всё возможное, чтобы подготовить флот и город к борьбе с превосходящими силами противника. Навсегда, для всех офицеров флота, запомнилось совещание, которое проводил начальник штаба флота.

Именно здесь он произнёс крылатую фразу, которая дошла до самого последнего матроса:

— Не верь отступлению! Никто не верь! И если команду на отступление дам я — тут же лишите меня жизни. Приказываю это сделать любому, кто услышит от кого бы то ни было приказ об отступлении.

У меня нет сомнений, что объединённые силы врага будут главным предметом своего интереса иметь Севастополь. Это база, нерв флота.

Отмечу сразу, нам рассчитывать сильно на помощь... э... (чуть не вырвалось — Государя) не приходится. А у нас самих сил явно недостаточно.

Поэтому прошу господ адмиралов, офицеров, всего начальствующего состава сухопутных сил — донести до каждого матроса, солдата, населения, что каждый из нас должен и сражаться за десятерых, и готовиться к предстоящим боям так, словно от воли каждого зависит судьба Севастополя.

...Как был прав начальник штаба флота — Севастополь, как говорил старый матрос, оставшийся в живых по завершению войны:

«Мы не потерпели поражения, нас просто не стало. Истаяли мы...»

И это было правдой. Из 11 тысяч защитников Севастополя в живых осталось лишь шестьсот человек.

Крымская война началась 4 октября 1853 года. Противник имел огромный перевес в численности войск. Против наших 11 тысяч человек в Крыму высадилось 62 тысячи интервентов. У наших войск было чуть больше 400 пушек, противник же имел вместе с корабельной артиллерией их более 1300. А если ещё учесть, что в английском флоте даже у французов и турок было много кораблей на паровом ходу, преимущества интервентов были очевидны.

А Россия, как всегда, к войне была не готова.

Корнилов успевал повсюду — не было

дня, чтобы он не объехал ключевые узлы обороны Севастополя, не вдохновил людей примером личного бесстрашия и отваги, не принял мер по усилению обороны переброской на угрожающие направления хотя одной роты, нескольких орудий.

И снова — цепетильность Корнилова. Он пришёл к Нахимову. Как к старшему товарищу, и прямо спросил:

— Павел Степанович, Вы понимаете, что не жажда почестей мною движет, скажите мне прямо: кто будет единоначально управлять обороной Севастополя? Я готов Вам как старшему по производству уступить эту честь, — он горько при этом усмехнулся и продолжил. — Но без единоличной воли и власти, Вы знаете, задач войны не выполнить. Причём единое руководство должно быть установлено над всеми войсками — и над флотом, и сухопутными. Иначе никакого успеха нам не одержать. Хорошо знаем с Вами, что у семи нянек — дитя всегда без глаза.

Дальше говорить ему Нахимов не дал:

— Глубоко чтимый Владимир Алексеевич, почту за честь быть у Вас в распоряжении на любом участке, который Вы определите. И больше об этом говорить не будем. У нас с Вами есть гораздо более важные дела, неотложные, которые надо решать незамедлительно, а не делить чины и посты.

И они склонились над картой района, определяя первостепенные задачи, которые не ждали промедления. В эти дни у Корнилова случился очень тяжёлый разговор с формальным командующим флотом. Адмирал Берг, холёный и беспечный, предложил Корнилову в виду явного превосходства противника согласиться на его условия.

То есть — попросту сдать и оставить Севастополь.

— А что, батенька, как у вас говорят — сила солону ломит. Деваться некуда. Корнилов вспылил:

— Вы, Ваше Высокопревосходительство, мне, русскому моряку, предлагаете святые знамёна, осиянные славою Потёмкина, Ушакова, Орлова — сложить пред врагом?

Пока я жив — этого не будет никогда! А Вам, Ваше Высокопревосходительство, лучше оставить Севастополь

Оборона Севастополя.

и нам не мешать. Мы же — не посрамим славы и чести русского флота. И — или отстоим Севастополь, или все здесь погибнем. Честь имею!

И он в страшном гневе вышел из кабинета Берга.

К слову, тот и не стал никого смущать своим присутствием — тут же ретировался из Севастополя, и никто его не видел там более.

Ни разу не вернулся к этой теме и Государь. Словно и не было начальствующего над флотом, пусть даже формального, в развивающихся, затем драматических событиях.

Мало кто знает о встрече Владимира Алексеевича Корнилова почти в последние дни его жизни с командующим экспедиционными силами Англии адмиралом Джеймсом Кардиганом. Англичане остолбенели, когда увидели коляску русского адмирала, направляющуюся в их расположение.

Адъютант Корнилова с брезгливой миной держал в руке большой белый платок, чтобы кто-то из интервентов сдуру не выстрелил.

Корнилов на безукоризненном английском языке обратился к первому же офицеру, который к нему не подошёл, а почему-то подбежал и вытянулся в струнку:

— Я — вице-адмирал Корнилов, как Вы, очевидно, знаете, командующий войсками осаждённого Севастополя...

У англичанина даже челюсть отвисла, и он, вытаращив глаза, смотрел на Корнилова.

— Нет, сэр, вы не думайте, ключей от Севастополя я вам не привёз.

Мне необходимо встретиться с вашим командующим, адмиралом Кардиганом.

Англичанин, наконец-то, обрёл дар речи:

— Господин адмирал, я готов Вас проводить к адмиралу Кардигану, тем более, что он со штабом располагается недалеко.

И он тут же вскочил на лошадь, которую ему подвели, и уже молча, ничему не удивляясь, поехал впереди коляски Корнилова.

Как ни старался Кардиган скрыть волнение, выйдя из просторной палатки, но сделать этого не смог. От досады, что Корнилов видит его растерянность, махнул рукой и заговорил в своей обычной манере:

— Три тысячи чертей, вот уж кого, но только не Вас, адмирал, я ожидал увидеть. Что, жарко у Вас от огня моих батарей?

— Сэр, — обратился к нему подчёркнуто официально Корнилов, — я не испытываю ни малейшего желания обсуждать с Вами бедственное положение Севастополя. Оно действительно ужасное. Вот, — и он вынул из кармана небольшой пакет, развернул его, и Кардиган отпрянул от стола, увидев содержимое пакета, — это платок с маленькой девочки не старше трёх лет, убитой только что, когда мы ехали к вам, осколками ваших ядер.

Кардиган молчал, нервно пожевывая так и не прикуренную сигару.

— Англия всегда тшилась господствовать не только на Чёрном море, — продолжил Корнилов. — Но этому, — он возвысил свой голос, — никогда не бывать, господин адмирал. Я прибыл к Вам с единственной целью — предостеречь Вас от роковых ошибок.

Пока жив хотя бы один защитник Севастополя, хотя нас, вы это знаете, изначально было меньше в шесть раз, Андреевский флаг будет гордо реять над Севастополем. Для Вас эта война тоже не прогулка. Мы же видим, как прира-

стают кладбища, где вы хороните своих солдат. Скоро вам будет нечем и некем воевать.

(Владимир Алексеевич словно пророчил. И сам лично Кардиган скончается в муках от острого желудочно-расстройства, дизентерии — И. К.).

Кардиган что-то хотел возразить, но Корнилов его перебил:

— Извольте выслушать меня, адмирал. В этой войне Вы против обыкновения явились заложником честолюбивых планов французов.

Ваш вечный соперник, пытаясь взять реванш над нами за 1812 год, вверг и вашу страну в столь тяжкие испытания. Что Вы забыли в России, адмирал, и неужели

Вы думаете, что английские матери будут Вам благодарны за то, что их дети сгинули на чужбине? Мы, адмирал, будем драться до последнего матроса, до последнего солдата, но Севастополь не оставим.

Оборона Севастополя.

Так и доложите своему руководству. Честь имею! — и он, не дожидаясь ответа, вышел из палатки и пошёл к своему экипажу.

— Трогай, отец, — обратился он к старому матросу. И тут же продолжил: — Надеюсь, ты не думаешь, старинный товарищ, что адмирал Корнилов милости у врага испрашивал?

И сам же ответил на этот вопрос:

— Нет, я предупредил предводителя неприятеля, что Севастополь будет держаться до той поры, пока там останется хоть один матрос, хоть одна живая душа. Мы меняем тактику борьбы с врагом и будем вести беспощадную войну на его полное уничтожение. Как ты думаешь, отец, прав я?

— Владимир Алексеевич, надёжа ты наша. Мы промем себя именно об этом и говорим. Спасибо тебе, благодетель, за слово доброе, за волю, за то, что ты дух наш укрепил.

И старый матрос, сняв бескозырку, поклонился Корнилову, повернувшись к нему на козлах коляски. Уже через час все участники обороны знали, зачем Корнилов ездил к английскому командующему.

И та ужасающая бомбардировка Севастополя, которая последовала 5 октября, и явилась ответом лорда Кардигана на гневную речь Корнилова. Море кипело от разрывов неприятельских ядер, по всему берегу бухты шёл вал огня, которого до сей поры защитники Севастополя не видели.

Но среди этого кромешного ада вставали стройные ряды матросов и солдат

и кидались на врага, который отныне пощады не знал.

И враг дрогнул и бежал, оставляя свои позиции и раненых.

Жаль, что не доставало сил, чтобы на плечах отступающего противника ворваться в его боевые порядки и повергнуть в бегство основные силы интервентов. Севастополь горел, так как все здания были в подавляющем своём большинстве деревянными.

Даже Храмы были уничтожены до основания.

Корнилов во время страшной бомбардировки был спокоен и собран. Почему-то он даже вспомнил, направляясь на Малахов курган, как в самом начале осады его призвал к себе Меншиков, Главноначальствующий над всеми силами в Крыму, и приказал затопить у входа в бухту пять старых кораблей, чтобы воспрепятствовать флоту врага войти в неё с моря.

Корнилов отказался выполнить его

выполнить именно его распоряжение, а когда Корнилов вновь отказался выполнить его приказ вторично, Меншиков отстранил его от руководства флотом и приказал отправиться в Николаев ведать верфями.

— Ваше Высочайшее превосходительство! Но это никак невозможно, остановитесь и ... образумьтесь, — ответил Корнилов. — Это самоубийство — то, к чему Вы меня принуждаете... Нет такой силы и власти, которая принудит меня оставить Севастополь, окружённый неприятелем. Тем более, я вижу, что Вы уже собрались, — и он указал глазами на снующих лаксес, которые собирали добро Меншикова.

И горько довершил:

— И хотя я убеждён, что корабли должны погибнуть в бою, я готов повиниться Вам...

Меншиков лишь сверкнул недобро глазами и сделал жест рукой, позволяющий Корнилову оставить дворец наместника.

Выйдя из дворца и глядя на страшные пожары, вызванные бомбардировками неприятеля, ещё раз подумал: «Нет, всё же и я, и Нахимов, и светлой памяти Истомин — правы, мы правы. Мы бы могли сорвать планы неприятеля, если бы ударили по нему всем флотом да в подходящее время, когда он этого не ждёт».

Но это было уже несбыточным. И оставалось, Корнилов это отчётливо понимал, лишь до конца исполнить свой долг. В чём он состоит — Корнилов знал твёрдо и определённо: не отдать на поругание врагу город святой морской славы.

За этот первый чудовищный по силе обстрел города 5 октября даже соплеменники назовут Кардигана мясником. Более 1300 орудий коалиции изрыгали смерть и огонь, словно Кардиган метил гордому и непреклонному Корнилову за своё унижение и поправное чванство и спесь.

Во время этого налёта Кардиган метался по палатке и всё гнал и гнал адъютантов на батареи и корабли с требованием усилить огонь по Севастополю...

На Малаховом кургане стоял настоящий ад. На один наш пушечный выстрел противник отвесал со мной. Старый матрос метнулся к Корнилову, который спокойно расхаживал по взгорку:

— Батюшка, Владимир Алексеевич! Как же можно? Схоронись, просим тебя. Ты же видишь, что творится...

— Да, да, Карпыч, я сейчас, — только и успел обронить Корнилов.

Могила Лазарева, Истомина, Нахимова, Корнилова во Владимирском соборе Севастополя.

Ядро разорвалось почти у его ног, и осколки искромсали его красивое и стройное тело. И когда матросы, метнувшись из окопа, подняли его на руки, он опёрся на плечо того же Карпыча, что предостерегал его об опасности, и только успел сказать:

— Берегите же Севастополь!

И тут же бессильно опустился на руки своих моряков. Жизнь была закончена. В сорок восемь лет... Наверное, так было легче и ему, так как видеть умирающий Севастополь, его главную заботу, смысл и цель жизни, ему было бы ещё труднее.

Памятник адмиралу Корнилову.
Monument de L'Amiral Korniloff.

Именем Владимира Алексеевича уже в 1890 году назвали крейсер. В его честь была отчеканена медаль, которой, выше иных наград, гордились офицеры флота, и те счастливицы, кому она досталась.

***

Не раз стоял я у чёрного мраморного креста в подземелье Владимирского собора. Честь русской земли упокоена в каждом луче этого траурного знака.

И под одним лучом похитился неугомонный Корнилов, который вместе со своим учителем, адмиралом Лазаревым Михаилом Петровичем, боевыми товарищами Нахимовым и Истоминым, мне кажется, и хранят сей благословенный город.

Не станет памяти о них, лихие времена ныне настали, даже здесь националисты, выкорытив бандеровцев, голову поднимают, и истает Севастополь. (Слава Богу, успели, не получился неонацистский реванш в Крыму, и он вернулся на отчужденную Родину, в Россию. А когда я писал эти строчки — угроза фашистского засилья была зримой и совершенно очевидной.)

Нашлись бы новые хозяева этих благословенных земель, тем более, что они никогда и не принадлежали Украине. А не своего, как известно, никогда и не жаль — И. К.).

Поэтому вспомним ещё раз сказанное Корниловым: «Берегите Севастополь!»

Это к нам, ко всем русским людям, обращено. Забудем об этих вещих словах — всю землю русскую спустим, как на торжище, а сами по миру пойдём. Сиротами безродными. Но никто не поддаст даже милостыню.

Раскуют и растерзают землю русскую, если не будем служить ей так, как адмирал Корнилов.

Я много раз посещал кладбище захватчиков в Севастополе, что рядом с Парком Славы. Если ехать к 35 батарее, то оно будет по левую руку. И думал при этом, как же так, от чего это мы позволили врагам, захватчикам, оборудовать

евич, который бросил свою армию в Крыму за семь месяцев до окончания сопротивления Красным войскам, и которым он так восхищается, что Антон де Иванович выпил рюмку водки в мае 45 года «за победу русского оружия».

Севастополь.
Sébastopol.

Он пил этих рюмок... и не одну за день. Отчего же было не выпить, тем более, что генерал де Голль изгнал коллаборационистов из Франции. Мало, как это могло обернуться для Антона Ивановича, которого столь подозрительно не трогали фашисты вообще в оккупированном Париже, где он всё строчил свои «Очерки русской смуты».

«Как же плохо их прочитали у нас, — думал я. — Уж он такие характеристики там даёт всем: и Временному правительству, и церкви. И откровенно пишет, что гражданская война не большевиками была развязана, а супротивной сторо-

ной, которой «было что терять».

И покоится его прах в Донской церкви сегодня, рядом с Капеллем, палачом, от зверств которого холодели и американцы, представляющие свою страну в ставке Колчака. Не буду утомлять читателя, но генерал Гревс написал об этом более, нежели честно и прямо. Да и Фурманов тоже.

И никакого генерал-лейтенанта Генерального штаба Каппеля не существует и в природе, как это значится на этом захоронении на территории Донской церкви, а имел он весьма скромный чин для выпускника академии Генерального штаба России — всего лишь подполковника.

Затем, предав Государя, это общая судьба всех борцов с Советами, принял ПРИСЯГУ на верность трудовому народу и служил в Приволжском округе, а затем — предал и Советскую власть и бежал к Колчаку, где тот его и пожаловал чином генерал-лейтенанта.

Так Александр Васильевич этих чинов присваивал немеряно — и племяннику своему, из младших офицеров, и даже поверенному Японии при своей армии, и даже Тимиреву, у которого увёл жену (томоно играет её Лиза Боярская, не понимая сути, о чём идёт речь в этой байке о Колчаке, с Хабенским в главной роли — И. К.), чин контр-адмирала присвоил... Наверное, чтобы тому не было так обидно за жену...

Но самое главное, что этих святотатцев упокоили рядом с совестью земли Русской — В. О. Ключевским. А чтоб тому не знать покоя и на том свете, рядом с ним ещё одного «печалователя» за судьбу России положили, которого нынче принудительно заставляют мадам Решетовская, а ныне — Солженицына, изучать везде, по-моему, от детства.

Но не скажет — а от чего это её мужёнок, здоровый 30-летний мужик, на фрон-

те очутился лишь в 43 году, и то в ездовых, в резерве Брянского фронта. А ведь имел физико-математический факультет университета за плечами.

И как пишет В. С. Бушин, фронтовик, дай Бог ему здоровья, «вечно живой классик», это определение В. С. Бушина, по-моему, всего несколько дней — с конца января до дня ареста 8, по-моему, февраля.

Нет, неправильно я написал — не воевал, а был на фронте. Всё же батарея звуковой разведки в атаке не бегала. И в боевых порядках пехоты не располагалась, на прямой наводке против танков фашистов. Это того «печалователя» за Отечество, который писал: «А какая разница, если мы снимем портреты человека с усами и повесим — с усиками»...

Того, кто, уехав в Америку, призывал американцев развязать ядерную войну с нами... Того, кто изоврался так, что и 60 млн. «садил» в лагеря в своей стряпине грязной, и 80, и даже 100... Того, кто сам же пишет, как он охотно пошёл в осведомители КГБ в «шарашке», в которой сидел...

Нет, не дерзнёт пойти на этот шаг Аксёнов, не дерзнёт.

Иначе как же объяснить, что памятники Дзержинскому, его соратникам мы понауськивание гайдаров, собачков, старовойтовых... поубирали. А Корнилову, просидевшему всю войну в плену у австрийцев, славшему в плен всю свою дивизию, а затем — арестованному всю царскую семью в Крыму, так и не сняв жалованных Государем погон и крестов, чем и предопределена была их участь, поставили. И в Калмыкии, и даже в Краснодаре, который этот самый Корнилов залил кровью народа, простых казаков, которые выступили против него.

И патриарх Кирилл возложил букет роз у памятника «рыцарю чести» (его дополненные слова) Колчака.

Этот «рыцарь чести» разграбил золотой запас России, да тайно, недостойно вице-адмирала, встречался с президентом США В. Вильсоном уже в 1916 году, где шла речь о разделе русской империи.

Знаем и о том, как при власти партийной активистки памятник Маннергейму в Ленинграде поставили. И кто там — после цветы возлагал...

Поэтому, постояв на окраине кладбища интервентов в Севастополе в последний раз, я с великим сожалением подумал: «Нет, ничего не изменится. Будет оно стоять здесь вечно, повзвелевая «подвиги» оккупантов. А наши министры здравоохранения принимать медаль Флоренс Найтингейл, лучась от счастья и довольства.

Сорок шесть же человек приняли и, не задумавшись о том, что они делают, какую постыдную награду они, даже рядом со звёздами Героев Советского Союза цепляли...». Слава Богу, что от этих мыслей меня отвлёк безногий фронтовик, который увидел каким-то образом своего, родную душу, и попросил:

— Ты, браток, не поможешь мне эти ступеньки «форсировать»? Поеду в Парк Славы, поклонюсь своим товарищам боевым. До 35 батареи не доеду, сил не хватает...

И когда я напросился его сопровождать, да ещё и бутылочку прикупил с нехитрой закуской и букет цветов, настроение наше выправилось, и пошли мы — поехали потихоньку, два ветерана войн: один — Великой Отечественной и второй — Афганской — проведать славу и честь Отечества нашего.

г. Москва.

Честь имеет

(слово об авторе)

Эполеты офицера сверкают всего ярче в блеске его обаяния

М. Воронцов

Чем ценен человек по-настоящему, по большому счёту? Богатством своей души, высоконравственным духовным содержанием, научным мировоззрением. И если всем этим он в полной мере обладает, то это, как правило, человек большой души, с огромным диапазоном человеческих чувств, целей и задач. Человек, как говорят, с большой буквы, который убеждённо понимает, что быть человеком можно только в человеческом обществе. А следовательно надо, в первую очередь, служить обществу, в котором ты родился, живёшь и трудишься, добиваться, чтобы оно было чище, богаче, нравственней. Тем нравственней и богаче будешь сам, твои родные и близкие, друзья и товарищи.

Благополучие человеческого общества и государства в полной мере зависит от того, какие качества закладываются в формирование внутреннего мира своих граждан.

Осознают ли они себя частицей своего общества? Знают ли его историю? Гордятся ли его прошлым? Или воспитываются по принципу — «Бери от жизни все!», который сегодня является нравственной, а точнее — безнравственной установкой (чьей только?) в нашей стране, пагубно сказывающейся на всех областях жизни и деятельности граждан России.

Бесценны высокие духовность и нравственность в таких экстремальных областях человеческой деятельности, как защита Отечества, ратный труд воина, поддержание высокой боевой готовности Вооружённых Сил государства.

В духовно богатом обществе господствует закон, утверждающий, что защита Отечества — есть почётный долг каждого гражданина.

И что Вооружённые Силы являются, плоть от плоти, своего народа и пользуются его всеобщей любовью и поддержкой.

Если бы последние двадцать лет наше общество руководствовалось такими принципами, то Вооружённые Силы России не были бы в таком удручающем состоянии. В них не царили бы, во многих случаях, бездуховность командиров и безысходность солдат.

В данной книге автор, профессионально военный человек, генерал-майор Кожемяко Иван Иванович, посвятивший свою жизнь служению Отечеству в Вооружённых Силах, сосредоточил своё внимание на духовном факторе человеческого общества. Безусловно, обладая высокими нравственными качествами, он собрал в своей душе «золотые россыпи» человеческой мудрости из различных областей жизни и деятельности общества на протяжении долгой истории его развития. Умело систематизировал их, заставил служить формированию личностей духовно богатых, социально ответственных, целеустремлённых и деятельных.

Это мог сделать только высоконравственный человек, беспредельно любящий свой народ, свою Родину, всегда готовый отдать всего себя безупречному служению им, обладающий

обширными знаниями, впитавший в себя огромный пласт исторической мудрости мыслителей человечества, прошедший большой и нелёгкий путь служения своему народу и Великому Отечеству.

Родившись в 1948 г., в трудовой семье донского казака, уже с детских лет автор впитывал от своего отца героя-фронтовика Кожемяко Ивана Гурьевича, любовь к родному краю, гордость за подвиги воинов Великой Отечественной войны.

От мамы автора Татьяны Федоровны — человека по-крестьянски мудро, терпеливого и старательного — перешли к сыну трудолюбие, прилежание, ответственность и обязательность.

Оказавшись, в силу обстоятельств, в детском доме, будучи окружённым внимательными и чуткими людьми воспитателями, у автора продолжали формироваться коллективизм, высокое чувство дружбы и товарищества. Здесь прочно закладывались хорошие знания советской школы, прививалась любовь к Родине, её истории, гордость за славные традиции народа.

Закончив школу, в 17 лет поступил в военное училище. Здесь уже ковался воин-защитник Отечества. Формировались характер, верность Присяге, воинскому долгу, офицерской чести. Воспитывалась преданность своему народу.

Единство обучения и воспитания военной школы обогащались активной общественной работой курсантов. На всём протяжении учёбы в военном учебном заведении курсант Иван Кожемяко избирался секретарём комсомольской организации курса, пользовался у товарищей огромным авторитетом за коммуникабельность, начитанность, широту знаний, отличную учёбу, идейную убеждённость, за то, что глубоко понимал и ценил войсковую дружбу и товарищество.

Окончив военное училище, лейтенант Иван Кожемяко командует взводом, затем ротой в Белоруссии. Упорным трудом выводит свои подразделения неизменно в отличные. Комсомольцы воинской части избирают его секретарём комсомольской организации.

Так начался долгий и напряжённый путь молодого офицера-политического работника Вооружённых Сил. Самоотверженный труд, инициатива и целеустремлённость, уважение сослуживцев способствуют продвижению по службе.

Из большого числа офицеров-комсомольских работников объединения, Ивану Кожемяко отдается предпочтение — он становится комсомольским вожакom корпуса, армии ПВО. Затем — направляется на учёбу в Военно-политическую академию им. В.И. Ленина.

В последующем — заместитель командиров частей по политчасти, заместитель начальника, начальник политического отдела соединения. Именно на этих должностях в полной мере раскрылись его богатые душевные и профессиональные качества.

Он глубоко вникает в проблемы морально-психологической подготовки войск, всеми формами политической

работы добивается повышения ответственности офицерского состава за состояние воинской дисциплины, боевой готовности частей, проявление постоянной заботы о подчинённых.

Большое внимание уделяет автор в этот период расширению своего военно-теоретического кругозора. Глубоко изучает проблемы влияния бурного развития средств вооружённой борьбы на характер современной войны, вопросы морально-психологической подготовки войск, воинского воспитания и обучения личного состава. Внимательно следит за военно-политической обстановкой. Много работает с военно-исторической и специальной литературой.

Активно участвует в работе военно-научных семинаров, симпозиумов, конференций.

Часто выступает с лекциями и докладами, публикует ряд статей и рефератов в различных издательствах, издаёт книгу по проблемам морально-психологической подготовки войск в условиях современной войны.

Заочно учится и успешно заканчивает философский факультет Государственного университета. Растёт автор не только в идейно-образовательном отношении, но и в профессиональном. На тридцать девятом году — он уже полковник. Занимает высокие должности начальника отдела организационно-партийной работы политических управлений Северо-Кавказского военного округа, Войск Южного Направления, Сухопутных войск. Этот долгий армейский путь автора сопряжён с непосредственным участием в событиях в известных «горячих точках» — в Баку, Карабахе, Тбилиси, Алма-Ате, Фергане, Оше. Неизгладимый след в судьбе автора оставил Афганистан. Здесь он был награждён орденами и медалями СССР и ДРА. Этим трагическим, но и высоким событием он посвятил свои воспоминания «Пламя и кровь Афганистана».

Наиболее полно раскрылись способности Кожемяко Ивана Ивановича на посту начальника отдела организационно-партийной работы Политического управления ведущего вида Вооружённых Сил — Сухопутных войск. В этот период много сил отдано им организации политико-воспитательной работы в военных округах, объединениях и соединениях. Он обобщает накопленный опыт морально-психологической подготовки войск, политического и воинского воспитания военнослужащих. Публикует целый ряд материалов по этим проблемам.

Крайне сложным был отрезок военной службы Ивана Ивановича в период перестройки и реформ. Однако он был и не менее плодотворным. Будучи заместителем Начальника Главного штаба Сухопутных войск по воспитательной работе, он часто находится в соединениях и частях, в том числе и в ведущих боевых действиях в Чечне. Пишет очень интересную и полезную книгу «Чечня: пять лет спустя», в которой даны многие ответы на причины происходящих событий на Северном

Кавказе и, что самое главное, глубоко проработаны пути преодоления кризиса, прекращения кровопролития в собственной стране.

Знаменательным событием явилось присвоение ему высоких званий академика и профессора за большой личный вклад в разработку проблем вооружённой борьбы и защиты Отечества в современных условиях.

Бурное и противоречивое время реформ по-разному сказывается на судьбе страны и людских судьбах. В расцвете лет, 50-ти летний военный профессионал, академик, профессор, человек богатый опытом военной жизни и высокой духовной судьбы, сменил мундир на гражданское платье. Но он и сейчас, как и прежде, в строю.

Долгое время руководил аппаратом Президента серьёзной производственной кампании, был главным редактором газеты, работал в общественных организациях, волею своих почитателей выдвигался кандидатом в депутаты Государственной Думы России...

Написал и издал замечательную книгу мудрости «Я мыслю, значит — существую», которая за короткое время стала не только популярной, но и вновь переиздаётся.

У автора огромный опыт, большой творческий потенциал, кладёшь мыслей и задумок. Нет сомнения, что он сделает много полезного, ценного, нужного людям и нашей Родине.

Пожелаем автору новых творческих успехов, а всем нам — глубокого осмысления мудрых золотых россыпей, которые включены в книгу. Глубоко уверен, что это будет, несомненно, способствовать духовному росту личности прочитавших эту книгу, их стремлению по совести служить своему Отечеству — ВЕЛИКОЙ, ЕДИНОЙ И НЕДЕЛИМОЙ РОССИИ на любом поприще.

Пусть всё в Вашей жизни, уважаемый Иван Иванович, будет светлым!

Мы, Ваши друзья и сослуживцы, всегда дорожим тем святым и искренним теплом Вашей души, от которого нам всегда светло, который всегда побуждает к достойным и светлым поступкам и мыслям во благо и славу нашего благословенного Отечества.

Всем бы так сегодня — больше думать о совести и чести, действовать в русле общенациональной пользы для Родины своей, непримиримо относиться к тем, кто давно растерял благодарность к родной земле и народу, живёт по заёмным правилам, чуждым духу, морали и совести русского человека. А ещё лучше — и поступать всем по-людски, по-божески, что всегда является жизненным правилом автора.

Честь имею, дорогой друг, состоять в числе Ваших единомышленников и друзей.

Ю.А. Кошелев,
генерал-майор,
историк, профессор.

(Не стало уже моего милого Юрия Алексеевича.

Спасибо, милый друг и наставник, за то, что Вы были в моей жизни).

г. Москва.

Виль Рудин

Бородино – испытание боем

(Отрывок из документальной повести, в сокращении)

...Из Берлина в штаб 4-й танковой группы пришла газета «Фелькишер Beobachter» за 9 октября 1941 года (Военная газета национал-социалистического движения Великой Германии, берлинский выпуск). Она вся была пронизана победным ликованием, оптимизмом, уверенностью в скорой и полной победе. Передаваемая называлась «Военный конец большевизма». Сказано в ней было: «На этот раз принесены в жертву последние боеспособные советские резервы. Против победоносного и полностью боеспособного немецкого Восточного фронта стоят лишь совершенно не пригодные для серьёзных действий красные соединения... Приговор Советскому Союзу уже вынесен».

Генерал-полковник Эрих Гепнер, командующий танковой группой, сегодняшним боевым донесением из 40-го корпуса не был ни потрясён, ни даже обескуражен: он понимал, что первый день сражения на очередной, теперь Можайской оборонительной линии, неизбежно должен завершиться её прорывом. Однако некоторая настороженность всё же проявилась; ещё два дня назад и сам он, и офицеры его штаба полагали, что после окружения советских войск под Вязьмой и Калугой перед 4-й танковой группой – пустота.

Однако перед его дивизиями вопреки ожиданиям появились танковые бригады; они и пехотные части русских перемогали все шоссе дороги к Москве; они держались, даже контратаковали, потом отходили, чтобы снова стать на очередной отсечной позиции. Их было мало, и они были слабы, чтобы совсем остановить его корпус, они лишь сдерживали продвижение. И Гепнер не мог понять, во имя чего русские жертвуют собой?

После сегодняшнего боя на Можайской линии он, кажется, начал понимать тактику русских: 19-я танковая бригада и русская пехота, которые сдерживали продвижение передовых частей 40-го корпуса на Можайск, после взятия Уваровки танковой дивизией СС «Дас Райх» просто ушли. Ушли, выполнив свою задачу: они дали развернуться новой дивизии русских. И сегодняшний бой показал, что боеспособные дивизии у Красной Армии ещё есть, ещё существуют. И если завтра эту дивизию не удастся ни окружить, ни разбить, если она продержится ещё день или два, или три – сколько новых дивизий подтянут русские из своего необъятного тыла?

Генерал Штумме доложил, что путь на Москву перед Можайском перегородила 32-я дивизия с Дальнего Востока, что, по словам пленного, дивизия считается боевой и что именно она разгромила японцев на озере Хасан. Из этого генерал Штумме сделал вывод: хватит тешить себя мыслью, будто с русскими уже покончено. Завтра он будет наступать так, как положено наступать танковому корпусу на позиции серьёзного противника.

Сегодня русские нигде не дали ни его танкам, ни пехоте даже приблизиться к своим траншеям. Их артиллерия была в высшей степени эффективной. Задача на завтра: подавить артиллерию, вклиниться в русские позиции, прорвать их, зайти русским в тыл и покончить с дивизией.

Даже если она с Дальнего Востока.

Гепнер с таким ходом мыслей генерала Штумме согласился. Подумал – что-то напишет завтра доктор Геббельс в газете «Фелькишер Beobachter»? Будет ли учтено всё то, с чем столкнулись немецкие войска на самом деле, или политические оценки от действий армии не зависят?

БОРОДИНО

Вторые сутки

(с 14 по 15 октября 1941 года)

«На фронте 1200 км – вперёд!

На обширном фронте маршируют и катятся на восток наступающие немецкие части. Нет слов для описания размеров советского поражения!

«Фелькишер Beobachter» - понедельник, 13 октября 1941 года».

«Противник перед фронтом группы армий разбит. Остатки отступают, переходя местами в контратаки. Группа армий преследует противника, 4-й танковой группе и 4-й армии без промедления нанести удар в направлении Москвы, разбить находящиеся перед Москвой силы противника, прочно овладеть местностью, окружающей Москву, и плотно окружить город...»

Подписал: Ф. фон Бок, генерал-фельдмаршал и командующий группой армий «Центр» 14 октября 1941 года».

Сумрачный, подёрнутый туманом день 14 октября ещё только занимался, а над всей 32-й дивизией повисли группы «юнкерсов»: бомбили по широкой площади, от Рогачёва и Шевардина до станции Бородино. Под ударами полутонных бомб рушились, оседали доты, осыпались траншеи, бревенчатые наката становились дыбом. Гаубичные батареи у деревень Утица, Артёмки и Юдинка хотя были укрыты, но немецкие бомбы доставали их.

На этот раз не было перерыва между бомбовым ударом – он длился час, с половины пятого до половины шестого утра – и танковой атакой: в шесть немецкие танки уже утюжили траншеи третьей роты первого батальона 17-го полка, в траншеи ворвалась вражеская пехота.

Рота яростно отбивалась штыками и гранатами, однако к немцам всё время прибывали подкрепления. Не дожидаясь, когда стихнет бой в траншеях 3-й роты, немцы от Рогачёва двинули 30 танков и батальон пехоты вдоль железной дороги, к станции Бородино. Слева от Валуева они попали под фланговый огонь 230-го запасного стрелкового полка.

Параллельно насыпи, по шоссе Минск – Москва, прошла ещё одна танковая колонна, за ней следовала мотопехота в грузовиках и бронетранспортёрах.

Одновременно 35 танков развернутым фронтом атаковали передний край у Семёновского, Шевардина и Ельни – здесь были позиции 2-го батальона, капитана Н. Щербакова, 17-го полка. За танками в пешем строю торопились автоматчики, их было неправдоподобно много...

Полосухин видел все участки своей обороны – все сразу. Ни растерянности,

Комдив Виктор Иванович Полосухин.

ни страха он не испытывал, лишь огромное напряжение. Надо было управлять боем на всех участках одновременно, однако перед тем как отдавать приказы, он ещё немного выжидал: хотел убедиться, что приказы будут точно соответствовать развитию событий.

Противотанковые артдивизионы, поставленные у Шевардина, выкатили орудия на открытые позиции и теперь били прямой наводкой по танкам и пехоте, которые двигались к Шевардину и Семёновскому. Танковая цепь разорвалась, несколько машин задымили, две вспыхнули...

Полосухин приказал вызвать по телефону 17-й полк майора Романова. Альтюгант Фёдор Иванов бился пять минут, десять – всё напрасно: связи с 17-м полком не было. «Бери мотоцикл, доскочи до Утицы, передай мой приказ командиру 3-го батальона: пусть двинет своих на Рогачёво, надо выручать 3-ю роту!» - приказал Полосухин. Иванов умчался. Минуту спустя Полосухина вызвал командарм генерал Лелюшенко:

- Держись, сейчас дам залпы эрэсами, дивизионы уже на исходных.

Такого рёва, такого завывания Полосухин прежде не слышал. Огненные стрелы прочертили низкое, набухшее чёрными облаками небо. На танки перед Шевардиным и Семёновским обрушился огненный смерч, пехота за ними заметалась.

От Утицы до Рогачёва стрелковая рота и разведвзвод бежали – бойцов подгонять не требовалось. Иванов сказал командиру батальона: «Я людей сам поведу, ты держи свои позиции здесь, немцы и до тебя доберутся».

Как бежали, так и ударили: кто кричал «Ура!», кто «За Родину!», кто вопил нечто несусветное. Бойцы частью попрыгали, свалились в траншеи 3-й роты, где бой ещё шёл, частью бросились на подходившие немецкие подкрепления. Осилить немцев никакой возможности не было, их было слишком много – контратака тут же захлебнулась.

То, что осталось от 3-й роты, скопилось во второй линии траншей, здесь же засели и те, кого привёл старший лейтенант Иванов. До немцев было рукой подать, но они из первой занятой ими линии траншей почему-то не вылезали, так и сидели там.

Мёртвая тишина повисла над Бородинским полем.

Фёдор Иванов успел вернуться на НП дивизии, доложил Полосухину: «Немцев у Рогачёва остановили, надолго ли, не знаю. Они всё время подтягивают резервы, пехоту и танки».

Полосухин поглядывал на часы – тишина-то какая... Сейчас опять бросят на нас «юнкеры».

Однако на этот раз налетели не простые бомбардировщики, а пикирующие Ю-87. Надрывно ревя моторами, они падали вниз к земле почти отвесно, точно на цель, выискивали врытые в землю танки, артбатареи и разносили их вдребезги, и спасения от них не было. Раз за разом заходили чёрные ревушие машины для ударов, запас бомб у них словно не кончался.

Полосухин высматривал – где теперь пойдут немецкие танки?

Они двинулись лавиной между шоссе

Минск — Москва и железной дорогой. На передний край, на бывший Шевардинский редут, на 2-й батальон катилось до полусотни танков и самоходных орудий, пехота в бронетранспортерах двигалась по шоссе, цепи автоматчиков мелькали за танками. И снова повторился вчерашний вариант: наши врытые в землю танки — те, что уцелели после жестокой бомбёжки, — ударили разом, им вторили противотанковые орудия из дотов, с дальних позиций заговорили гаубицы.

Командовавшему артиллерией майору Битюцкому пристрелка теперь не требовалась, батареи били по засечённым ориентирам сразу на поражение. Зачадили, вспыхнули немецкие танки — три, пять, десять...

Несколько машин застряли на надолбах: сломать, смять, выкорчевать из земли глубоко врытые торчком деревянные брёвна оказалось не под силу, и по ним стали бить бронбойдики. Ещё три танка попытались преодолеть противотанковый ров, но не могли выбраться: откос был слишком крут.

И снова по атакующим немцам ударили эрсы — за сорок минут паузы до налёта пикировщиков «катюши» успели сменить позиции: ни за кем немцы так не охотились, как за «катюшами», поэтому сразу после залпа они уходили и подалее, чтобы следующий залп дать с нового места.

Над немцами забушевал огонь — их и на этот раз отбросили, и два часа они молчали. В 14.30 «юнкерсы» навалились на Фомино, Бородино, на Можайск и Юдинки. Потом произошло то, чего Полосухин опасался с самого начала и чего предотвратить при всём желании не мог: 2-й батальон капитана Н. Щербакова, как его ни растягивай, создать сплошной линии обороны не мог. Стык его правого фланга с левым флангом 1-го батальона простреливался с двух сторон. И, не мешкая, вражеская пехота нащупала этот участок, начала просачиваться мелкими группами от Рогачёва и продвигаться к Шевардину, оттуда ещё дальше на восток, к деревне Семёновской и на юг, к деревням Ельня Верхней и Ельня Нижней, выходя в тыл к 17-му полку.

Капитан Н. Щербаков не сразу понял, что его окружают. Однако, поняв, вызвал командира полка майора Романова: «У меня в тылу немцы!»

Видимо, у немцев между собой была радиосвязь, иначе бы у них одновременной атаки не получилось — и с фронта, и с тыла. Но и такая атака капитана Н. Щербакова не смутила. До линии траншей немцам не добраться, артиллерией их дважды отбрасывали. Оставив в траншеях и дотах часть сил, он приказал расстреливать атакующих с фронта и поднял две роты в штыковую атаку против тех, кто наступал с тыла. Здесь, в нашем тылу, немецких танков было мало, всего пять, и бойцы забросали их бутылками с горючей смесью. Автоматчиков, какие подвернулись под руку у деревни Семёновской, переколоты.

Капитан Н. Щербаков в конце боя был ранен в руку, однако сознания не потерял и из боя не вышел: понимал, что, разведав дорожку, немцы теперь ринутся по ней, и бросить свой батальон он не мог.

Задыхаясь от волнения, ещё не ощущая боли в правом плече, где засела автоматная пуля, он первым делом доложил командиру полка: «Опасность очень велика: сейчас противник двинет от Рогачёва к нам в тыл танки и пехоту, мы займём круговую оборону и будем держаться. Однако разбить немцев у нас сил нет».

К этому времени связисты снова пробросили линию на НП дивизии, майор Романов доложил Полосухину: «При полном отсутствии резервов 17-й полк не

может вести бой одновременно и по своему переднему краю, и в собственном тылу».

Полосухин приказал Иванову вызвать генерала Лелюшенко. В дивизии не было резервов. Полосухин не мог своими силами ни закрыть брешь у Рогачёва, ни преградить немцам путь к Ельне. Лелюшенко, выслушав Полосухина, сказал: «Что в тебе, Виктор Иванович, хорошо, так это умение понимать, что происходит на поле боя. Через тридцать минут вышлю в твоё распоряжение 36-й мотоциклетный полк майора Танасчишина. Задачу ему поставишь, исходя из конкретной обстановки».

Танасчишин явился на НП дивизии в кожаной короткой куртке, в танкистском ребристом шлеме, очки-консервы лихо сдвинуты на лоб. Из-под широкого ворота тужурки виднелись чёрные танкистские петлицы, но положенных по званию майорских шпал не было. Лихо бросил руку к виску: «Товарищ полковник! Тридцать шестой мотоциклетный полк...»

Полосухин жестом остановил: — Давайте, майор, сразу к делу. Смотрите по карте: мой НП вот здесь, вот Ельня — Нижняя и Верхняя. По прямой всего ничего, 6 километров, но ваш полк здесь не пройдёт: поле пересекает знаменитый Семёновский овраг. Ваш путь сейчас на юг, до минского шоссе, по нему на запад, через Утицу — деревня в наших руках — до Ельни, Ельню лучше обойти с севера и ударить.

— Почему обойти? Думаете, немцы нас ждут?

— Может, и не ждут, но уж охранение на шоссе точно выставили.

Майор понимающе покивал, снова бросил руку к виску — разрешите выполнить?

Полосухин улыбнулся — майор Танасчишин ему понравился.

— А что, майор, у тебя в полку все бойцы так богато одеты?

— Нет, я один. Это моя прежняя форма, я на мотоцикл из танка пересел. У бойцов шинели, сапоги, шапки, для водителей раздобыл очки, чтобы глаза не слезились. Остальные на скорости глаза руками прикрывают.

— У тебя что, винтовки?

— Нет, на каждом мотоцикле ручной пулемёт, у всех бойцов ППП.

— Богато живёшь!

— Не жалуюсь!

— Желаю удачи!

Полк майора Танасчишина проскочил по шоссе через Утицкий лес и ворвался в Ельню с севера и с юга. Немецкая пехота к этому времени начала накапливаться для удара по Утице. Ни окопов, ни ячеек солдаты отрывать и не думали, им предстоял скорый марш на 10 км., и они никакой опасности для себя не предвидели: окружённый западнее Ельни русский батальон ещё сопротивлялся, ещё отбивался, но судьба его казалась уже решённой.

Ворвавшись в Ельню, мотоциклисты Танасчишина оказались для немецкой пехоты полной и ужасной неожиданностью: пулемётный и автоматный огонь, разрывы гранат, треск носившихся по шоссе, по полю, по широкому деревенским улицам мотоциклов — всё смешалось и пронеслось в несколько минут. Те из немцев, кто уцелел, поспешно отступили из Ельни, отошли знакомым путём на Рогачёво. Мотоциклисты Танасчишина гнались за отходившими огрызавшимися автоматчиками, так что мало кто и ушёл.

В эти же самые минуты кипел бой и вокруг НП 17-го полка — в километре от Нижней Ельни. От нассадавшей на НП немецкой пехоты отбивались — сам майор Романов, штабные командиры, бой-

цы комендантского взвода. Их было слишком мало, чтобы продержаться долго, у них не было ничего кроме пистолетов и винтовок, и мысль у Романова была одна: как спасти полковое знамя?

Однако в этот раз до худшего не дошло: с командного пункта полка пришла подмога — начальник связи капитан Гольдберг собрал своих связистов, хозвзвод, всех вообще, способных держать винтовку, перемахнул с ними через шоссе и ударил немцам в тыл. Бойцы сразу кинулись врукопашную, тут было не до крика, не до рёва — главное было сойтись с немцем поближе, чтобы достать его штыком, прикладом, сбить в раскисшую, потоптанную землю, иначе полоснёт он тебя из автомата.

Полчаса спустя всё было кончено. Уцелевшие немцы побежали к Ельне — здесь они увидели ужасающий разгром: на ещё не окопённые трупы немецких солдат падал лёгкий снежок, и было непонятно, кто их расстрелял. На одной из улиц умершей деревни наткнулись на русский сгоревший мотоцикл, все три мотоциклиста были мертвы... Видимо, в него угодила ручная граната, и укреплённая между передним колесом и коляской канистра с бензином рванула. И ещё два русских мотоцикла попались им — искорёженные, обгоревшие.

Немецкие солдаты шли быстро, уходили прочь, у них больше не было ни чувства превосходства над русскими, ни ощущения своего могущества. Они просто спасались.

Был ещё полдень, и бой на сегодня не окончился.

Командующий 4-й танковой группой, генерал-полковник Гепнер, понимая, что обе наступавшие вчера и сегодня дивизии 40-го корпуса, танковая «Дас Райх» и моторизованная 10-я нуждаются в передышке хотя бы до следующего утра, послал вперёд 7-ю Мюнхенскую пехотную из 7-го корпуса генерала Фармбаха, которая эти два дня в деле ещё не была.

Гепнер приказал сделать глубокий обход левого фланга, через сёла Коржань и Юдинки выйти на шоссе далеко в тылу русской линии обороны — прямо к селу Артёмки. Обход предстоял по лесу — следовательно, пехота будет действовать без поддержки танков Т-4, с ней пойдут только лёгкие Т-3.

Гепнер в успехе задуманного не сомневался, да и какие могли быть поводы для сомнений?

Командир 7-й Мюнхенской дивизии приказ выполнил: один из его полков появился перед русскими позициями у деревни Артёмки, ещё один полк продирался вслед за ним через густой лес...

О том, что немцы вышли на шоссе у Артёмки и атакуют 3-й батальон 17-го полка, Полосухин узнал сразу. И опять был вынужден докладывать генералу Лелюшенко: опасность теперь была невероятно велика. Здесь, у Артёмки, стояли батареи гаубичного полка, потерять орудия было нельзя ни в коем случае: это означало бы общую сдачу позиций на Бородинском поле. 3-й батальон отразить атаку полка немецкой пехоты своими силами не мог, в батальоне оставались только две роты, третья так и оставалась в траншеях у Рогачёва. Никаких резервов у Полосухина не было: 322-й стрелковый полк и разведывательный батальон всё ещё не появились, всё ещё были где-то на колёсах или стояли, пережидая очередную бомбёжку. Поэтому и пришлось докладывать генералу Лелюшенко: пехотный полк немцев атакует Артёмки!

Лелюшенко сразу, с первой встречи, понял: у Полосухина очень высоко развито чувство ответственности и самоува-

жения, он никогда не скажет прямо — я не могу решить проблему, выручайте, товарищ командующий! Он просто докладывает обстановку, а ты, генерал, делай выводы!

Лелюшенко спросил: «Час твой батальон продержится? Раньше мои танки не придут?»

Полосухин ответил: «Батальон будет драться, пока там останется хоть кто-то из живых. Сколько это будет длиться, сказать не могу».

В тот день, 14 октября, судьба ещё не приговорила к гибели 3-й батальон и самого капитана Зленко. Атакующих немцев встретили плотным огнём, заговорили тяжёлые гаубицы от Утицы и от леса, что тёмной стеной стоял за Артёмками, — они били частыми залпами, через голову 3-го батальона, и первая немецкая атака захлебнулась сразу, как началась: немцы откатывались.

Через полчаса из леса появились густые цепи и среди них 12 лёгких танков, которые немцы протаскивали через лесные дебри.

Снова заговорили гаубицы, продвижение немецких танков замедлилось, но остановить их стрельбой с закрытых позиций гаубицы не могли, а противотанковых дивизионов здесь, у Артёмки, не было. Чёрные машины широкой цепью накатывались на деревню, на траншеи и дзоты, пехота шла на сближение для решительного удара.

Но тут из-за крайних домов появился вдруг наш танк, за ним другой, третий; левее по почерневшему полю выскочил ещё десяток наших танков и ещё десяток — они ринулись на немцев, ударили во фланг; это пришла 20-я танковая бригада полковника Т.С. Орленко, последний резерв и последняя надежда генерала Лелюшенко.

Теперь, когда по полю понеслись наши танки, давя и расстреливая врага, отсиживаться в траншеях было невыносимо, постыдно и майор Зленко поднял две свои роты в штыковую атаку. Рукопашная сразу превратилась в свалку. Баварцы, парни рослые, ни отступить, ни сдаться не желали. Однако два батальона русских танков и моторизованный батальон с фланга, да две сотни русских солдат с фронта — натиск был слишком силён, немцы это сразу осознали. Когда же от двенадцати лёгких немецких танков не осталось ни одного, баварцы, огрызаясь, отбиваясь контратаками, стали оттягиваться к лесу, из которого вышли к Артёмкам.

Артёмки остались в наших руках, о чём Полосухин тут же доложил генералу Лелюшенко. Уже заметно вечерело, Лелюшенко понимал, что на сегодня немцы угомонились и едва ли ещё на что-то способны, поэтому приказал: «20-ю танковую бригаду верни».

Полосухин тоже понимал, что у Лелюшенко спасение — маневренность этой бригадой да дивизионами эрсов, поэтому ответил: «Бригада как вышла из боя, двинулась на Можайск. Где мой 322-й полк?»

— Полк всё ещё в пути. Можно сказать — на подходе. Завтра на рассвете разгрузится 12-й разведывательный батальон майора Карпанова, следом подойдут эшелоны 322-го стрелкового полка. Их разгрузку прикроет авиация и зенитная артиллерия, — ответил генерал.

Полосухин ясно осознавал, что ещё двух дней таких боёв дивизия не выдержит, осторожно спросил, ожидает ли товарищ командующий в ближайшей сутки — двое прибытия хоть ещё одной свежей дивизии? Лелюшенко не вспыхнул, не осерчал: «Да, брат, понимаю, тяжело тебе, но нам пока новые дивизии не светят. Может, через неделю...»

Ночью в штаб армии привезли пакет из Ставки — начальник генштаба, маршал Шапошников, прислал официальный приказ: «5-я армия с нуля часов 13 октября включалась в состав Западного фронта и поступала в подчинение генерала Г.К. Жукова». Лелюшенко на приказе расписался — он весь этот бесконечно тяжёлый, нескончаемый день держал в глубине сознания мысль: «Командующий фронтом за сутки не нашёл времени (или не посчитал нужным?) позвонить, выслушать, объяснить — передадут ли в армию в ближайшие день-два ещё хотя бы одну дивизию?»

Зашёл дежурный: «Говарин генерал, командующий фронтом требует вас к аппарату ВЧ!» Лелюшенко удивился — ну и совпадения! Тут тебе и пакет, тут тебе и звонок!

Жуков говорил голосом резким, у него тон вообще был непрерываемый:

— Слушай внимательно! На правом фланге вашей армии немцы подошли к Рузе, слева другой немецкий корпус рвётся от Варен к Наро-Фоминску. Следите по карте? 5-я армия уже в полукольце, но вы на Бородинском поле для 4-й танковой группы Гепнера, словно кость в горле. Армия ещё держит Бородинское поле?

— Держит. Сегодня контрударом 20-й танковой бригады вышибли противника из деревни Артёмки. Шоссе Москва-Минск пока под нашим контролем.

— Я вашего «пока» не слышал! Приказ для 5-й армии такой: продолжать упорную оборону на Можайском рубеже. Ни шагу назад!

Сразу, как немцы уgomонились, в Куркаринском лесу на командном пункте дивизии объявился военный корреспондент газеты «Известия» Евгений Кригер. В дивизию он прибыл ещё днём, в самый разгар боя мотоциклистов майора Танасчишина за Ельню. Однако проявил понимание обстановки: людей в штабе дивизии не дёргал, с вопросами ни к кому не лез и вообще на глаза комдиву не показывался.

Но когда понял, что на сегодня война кончилась, сказал комиссару дивизии Г.М. Мартынову: «Георгий Макеевич, я сейчас поеду в 17-й полк, но прежде хотелось бы увидеть вашего комдива. Он, говорят, возвратился с НП, и, если не станет возражать, я бы хотел сфотографировать его. В газету фотоснимок, разместится, не пойдёт, но для архива «Известий» такой снимок просто нужен».

Виктор Иванович на приглашение военкома — выйти на поляну и сфотографироваться — ответил без жеманства: «Для истории, что ли? Ну, пойдём! И майора Романова зови. Его полк сегодня дрался героически, пусть и он останется для истории».

Так и вышли они на фото: впереди, на пеньке, с трубкой в углу рта — Полосухин В.И., майор Романов в роскошном белом полушубке, с биноклем на груди — справа от Полосухина, и тут же рядом — порученец Романова. Слева от Виктора Ивановича встал Фёдор Иванов, он одного комдива никуда не отпускал. А прямо за спиной Полосухина — сам Евгений Кригер. На затвор корреспондентской «лейки» нажал комиссар дивизии Мартынов, и его соответственно на этом снимке нет.

Прощаясь с корреспондентом, Виктор Иванович сказал: «Вы собираетесь в 17-й полк. Вот комполка, майор Романов. Главный бой сегодня вёл его полк. Что можно, он расскажет. Что будет непонятно, я после объясню».

Евгений Кригер ответил Полосухину в тон и вроде бы без всякой обиды:

— А я напишу всё, о чём будет можно — по соображениям сохранения военной тайны.

Статья в газете появилась через три дня, 17 октября, когда обстановка на Бо-

родинском поле была совсем иная. Но страна, читая газету, об этом не знала. Журналист пытался писать эзоповым языком, чтобы и правду сказать, и военных тайн не выдать.

Бородинское поле упоминать было нельзя, и Кригер сообщил, что побывал где-то на «Вяземском направлении»; Рогачёво и Ельню зашифровал буквами «Р» «Е»; 32-ю дивизию называть опять же было нельзя, и он выкрутился так: «Краснознаменная часть, которой командует полковник Полосухин, держит широкий фронт. Против неё действует до двух танковых полков противника, 4 роты танков, около двух дивизионов артиллерии».

Майор Романов, со слов которого писал Евгений Кригер, ошибался: не два полка пехоты и не четыре роты танков — навалились на его 17-й полк, а две немецкие дивизии, просто немцы давали своим солдатам передышку, меняли полки, так что в один момент действительно более четырёх рот танков в атаку не шли. Но когда отбивали одних, на смену им шли другие.

О капитане Н. Щербакове журналист написал прямо, открытым текстом: «На исходе трудного боя, длившегося двое суток с нарастающей силой, командир батальона, капитан Щербаков, был тяжело ранен в руку. Его перевязали и направили в госпиталь. Он сказал: «Я не оставлю батальон в такую минуту!» И продолжал руководить боем».

Описал Е. Кригер и бой за НП полковника: как капитан Гольдберг и другие командиры пришли на выручку. Заканчивал статью фразой, вселяющей оптимизм: «Идёт бой жестокий, беспощадный — бой на подступах к Москве. Значение этой схватки не нужно объяснять бойцам. Наши подразделения переходили кое-где в контратаки». То ли о мотоциклистах майора Танасчишина сказал, то ли о танковой бригаде полковника Орленко — пойдти, разберись! Военная тайна — она и есть военная тайна.

Генерал-полковник Эрих Гепнер после поездки в дивизию СС «Дас Райх» подводил итоги — они были не утешительными: 40-й корпус генерала Штумме нанёс по русским удар, который должен был их сокрушить.

Но удар был отбит. Корпус за два дня боёв потерял 70 танков. Убыль в людях тоже превышала допустимую норму. Дивизия СС «Дас Райх» лишилась своего командира: близким разрывом снаряда тяжело ранен генерал Хауссер, и его пришлось срочно эвакуировать.

Много позже, уже после войны, один из офицеров дивизии «Дас Райх» вспоминал о боях на Бородинском поле: «Здесь оборонялась 32-я советская дивизия. Они были стойкими. У них не было паники. Они стояли и дрались. Они наносили удары и принимали их. Это была ужасная битва».

Мёртвые. Тяжелораненные. Сожжённые. Разбитые. Ярость делала глаза кроваво-красными».

Гепнер побывал в полевом лазарете — просторная, утеплённая палатка была вся целиком забита. Так много раненых, собранных вместе, Гепнер за два года войны ещё не видел. Они не хотели говорить, или молчали, или уклонялись от разговора, а Гепнер не имел оснований гневаться на солдат: эти люди исполнили свой долг. Они сражались честно, и нет их вины в том, что русские устояли, а приказ генерала — фельдмаршала фон Бока — всё ещё не выполнен.

Но он, Эрих Гепнер, должен потребовать от своих войск выполнить приказ о прорыве к Москве, и завтра он это потребует. Господа командиры дивизий пусть не рассчитывают на его, Гепнера, жалость и послабление.

БОРОДИНО Третьи сутки (с 15 по 16 октября 1941 г.)

«Беспримерная победа германского вермахта и его союзников открыла путь для политического и хозяйственного переустройства восточноевропейского пространства».

Вальтер Функ, рейхминистр хозяйства, газета «Фелькишер Бесбахтер», 13 октября 1941 г.»

Раннее утро 15 октября 1941 года начиналось на Бородинском поле мощной канонадой: тяжёлые германские орудия ещё до того, как занялся рассвет, обрушились на позиции 17-го полка, на деревни: Бородино, Артёмки. Отвечать, вести контрбатарейную стрельбу Полосухин не мог: орудий такого калибра, как у немцев, с такой дальностью стрельбы в дивизии не было. Сюда бы гаубицы калибром 203 мм, но полки с такими орудиями считались резервом главного командования, их и в 5-й армии не было.

Ровно час немецкая артиллерия безнаказанно громила и расстреливала наши доты и огневые позиции, уничтожая орудия вместе с расчётами, разрушая траншеи. Затем артогонь сменился не менее разрушительной бомбёжкой — пикировщики с рёвом и завыванием повторили вчерашнюю карусель: подошли к Бородинскому полю цепочкой и поочередно, сваливаясь на крыло, падали к земле, укладывая бомбы точно на выбранную цель».

Ещё стоял в ушах бойцов грохот от бомбовых разрывов, а уже ползли по полю, между шоссе и железной дорогой, 50 чёрных танков. В дивизии СС «Дас Райх» своей пехоты больше не было — за танками пустили два полка всё той же 7-й Мюнхенской пехотной дивизии.

Ночью снова шёл снег, он закрыл вчерашние воронки, припорошил сгоревшие танки — поле перед позициями 17-го полка с утра было совсем белым, и отчётливо виделись на нём ползущие машины и спешащие за ними автоматчики.

Полосухин со своего НП всё ещё мог руководить боем — связь работала, и он вызвал майора Битюцкого: «Алексей Степанович, всё ли ясно видишь? Не упустить момент!» Битюцкий заверил, что у него ещё много стволов, и эти танки он оставит, но что будет к концу дня?

Верный себе Битюцкий снова подпустил немецкие танки на 250 метров. Затем обрушил на них всю огневую мощь дивизии — ту, что ещё оставалось, ибо потери были у него велики.

Артиллеристы противотанковых дивизионов, понимая, что иначе танки прорвутся и подавят их гусеницами, сразу выкатили орудия на прямую наводку, и по всей линии нашей обороны загремели огневые дуэли — кто кого? Кто кого раньше поймает в перекрестие прицела? Кто раньше выстрелит? Кто раньше попадёт в свою цель?

Танки двигались, маневрировали — пушки стояли. Везло тем, у кого нервы крепче, глаз острее.

За час боя в противотанковой батарее, защищавшей 3-й батальон 17-го полка, погибли или были ранены все бойцы, остались только два орудия, из них продолжали вести огонь только сержант Каринцев и командир батареи, старший лейтенант Полибин, корректировал огонь комиссар батареи, младший политрук Сазонов. Полибин подбил четыре танка, Каринцев — два, затем их орудия накрыли близкие разрывы.

3-й батальон ещё держался, но он истекал кровью. Помощи ждать было неоткуда. Командир батальона, капитан Зленко, отходить никуда не собирался.

Он созвал к себе в траншею всех, кто уцелел: «Ну, ребята, мы держим Курганную батарею. Неужели уйдём? Неужели покроем себя позором?»

По наползающим танкам, по совсем близко подступившей пехоте вдруг ударили залпы эрссов — один, за ним без интервала другой. Поле полыхнуло ярким жёлтым пламенем — попадание было точным, по танкам, по пехоте. Поле разом почернело, оплавилось; одни танки, охваченные огнём, замерли, другие закрутились на месте, автоматчики спешно уходили — те, кто вырвался из огня. Добить бы их сейчас, опрокинуть, погнать. Но Зленко знал, что с той горсткой бойцов, что у него осталась, атаковать нельзя: немцы через час двинутся снова, у них резервов хватает — кто их тогда удержит?

Через час немцы повторили удар — всё по тому же 3-му батальону 17-го полка капитана Зленко. Немцы на этот раз ворвались в траншею батальона, резня была беспощадной, так что из батальона мало кто уцелел — погиб и сам комбат Зленко.

Фронт дивизии оказался прорван, ширина прорыва была километра четыре, а то и шесть; немецкие танки и пехота ринулись в образовавшуюся брешь. В руках противника кроме ранее захваченного Рогачёва, обе Ельни, Утица и Артёмки. Теперь немцы, разрезав боевые порядки дивизии, выходили на позиции гаубичного полка.

Полосухин всё видел, всё понимал. Первую и самую очевидную мысль — забрать часть сил из 113-го полка и закрыть прорыв — тут же отбросил: во-первых, оголять правый фланг дивизии было нельзя; во-вторых, на переброску батальонов потребуется время, а времени у него как раз не было. Закрывать прорыв, не допустить его расширения надо было другим путём.

Полосухин вызвал к телефону Битюцкого, приказал: «Стяни всю артиллерию к Артёмкам, перекрой шоссе и жги танки! Не дай им прорваться на Можайск!»

Второе, что сделал в этой лихорадке Полосухин, перебросил к Артёмкам сапёрные роты, приказал спешно минировать шоссе и окольные дороги на Можайск — три полосы минных полей с интервалами в глубину полтора-два километра. И чтобы через час доложили об исполнении!

В эти минуты Полосухин жил в бешеном ритме.

12-й отдельный разведывательный батальон майора Карепанова уже разгрузился на станции Можайск, уже шагал к Бородинскому полю где-то по шоссе, и Полосухин послал ему навстречу старшего лейтенанта Фёдора Иванова — ускорить движение к Артёмкам! Срок прибытия к 17.00, пусть хоть бегом бегут, хоть на крыльях летят!

Вызвал майора Воробьёва: «Вам задача — соберите всё, что осталось от 3-го батальона Зленко, думаю, рота должна набраться. Берите из батальона курсантов одну роту, и к 17 часам быть готовыми к атаке на Артёмки с юга. Артёмки надо отбить, иначе немцев не удержим. Две роты очень, очень мало, но вас поддержит разведывательный батальон, он ударит одновременно с северо-востока».

Позвонил генерал Лелюшенко: «Виктор Иванович, всё знаю. Что предприняла дивизия, чтобы остановить противника?» Выслушав ответ, сказал: «Согласен, вы мыслите верно. К 17 часам ждите от меня противотанковый артполк и 20-ю танковую бригаду. Бейте кулаком, сразу всеми силами, иначе ничего не добьётесь».

Лишь положив трубку, Полосухин сообразил: Лелюшенко впервые за эти три дня разговаривал с ним на «вы».

Тут же позвонил майор Солдатов:

«Немцы атакуют танками и пехотой от Рогачёва на север, через железную дорогу, на левый фланг полка!»

Полосухин хмыкнул: «Несерьёзно это, просто они нас связывают, чтобы я из твоего полка никого забрать не мог. Ты, Николай Леонидович, просто объясни им отбить...»

- А полк и отбивает. Только что вторую атаку отбили.

- Вот и держите их дальше...

Комиссар дивизии Мартынов, явившись на НП, выждал, когда немецкий натиск спадёт, после чего сказал Полосухину:

- Виктор Иванович, боюсь, не случилось бы ещё беды: 2-й батальон 17-го полка сутки, как отрезан, дерётся в окружении: штаб полка с утра молчит, связи нет, посыльные от Романова не доходят. Вообще, дивизия держит оборону отдельными очагами, локтевого соприкосновения полков фактически нет.

Полосухин слушал молча, держа обеими ладонями горячую алюминиевую кружку. Он не пил, он совсем забыл про кусочек сахара за щекой — от кружки исходило блаженное тепло. Всё, о чём говорил Мартынов, он знал и сам. Спросил:

- Что надумал, Григорий Макеевич?

- Хочу пойти в штаб 17-го полка. Глянуть.

- Один, что ли?

- С твоего разрешения возьму пять командиров из политотдела, трёх из штаба дивизии. Бойцов — сколько наберу. Может, штабу полка понадобится помощь. Может, пошлю кого во 2-й батальон — их ночью, думаю, надо выводить, хватит с нас гибели 3-го батальона.

- И куда думаешь выводить 2-й батальон?

- К Артёмкам, разумеется. Завтра немцы снова навалются. Думаю, у Артёмков самый бой и будет.

- Всё ты правильно понимаешь, только выводы твои неверные, Григорий Макеевич. Второй батальон снимать ни в коем случае нельзя. Думаю, что и завтра не снимем его и не отведём. Немцы к Артёмкам идут с севера, от Рогачёва, следовательно — по просёлкам и потому — только с лёгкими танками и малыми силами, и мы от них отбиваемся. По шоссе им хода нет: второй батальон и батальон курсантов, рытвые в землю танки их держат — так? Вот именно, что — так. Уберём их от Юдинки — что получится?

- Что же, твоя правда мою перевесила. А беды не предвидишь — что, немцы и второй батальон, и курсантов истребят?

- Такая возможность не исключается, но положение батальона Щербакова пока достаточно устойчивое, и противотанковый артдивизион, судя по силе огня, пока держится. А ты сходи и посмотри, что там, в штабе 17-го полка, и где майор Романов.

Вместе с политотдельцами, штабными командирами и бойцами у Мартынова было всего 28 человек, взвод.

От деревни Артёмки этот сборный взвод пересёк шоссе, углубился в чёрный густой лес и двинулся в полной тишине на запад, к Юдинке: где-то там располагался прежде штаб 17-го полка. Мартынов выслал вперёд двух бойцов, и вскоре они прибежали обратно: «Товарищ полковой комиссар, там, в лесу, наш сержант, с ним бойцы и санитарка, все раненые, сами двигаться не могут...»

...У дерева стояла зелёная армейская подвода, коня убило, и его выпрягли — оглобли уткнулись в снег. У бойцов винтовки со штыками, есть даже немного патронов. Оказалось — все из хозвзвода, вчера отбивали у немцев НП полка, потом их отправили в тыл, да только сержант был без сознания, а санитарка заблудилась, и напоролась на троих немцев — вон там они лежат, все трое, в кустах: санитарка успела гранату бросить, а больше у неё не осталось. Вот и куда им теперь — без коня-то?

За сутки, как оказалось, КП и штаб полка переместились. До боя были севернее деревни Знаменское, откуда лейтенант Пастушенко увёл оставшихся бойцов хозвзвода и обоз в сторону Фомина, а штаб полка, кто на ногах держался, ушёл на запад, на соединение со вторым батальоном Щербакова.

Комиссар Мартынов, слушая очнувшегося старшего сержанта, прикидывал по карте, где теперь может быть КП и штаб полка. Уточнил: «Знамя полка где? Знаете?»

Сержант вздохнул — говорил он с трудом, сказывалась и вчерашняя контузия: «При знамени завсегда находился сержант Жданов, и видели его на КП при майоре Романове, я самолично вчера его там видел. А нынче кто знает? Может так при НП и оберегает знамя, а может, ушёл и знамя унёс. А может, душу богу отдал.»

Мартынов приказал раненому оставаться в повозке, санитарке оставил гранату — раз умеешь пользоваться, возьми ещё одну; пообещал через час за ними вернуться и повёл свой взвод между деревнями: Юдинка, Алексинки и Фомино, где в густом лесу должен был укрываться КП 17-го Краснознамённого имени М.В. Фрунзе полка.

Выстрелы и гранатные разрывы вспыхнули разом и совсем близко, прямо перед ними, за поредевшими соснами. Минуту — другую спустя Мартынов и его люди выскочили на опушку — в чёрных кустах засели наши, в белых полушубках, их было чётко видно; со всех сторон наседали, лезли напролом немцы в серозелёных шинелях и железных касках.

Без команды Мартынова сборный взвод ринулся вперёд, в самую свалку. Не ожидавшие удара в спину немцы всего на несколько секунд и растерялись, но этого вполне хватило: всех перекололи. А тут по-иному нельзя было и действовать: пули, гранаты могли задеть своих.

Сержант Жданов — точно — оказался здесь. Раненный в плечо, он через силу расстегнул крючки шинели, распахнул: «Вот, товарищ полковой комиссар, берите у меня полковое знамя, а я, кажись, отвоевался.»

Мартынов покачал головой: «Пет, сержант, знамя сам понесёшь, а мы тебя охранять будем...»

Теперь их было тридцать два человека — сильных и здоровых. Мартынов поглядел на две запряженных армейских подводы, на бойцов, сносивших на подводы раненых, на мёртвую опушку, где среди кустов, у деревьев, на снегу лежали вперемежку немцы и наши, снял шапку и поклонился: «Простите нас, товарищи, но похоронить вас не можем. Надо уходить...»

Начинало уже темнеть, когда невдалеке, в километре, вспыхнула пальба. Мартынов понял: бой развернулся у Юдинки — там ещё сидели в траншеях и дотах две роты курсантов и остатки второго батальона Щербакова.

Мартынов прислушался к грохоту боя: что делать, как поступить — повернуть направо, к Юдинке? Что это даст, подкрепит ли курсантов? Или повернуть налево и, пока курсанты сражаются, пройти тем же путём к Артёмкам, каким шёл сюда?

Он переполовинил свой взвод: при себе оставил заместителя начальника политотдела В.И. Ярцева, сержанта Жданова и десятка бойцов. Остальным приказал поспешить на помощь курсантам и передать им приказ командира дивизии Полосухина: «Юдинку удерживать, сколько сил хватит, без его приказа не отходить».

Понимая, что посылает людей, откуда они едва ли вернуться, но был убеждён: иначе поступить невозможно.

Люди, видимо, тоже всё понимали и пошли бесприкословно, а когда последний боец скрылся за стволами сосен, велел возчикам самостоятельно через лес на Артёмки раненых довести и слать в лазарет. Объяснил, где сыскать раненого сержанта, его бойцов и санитарку, и велел трогать. По лесу бродили разрозненные группы и наших бойцов, и немецких солдат.

Минут десять спустя, слева из-за деревьев, появились немецкие автоматчики. Их было много, они бежали к Мартынову и что-то орали. Один из бойцов, падая у дерева, крикнул: «Уходите, товарищ комиссар, унесите знамя! Мы их задержим!»

Мартынов, Ярцев и Жданов бросились вправо, через минуту густой сосняк заслонил от них и тропу, и оставшихся на ней бойцов, и набегавших немцев.

Какое-то время — пальба, гранатные разрывы ещё доносились до Мартынова, потом всё стихло, лишь ветер угрюмо шумел в верхушках сосен; повалил густой, тяжёлый от сырости снег. Ещё с час Мартынов и двое его спугников шли через лес — Мартынов точно знал, что идёт верно, идёт на восток, вылетит где-то южнее Артёмков.

Полковник Полосухин к вечеру всё же придумал, чем ошеломить немцев. Он наконец-то дождался майора Наумова и его 322-й полк. Правда, прибыли только два стрелковых батальона, второй и третий; эшелон с первым батальоном на подходе к месту разгрузки перехватила немецкая авиация, разбомбила 26 вагонов — и батальона не стало. Но два оставшихся от Можайска дошагали, передохнули, теперь уже и покормлены. Их бойцам, конечно, порассказали, какое смертное побоище идёт здесь, на Бородинском поле, вот уже третьи сутки. Напугать никого не напугали (по крайней мере, внешне никто не утрастился), а вот чувство собственной вины у людей возникло: как же так — дивизия уже третьи сутки бьётся с фашистами, а их только что привезли?!

Полосухин вызвал в штаб дивизии майора Наумова и двух командиров батальонов, велел следить по карте: «Вот Кукаринский лес, вот железная дорога, вот шоссе. Сегодня же ночью надо постараться хоть частично восстановить положение, немецкий прорыв ликвидировать. Ударим именно ночью. За шесть месяцев войны уже ясно: противник ночью не воюет. Батальон капитана В.А. Щербакова (однофамильца Н. Щербакова из 17-го полка) должен окружить взятое немцами два дня назад село Рогачёво. Всех немцев в селе истребить, уйти не должен ни один. В Рогачёве до 20-ти танков и бронемашин — их забросать гранатами и сжечь. С батальоном пойдёт батарея сорокапятков, а чтобы пушки каптились пошустрее, придать каждому расчёту по три бойца из пехоты. К утру Рогачёво взять и быть готовыми к отражению очередной немецкой атаки, для этого доты и дзоты за ночь восстановить, траншеи углубить...» И, добавив, поглядывая на Щербакова: «...насколько успеешь, и насколько удастся.»

3-му батальону 322-го полка досталось этой же ночью брать деревню Утица. Полосухин разъяснил майору Наумову: «Для атаки на Утицу надо привлечь вообще все силы полка, немцы там успели закрепиться, и вышибить их будет непросто. Атаку поддержат гаубичный артполк. Время и сигнал к атаке согласуй с майором Битюцким.»

Капитан В.А.Щербаков воевать всле-

пую не стал: выслал в Рогачёво разведку и к часу ночи точно знал, где немцы поставили свои танки и бронемашин, где скопились бронетранспортёры. Троих разведчиков: лейтенанта И.Д.Кочнева, рядовых Григория Бровкина и Семёна Гореловых, поблагодарил сердечно, каждому пожал руку и велел пока отдыхать. Потом приказал, чтобы от каждой роты дали ему по десять бойцов и по одному помкомвзвода. Ещё велел собрать для этих групп бутылки «ДС» и противотанковые гранаты. По карте командирам рот указал, какая и откуда прорывается в Рогачёво и чтобы крику было поменьше: зачем их, гадов, заранее будить? Они от взрывов и выстрелов всё равно проснутся, только пусть позже, чем раньше.

Батальон этот бой разыграл, словно по нотам; словно и противник был так, непутёвый или условный: не столько сопротивлялся, сколько в подлажки играл. Первой в Рогачёво с севера ворвалась рота старшего лейтенанта Глухова — бойцы, переколов ножами охрану, побегали группами по уцелевшим избам выковыривать спящих немцев: минут десять над селом царил тишина, потом загрохотали взрывы у берега Еленки, где немцы сгрудили на ночь бронетехнику.

Танков, бронемашин и бронетранспортёров оказалось не 20, много больше, их все в раз подорвать и сжечь не удалось. Три танка вдруг затарахтели моторами, задвигались — покатили один за другим к мосту через Еленку. Здесь, на подходе к мосту, их поджидала сорокапятка сержанта Смирнова. Очень уж ясно было видно эти танки: сбоку, слева, полыхал крытый соломой огромный сарай, жар от пламени летел в лицо артиллеристам, но к мосту они не пропустили ни одного танка — все три расстреляли, четвёртой подбили спешившую за ними бронемашину.

К утру командиры рот доложили: в Рогачёве из 17-го полка никого не нашли: ни живых, ни раненых, ни мёртвых; их прежние позиции роты заняли, сейчас бойцы спешно восстанавливают огневые точки, долговременные и деревянно-земляные. Сколько набили немцев, никто из ротных командиров в точности сказать не мог: кто бы их там, в темноте, ночью стал пересчитывать? Потом капитан Щербаков доложил в полк: деревня Рогачёва взята, немецкий гарнизон — до батальона пехоты — истреблён весь, сожжено 30 танков и бронемашин.

3-й батальон в эту же ночь выдвинулся к северной окраине деревни Утица, и как только запылали пожары в недалёком Рогачёве, как только загрохотали приглушённые расстоянием удары сорокапятков, бойцы бросились вперёд. Ночной бой сложился из суматохи, надрывных криков, разрывов гранат. В батальоне половина бойцов прошла через Хасан, молодые, ещё не знавшие боя бойцы, от них не отставали.

У немцев в Утице танков оказалось немного, всего шесть. Четыре сожгли бутылками с горючей смесью в самом начале, экипажи перехватили на полпути, до танков добежать не дали. Ещё два пошли было по широкой деревенской улице — на них бесстрашно кидались со всех сторон, не обращая внимания на неслышные в крике пулемётные очереди, на падающих под очередями людей. И не успокоились, пока оба танка не задымили.

Батальон взял Утицу, одна из рот, преследуя немцев, проскочила лес и в занимавшемся утреннем свете увидела вдалеке прямо перед собой деревню Дорошино. До неё было рукой подать, и туда ушли бежавшие немцы. Лесом Дорошина угадывалась верхняя Ельня, там тоже были немцы.

Ротный командир сверился с картой — правее Дорошина лежала деревня Ше-

вардино, в километре от неё, южнее — знаменитый Шевардинский редут.

Разгорячённые босм головы ротный попридержал, дальше леса соватья не вселел, а приказал спешно окапываться, прямо здесь, у кромки Утицкого леса. Сразу же подошла ещё одна рота батальона, с таким же точно приказом: окапываться, держать немецкие танки.

В Утице остались третья рота и ещё отряд майора Воробьёва — что это за такой «отряд», кто он есть, майор Воробьёв, ни тот, ни другой ротный командир понятия не имели: ни в одном из полков дивизии такого комбата не было, это точно.

Весь день 15 октября и всю ночь на 16-е штаб Московского военного округа работал без пауз и без передышки. В кабинете дивизионного комиссара и члена военного совета К.Ф. Телегина, на стене перед рабочим столом, висела карта, на которой альянт отмечал флажками продвижение немецких танковых колонн.

Этих колонн в течение дня становилось всё больше: кровопролитные бои под Вязьмой постепенно затухали, и всё, что там освобождалось, теперь ползло, катилось на Москву, растягивалось по подмосковным дорогам на многие километры. Немецкая четвёртая полевая армия нагоняла четвёртую танковую группу Гепнера.

К 23 часам 15 октября Телегину принесли на подпись итоговое донесение за сутки в 1-й штаб — подписи командующего округом и начальника штаба уже стояли, и у дивизионного комиссара сжалось сердце.

Не от страха, не от боязни за себя лично — от того, насколько осязаемой стала за эти сутки угроза, что немецкий танковый вал не удастся остановить, что он до Москвы может докатиться и придётся вести бои в самом городе. Разговор пока об этом, правда, не было, но мысль такая Телегину пришла.

При всём при том 5-я армия генерала Лелюшенко и её 32-я Дальневосточная дивизия вот уже четвёртые сутки не пропускала 40-й танковый корпус немцев через Бородинское поле.

Там, правда, всё висело на волоске: боевые порядки дивизии немцы сумели расчленили. Как и за счёт чего держался Полосухин, рациональному объяснению не поддавалось.

Но если завтра дивизии 57-го корпуса немцев от Боровска — Наро-Фоминска зайдут с юга в тыл дивизии Полосухина, то повторится то, что случилось под Вязьмой: окружение и истребление.

Самое тяжёлое для Телегина во всём этом было сознание, что он решительно ничем сейчас не мог помочь дивизии Полосухина: головные эшелоны 50-й дивизии были где-то на подходе за пределами Московской области.

О том, что русские провели две ночные атаки и снова заняли деревни Рогачёво и Утицу, командир 40-го корпуса, генерал Штумме, доложил Гепнеру ранним утром 16 октября.

Гепнер понимал, что это частный успех русских, что развить его русские за недостатком сил не могут: офицер абвера уверяет, что подхода новых русских дивизий в их тылу не отмечено.

Понимал Гепнер и то, что русские с утра снова перейдут к обороне и что инициатива по-прежнему остаётся у танковой группы. Но после трёх суток боёв он вдруг ощутил глухое недовольство, даже раздражение нерешительными действиями генерала Штумме: как же так?

Берлин считает, что с русскими после Вязьмы покончено, что теперь перед 4-й группой пустота, а 40-й корпус с тремя

своими дивизиями и приданная корпусу 7-я Мюнхенская не в состоянии сломить сопротивление одной — всего лишь одной! — дивизии врага, пробиться через Бородинское поле и выйти, наконец, к Можайску!

Это недовольство и раздражение проявились в том, что Гепнер прямо заявил генералу Штумме: «Войска надо встряхнуть! Надо оживить их дух! Надо указать солдатам цель, которая приведёт к окончанию тяжёлого похода и покроет их славою! Укажите перспективу предстоящего отдыха — и не забывайте, что русская зима очень сурова. Это я для господина генерала подчёркиваю суровость русской зимы, солдат предстоящими морозами и зимними тяготами пугать не следует. А руководить корпусом с энергией и верой в победу — совершенно необходимо!»

В таком жёстком тоне Гепнер с генералом Штумме прежде не разговаривал. Они прошли вместе весь поход от Восточной Пруссии до Ленинграда, вместе прорывали русский фронт южнее Вязьмы и чётко замкнули кольцо окружения, соединившись с наступающими с севера частями 3-й танковой группы.

До вчерашнего дня Гепнер был совершенно уверен, что на генерала Штумме можно положиться.

Но отдать две деревни, которые уже были взяты, отступить, чтобы сегодня с утра их снова атаковать, снова нести потери от огня русских орудий — такого Гепнер генералу Штумме не позволить, не простить не мог.

Спросил: «Что спланировал корпус на текущие сутки? Какова конечная цель сегодняшних боевых действий? Какими силами и где именно будет нанесён удар? Достаточно ли этих сил, и есть ли уверенность, что сегодня сопротивление русской дивизии будет, наконец, сломлено?»

Если генерал Штумме и был обижен упреками, то самым тоном разговора, Гепнеру он этого не показал.

Заверил, что сегодняшней удар будет окончательным: оборона русских за три дня боёв полностью расшатана, их артиллерия понесла колоссальные потери и поддерживать прежнюю интенсивность огня не сможет. В любом случае танковым частям поставлена задача — вновь взять Артёмки и раздавить русские гаубицы на позициях за Артёмками.

Гепнер заверения в успехе принял, сказал: «Помогай вам бог, Штумме. Если сумеете захватить русского полковника, людям группенфюрера СС Артура Небе его не отдавайте, везите сразу ко мне. Вы ведь знаете, где штаб русской дивизии? Офицер абвера дал информацию? Вот и ловите этого полковника. Подумайте — он ведь даже не генерал, а мы с вами, два высоких генерала, не можем с ним разделиться!»

Памятник на месте гибели В.И. Полосухина.

Справка:
КОМДИВ,
полковник Полосухин
Виктор Иванович

Полосухин Виктор Иванович: советский офицер, полковник, командир 32-й Краснознамённой Саратовской стрелковой дивизии - родился 28 февраля 1904 года на приiske «Весёлый» Кузнецкого уезда Томской губернии. Большая часть его детских лет прошла в городе Кузнецке Томской губернии.

На воинскую службу в РККА (Рабоче-крестьянскую Красную Армию) он поступил в 1921 году. Участвовал в борьбе с бандитизмом, в разгроме остатков колчаковских банд в окрестностях города Кузнецка, в Шорской и Мариинской тайге, в острогах Кузнецкого Алатау. Решив посвятить свою жизнь военной службе, был направлен на учёбу в 25-ю Томскую пехотную школу командного состава РККА, которую окончил в 1922 году; позднее и Ленинградскую военно-политическую школу имени Ф.Энгельса. В 1938 году в Москве окончил офицерские курсы старшего командного состава РККА «ВЫСТРЕЛ».

Воинскую службу проходил в воинских гарнизонах Белоруссии, в Сталинградской области, Астрахани и на Дальнем Востоке. В апреле 1925 года он был принят в ВКП(б), в конце 1929 года был избран секретарём партбюро стрелкового полка.

За успехи в воспитательной работе во время празднования 14-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции В.И. Полосухин награждён ценным подарком - золотыми наручными часами, на оборотной стороне которых выгравировано: «Ударнику социалистического строительства В. И. Полосухину. Сталинградский Горсовет, - 07.11.1931 г.»

За время службы в Красной Армии Виктор Иванович Полосухин прошёл служебный путь от рядового красноармейца до командира стрелковой дивизии. Полковник с 1940 года.

В апреле 1941 года командиром 32-й Краснознамённой стрелковой дивизии назначен полковник Полосухин Виктор Иванович, до этого командовавший отдельной стрелковой бригадой во Владивостоке.

5 октября 1941 года в связи с критической военной обстановкой на Можайском направлении, на станции Андреево Волховской - Октябрьской железной дороги, воинские части дивизии в полном составе вновь были погружены в вагоны железнодорожного эшелона и отправлены на Западный фронт в Подмоскovie, в город Можайск.

18 февраля 1942 года, проводя рекогносцировку местности и отработывая план контрнаступления дивизии на участке прорыва, недалеко от села Семёновское пулемётной очередью противника был убит Виктор Иванович Полосухин. 20 февраля 1942 года он был похоронен со всеми воинскими почестями в центре города Можайска.

За стойкость, героизм, умелое руководство боевыми действиями дивизии на подмосковной земле, в районе города Можайск, полковник Полосухин Виктор Иванович награждён орденом Боевого Красного Знамени.

В 1978 году ветераны 32-й КСД на месте гибели своего комдива, в районе деревень Иваники и Васильки, установили памятный знак-obelisk.

Его именем названы улицы в городах Москва и Можайск. Его имя носит 583-я средняя школа столицы нашей Родины,

города Москва и школа №71 г. Новокузнецка. Полковнику Полосухину Виктору Ивановичу посмертно присвоено звание Почётного гражданина города Можайск и города Новокузнецк.

Ныне в Новокузнецке имя В.И. Полосухина носит одна из городских улиц (в районе Форштадта, бывшая Зелёная), его именем названа одна из кузбасских шахт - «ПОЛОСУХИНСКАЯ», одна из железнодорожных станций Западно-Сибирской железной дороги.

А крылатое выражение Виктора Ивановича Полосухина: «Приехал Бородинское поле защищать...», записанное им 10 октября 1941 года в книге учёта посетителей бородинского музея, в разделе «Цель прибытия», бессмертно.

Справка:
Рудин
Виль Григорьевич

Член Союза писателей СССР с 1982 года; заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат специальной литературной премии КГБ СССР 1986 года - за повесть «Тропа над пропастью» и «Между вчера и завтра»...

Родился Виль Григорьевич 25 мая 1925 года в черноморском городе Очаков, овеянном славой широко известного в нашей стране... ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА, в семье военнослужащего.

Окончив неполную среднюю школу, в 1940 году поступил учиться в третью Московскую специальную военную артиллерийскую школу, учёбу в которой окончил в 1943 году. Продолжил образование в третьем Ленинградском военном артиллерийском училище.

В 1944 году как молодой офицер, хорошо знавший немецкий язык, был направлен на обучение в годичную Московскую спецшколу КГБ СССР. После окончания в 1945 году был направлен военным переводчиком в Берлин...

В 1946 году начал работать военным следователем советского представительства Восточной Германии (позднее - «ГДР»). В 1952 году был переведён в Кемеровскую область, начал работать в органах КГБ и УВД городов Кемерово и Новокузнецк. В 1970 году вышел в отставку в звании подполковника.

Литературным творчеством начал заниматься, уже проживая в Кемеровской области, в 1954-м году. Первый свой рассказ «В дороге» опубликовал в областной газете «Кузбасс». С 1953 по 1985 гг. работал лектором в международном обществе «ЗНАНИЕ». В 1966 году являлся участником Кемеровского семинара литераторов Западной Сибири и Урала.

Являлся участником всесоюзных совещаний по научной фантастике и детективной литературе, внештатным корреспондентом областной газеты «Кузбасс».

До конца своей жизни по мере своих физических возможностей Виль Григорьевич принимал активное участие в работе многих общественных организаций и политических партий, придерживался позиций гражданского мира и согласия. Являлся директором издательства «Ковчег». Изданные произведения Рудина В.Г.: «День «Икс», «Зажми сердце в кулак», «Пять допросов перед отпуском», «Тропа над пропастью», «Между вчера и завтра», «Преодоление», «Солдат божьей милостью», «Испытание босм» - докум. повесть о В.И. Полосухине, 247 стр., 1995 год. «Три года дьявольщины».

Виль Григорьевич Рудин был не только писателем, но и солдатом своей страны, потому как всю свою сознательную жизнь он посвятил службе своей Родине. Умер Виль Григорьевич Рудин 3 июня 1997 года в городе Кемерово.

г. Кемерово.

Сергей Гнездилов

Родился в 1987 году в городе Прокопьевске в шахтёрской семье. После школы с отличием окончил Прокопьевский медицинский колледж, а в 2011 году и «Московский государственный открытый университет» по специальности «Экономика и управление на предприятиях». Работает по специальности полученной в медицинском колледже, в медицинской службе авиакомпании «Аэрокузбасс».

Литературным творчеством — поэзией, занимается с детства, более десяти лет является членом прокопьевского поэтического клуба «Вдохновение». Подборки своих стихов публиковал в коллективных сборниках стихов поэтического клуба «Вдохновение», в коллективных сборниках стихов Союза любителей поэзии кузбасских авторов «Кузбасский родник»; в книге прозы и поэзии прокопьевских авторов, выпущенной в 2013 году администрацией города Прокопьевска «Когда приходит вдохновение» и в других печатных изданиях. В 2013 году выпустил свой собственный сборник стихов под общим названием «Звезда странника». Кроме поэзии увлекается философией и активным туризмом, любит природу и историю родного края.

Метель

Ах, какая сегодня метель!
То ли снег, то ли яблони белые,
Застылают кипенью постель
Под слова о любви неумелые...

Под печали о прошлых друзьях,
Об июне — распутном и сказочным.
Мать Земля, я в твоих колеях
Заплутал жалким ушком булавочным.

Но пришёл и стою у дверей,
Чтоб напиться седыми просторами.
Лишь метель с подвываньем зверей
Гонит прочь снеговыми затворами.

Я ласкаю белёсую прядь,
Что в руке дикой птицею мается.
И никак мне её не понять —
То целует она, то кусается,

То бросает в объятия кудель,
Облака уронив переспелые.
Ах, какая сегодня метель!
То ли снег, то ли яблони белые.

Лесная дева

Обронив золотое перо,
Улетает закат — словно птица.
И небесное пьёт серебро
У источника мать волчица.

А божественной спичкой Луна
Высекает семь звёзд за востоком.
И ты бродишь в молчанье одна,
Истекая берёзовым соком.

Что не спится, о, дева, тебе,
По полям разметавшая косы?
То ли губы сомкнула в мольбе,
То ли горьки черничные росы?

То ли ищешь бессмертной любви,
Только что-то никак не находишь?
Лишь изгиб соболиной брови
Ты чернилами ночи подводишь.

Зябко кутая плечи в вуаль
От черёмуховой парусины
Оставляешь немую печаль
Пересудам шептуньи осины.

Робко спросит рассвет поутру —
Где же та, что бродила босою?
А она разлилась на ветру,
Да осталась черничной росой.

***

Сделайте музыку громче,
Чтобы не слышать сиротство!
Здесь, что ни пешка — то кормчий,
Видит своё превосходство.

Здесь, что ни шлоха — то леди,
Здесь, что ни встреча — то встреча...
Цвета стареющей меди
Вечер ложится на плечи.

Улица тонет в бутылке,
А за углом на свирели
Девочка музык обрывки
Льёт в суетной канители.

Громче, прошу её — громче,
Чтобы не слышать лукавство!
Здесь, что ни шавка — то гончий,
Что ни свобода — то рабство...

Здесь в тишине ошутими
Вместо согласия — склоки.
Люди, спешащие мимо
В пёстрой толпе одиноки.

Вечер в стекле утопает.
В улице, как в колыбели
Девочка души ласкает
Музыкой белой свирели.

***

Пойдём гулять по выпавшему снегу
В печальный сад, который ждёт весны,
Сменив уют домашнего ковчега
На сказок зимних расписные сны.

Пусть в поднебесье всыхивают звёзды,
И месяц улыбнётся нам с тобой.
А люди прочь — в насиженные гнёзда,
Спешат принять удушливый покой.

Пойдём гулять по выбеленным крышам,
По чьим-то грёзам вдоль и поперёк.
Мы в струях ветра музыку услышим
У края встав, на самый козырёк.

Вперёд по воздуху, шагая на удачу,
Оставим здесь чужие голоса.
За руку взявшись и совсем иначе
Друг другу глядя в ясные глаза,

Укутавшись в предсумрачную негу —
Туда, где звёзды ранние видны,
Пойдём по неисписанному снегу
Над садом, ожидающим весны.

Что хочется мотыльку

Прошлогодние листья банкнотами
Шелестят под ногами загульщиц.
Ощетинились шпильки островами
Над изгибом чернеющих улиц.

А влюблённые теми предместьями
Голубям щедро жертвуют крошки.
Зажигаются окна созвездьями,
И те голуби смотрят в окошки.

А наивный апрель скоро кончится,
В дрёме птичьему снится сознанию.
Им тепла человеческого хочется,
Как любому живому созданию.

Фонари маяками маячатся,
Ловят свет запоздалых кибиток.
Укрывается ночка-захватчица
Пестротой цыганских накидок.

Мотылёк одинокий морочится,
Возле лампы пригрелся, похоже.
Мотыльку разве ласки не хочется?
И любви ему хочется тоже...

Мысли вслух

Мне так весело, так печально...
Этот мир так горяч и стыл.
Даже тополь свечей венчальной
По дороге наверх застыл.

На снегу золотой румянец,
А в ушах гул чужой молвы.
Сквозь обложек постылый глянец
За звездою идут волхвы.

Нищий ветер, как попрошайка
Робко путается меж ног.
И Луна в облаках, как лайка
Небольшая, совсем щенок.

На полу расписные томики
Не дочитанных детских книг.
Опустевшие подоконники,
И замёрзший в саду цветник.

Горше лжи на столе заварка,
Слаще нежности горный мёд.
И снаружи мне также жарко,
А внутри почему-то лёд.

Звуки скрипки за подворотней.
Вкус прогоркшего табака.
Снег кружится ещё дремотней,
Но не спится под ним пока.

За три моря в чести хождение,
А итог лишь один — земля.
Вижу в зеркале отражение.
Неужели вот это — я?

***

Дети Большой Медведицы
Легли во дворах сугробами.
Глаза угольками светятся
И лапами бьют суровыми

По скользким морозным улицам,
Взирают на небо с жадностью.
Медведица в небе хмурится
Своей взвешенной нескладностью.

А где-то земные детушки
Резвятся под взором маминым.
Да я незнакомой девушке
С лицом неизменно каменным,

В замёрзшем трамвайном стёклышке
Пишу «Улыбнись» узорами.
И скрипнет на самом доньике
Быть может, душа затворами.

Смущённой скользнёт улыбкою,
И тоненько засмущается...
Трамвай полусонною зыбкою
На рельсах стальных качается.

Сквозь буквы в окне мне видится —
Не спят фонари вечерние.
И ночь под платком провидицы
Всё мягче идёт, манернее,
Лениво позёмка стелется,
Сугробы под ветром маются.
Вверху только мать — Медведица
Всем детушкам улыбается.

Звездная пыль

Золото звёзд, как монеты
Падает в бледные руки.
Мгла, отворяя секреты,
Гасит запреты и звуки.
Ночь вороной кобылицей
Кормится лугом небесным.
Лунный цыган белолицый
Щурится глазом нечестным.
В конских лыловых глазницах
Жажда травы непримятой.
Звёздная пыль на ресницах
Пахнет жасмином и мятой.
Звёздная пыль на ладонях
Горше, чем стебли полыни.
В небе невидимый конюх
Кличет забытое имя
Между созвездий бродячих
Тёмной кобылки треклятой,
Перстью морозно-горячей
Луг посыпая примятой.
Машет уздой — власницей,
Ищет пропавшую пылко.
Только цыган белолицый
Хитрую прячет ухмылку
В бледных, прозрачных ладонях,
Кутаясь в шаль антрацита.
Видит невидимый конюх
След ледяного копыта
Там — за хвостами кометы,
В пыли звенящей и колкой.
Сыплются, словно монеты
Звёзд отгоревших осколки...

Черёмуха

Нет, ни сна не найду, ни места.
Что-то кружится голова...
Лишь черёмуха, как невеста,
Нежно внемлет мои слова.
От тебя ль аромат тот белый
Так окутал мой разум вмиг,
Что я вдруг головой несмелой
В чёрных мыслях своих поник?
От тебя ли моя бессонница
Свой в ночи оставляет шпрых?
Алебастром покрыта звонница
Не умолкших цветов твоих.
Сладким маревом полночь блазнится.
И домой уж давно пора...
Да какая всем, к чёрту, разница,
Буду здесь дожидать утра!
Пусть не хватятся заплутавшего.
Под черёмухой мяки мхи...
И всю ночь у ствола озябшего
Я читать буду ей стихи...

г. Прокопьевск.

Иван Рябин

Рябин Иван Михайлович родился 10 сентября 1931 года в с. Лобаниха Алтайского края. Окончил Прокопьевский горный техникум по специальности «Горная электромеханика». По окончании был направлен на работу в г. Сталинск на шахту «Редаково». В Новокузнецке окончил Сибирский металлургический институт по специальности «Разработка угольных месторождений». В угольной отрасли отработал 31 год, из них более 23 лет подземного стажа.

Стихи начал писать после армии. Выйдя на пенсию, уехал на свою малую Родину в с. ело Лобаниха Алтайского края. Работал в колхозе и в газете «По Ленинскому пути» - внештатным корреспондентом. В разное время его стихи были опубликованы в газетах.

А над рейхстагом вилось знамя

Русь моя

Русь моя, моя обитель,
В мыслях я себя ловлю —
Нужен, нужен нам правитель,
Нужен штурман кораблю.

Знаю, ты такого сыщешь,
Только лучше выбирай!
Чтоб страну голодных, нищих
Превратить в богатый край...
Ты ведь хороша и в будни,
Я всегда тобой горжусь.
Ты была, ты есть ты — будешь
Вечно жить, святая Русь!..

Сохраним мир

Ты отслужил и к прежней жизни
Приедешь вновь в родимый край.
От нас солдат — сынов Отчизны —
Привет сельчанам передай.
Скажи, гордятся пусть по праву,
Мы служим честно, долг таков.
Не посрамим былую славу
И честь солдат - фронтовиков.
Теперь мы, правнуки и внуки,
Их место заняли в строю
И тех, презревших смерть и муки,
Сложивших головы в бою.
Запали в память так глубоко
Следы войны. Они свежи.
Храним мы, как зеницу ока,
Отчизны нашей рубежи.
Мы одержимы. Все осилим,
Горя стремлением одним —
Отчизну, Матушку - Россию,
От войн и горя сохраним!

Военные

Неизвестному солдату
Ни имени нет, ни даты.
И это понятно вполне:
Лежат здесь останки солдата,
Погибшего на войне.
Многие годы минули,
А твой неизвестен удел —
Погиб ли от вражеской пули
Иль заживо в танке сгорел.
Врага ли ты в небе таранил,
На танки с гранатой шел,
Осколком смертельно был ранен,
Взрывной ли волной оглушен?
Отныне неведомо место,
Где встретил ты жизни закат...
Одно лишь Отчизне известно:
Был предан присяге солдат.
Известно, откуда ты родом,
И данные эти верны.
Ты — сын трудового народа,
Великой Советской страны.
«Имя твоё неизвестно» —
Вписано бронзой в гранит.
Подвиг геройский, как песню,
Память в веках сохранит.

Думы ветерана

Мы сидели с дедом Саввой
Допоздна. Зажглись огни.
Угощал он, резал сало —
Мы сидели с ним одни.
Умерла его старуха,
Справил скромный он обряд
(Пусть земля ей будет пухом,
Как в народе говорят).
Сыновей — Егора с Сенькой —
Отняла у них война.
Навещал ее частенько:
Он один. Она одна.
И теперь, придя с кладбища,
С заиндевелой бородой,
Угощал крестьянской пищей
Из занасов кладовой.
— Я спрошу тебя, Ванюха,
Я спрошу, а ты скажи.
Много пороку я нюхал,
Мир я в жизни заслужил?
Немца бил, громил «Катюшей».
Будет помнить самурай,
Как их подленькие души
Отправлял в подземный рай.
Руки жал американцам
Там, у Эльбы, у реки.
Думал, хоть и иностранцы,
А видать не дураки.
Тоже мир им очень нужен.
Не один я так мечтал...
Поздно кончили мы ужин,
А хозяин что-то ждал.
Он сидел и ждал ответа.
Вот ответ, мой добрый дед:
— Будет мир на всей планете,
А войны не будет. Нет!

Труженицам военных лет посвящаю

Женщине — крестьянке
В сорок первом, в трудную годину,
Когда пылала Родина в огне,
Ты все дела домашние откинув,
Пошла туда, где ты была нужней.
Ты помнишь ту затертую листовку:
На смертный бой звала Отчизна — мать.
И вместо мужа, взявшего винтовку,
Ушла ты в поле сеять и пахать.
До поздней ночи, вставши спозаранку,
Не зная сна и впроголодь порой
Крутила непослушную баранку,
Взрыленный след оставив за собой.
Ломило руки, потом обливалась,
Казалось, сил запас совсем истек,
Но все гудел — гудел, не прерываясь,
Твой ХТЗ — железный твой конек.
Дороже для себя не знала дара
И счастьем было для тебя одно,
Когда струилось в бункер «Коммунара»
Ручьем янтарным полное зерно.
Ты от него брала любовь и силы,
Была горда за свой нелегкий труд.

Ты этим хлебом ты и фронт кормила,
И дорог был Отчизне каждый пуд.

В тяжелый час ты духом не упала,
Перенесла все тяжести разлук.
И как могла, Победу приближала
Совместно с миллионами подруг.
Прошли года. На хлебной ниве — внуки.
Тебе теперь давно уж за полста...
Позволь твои натруженные руки
От всей души прижать к своим устам.

Героям Бреста

Оплавленный камень, повисшие блоки,
Пролеты моста над притихшей рекой
Помнят о тех, кто победные строки
В летопись внес пулеметной строккой.
Помнят героев, чью надпись на плитах
Вихри пожарниц слизать не смогли.
Помнят, чьей кровью обильно полита
Каждая пядь опаленной земли.
Никто не ушел, рубежа не оставил,
От жажды и ран вы в руинах легли.
Подвиг на Буге навечно прославил
Частицу священной советской земли.
О вас не забыли. Всюду вы с нами —
В легендах и песнях —
лишь память затронь.
Гудит на ветру и трепещет, как знамя,
У стен цитадели вав Вечный огонь.
Брест — Осинники.
1979 г.

Знамя над рейхстагом

Еще лизало землю пламя...
И не стихал в Берлине бой.
А над рейхстагом вилось знамя —
России символ боевой.
Его, приблизив час расплаты,
Как клич победный распластав,
Внесли советские солдаты
На этот мрачный пьедестал.
К нему, как к самому святому,
Тянулись руки на пути.
И мертвый отдавал живому
С единой просьбой — донести.
И вот кумач, заколыхавшись,
Развеял мрак у стен седых,
То провисал в поклоне павшим,
То звал на подвиги живых.
Еще кругом ревели пламя,
Разрывы, прятались во мгле,
А над рейхстагом вилось знамя
Во имя мира на Земле.

Чёрная береза

Отшумели военные грозы,
Отгремели, затихли бои.
На Орловщине снова березы
В небо кроны вздымают свои.
Но стоит на краю перелеска,
Среди старых окопов и рвов,
Черно-ствольная эта березка,

Не сгибаясь от вешних ветров.
Ствол, в военном огне обгорелый
От вершины до самой земли —
То на кору красавицы белой
Все следы от пожарниц легли.
Стойко вышла она из былого,
Отошедшего вглубь старины.
Чтоб напомнить нам снова и снова
Про суровые годы войны.

Хатынский набат

Гудят, гудят колокола.
Гудят протяжно и сурово.
От белорусского села —
Фундаменты — надеревья крова.
Плывет мелодия над ним,
Огнем и кровью обогранным.
Слышны в ней рекевием и гимн
Погибшим, но не покоренным.
Плывет печальный перезвон
Для них, не павших на колени.
В нем — детский крик, последний стон
И в нем — наказ для поколений:
Сожженных пепел, не остынь!
Напомни людям на планете:
Не повторите вновь Хатынь!
За мир и счастье вы в ответе.

Отчизне

Отчизна моя необъятна,
Советская наша земля.
Народной любовью объята,
Заботой родного Кремля.
В единую семью сплочена
Россия — могучая ты!
В народном лице обращена
В символ заветной мечты.
Народ твой прекрасен, бесстрашен,
Единою связан судьбой,
За счастье народное наше
Пойдет он на подвиг любой.
Веками лелеяли веру,
С царизмом боролись не зря.
Открыла ты новую эру
В великие дни Октября.
Еще не остыли от боя,
Усталость не сбросили с плеч —
Занес над твою судьбою
Фашист окровавленный меч.
Дорогой кровавой и длинной
Мы с честью твой стяг пронесли,
Подняли его над Берлином,
Европу от рабства спасли...
А тем, кто так вновь жаждет сечи
И славит стервятничий пир,
На всех языках и наречьях
Народы ответили: «Мир!»
Мир, равенство, братство,
Счастье, свобода и труд —
Вот к чему люди стремятся,
Вот к чему люди идут.
Шагать нам с тобой еще много
Неторной дорогой идти.
Нам курс держит партия строго

По ленинскому пути.
Единость народная святая
Товарищ в труде и в борьбе.
Вперед, к коммунизму — вот клятва,
Родная Отчизна, тебе!

Вам, не вернувшимся с войны

Воскресный день. Цветы и шутки.
Не наша в том была вина:
Узнали мы лишь через сутки,
Что к нам нагрянула война.
Под детский плач и бабь вой,
Сменив плуги на автоматы,
Ушли за Родину вы в бой.
Дрались, пока хватало сил.
Кто пал в Москве, кто под Берлином,
Где ваших только нет могил?
Еще встречаются нередко
Среди болот, среди лесов
Останки наших павших предков,
Сестер их, братьев и отцов.
К победе шли и не дошли вы,
Потери были велики...
В сердцах сельчан вы вечно живы,
Родные наши земляки!
И, проходя у обелиска
В любые годы - времена,
Ты поклонись, сельчанин, низко
И вспомни павших имена.

Та, сорок пятого, весна (Ветеранам Великой Отечественной войны посвящая)

Немало весен пролетело,
Но наяву и среди сна
Еще живет в солдатском теле
Та, сорок пятого, весна.
Все шло, как - будто так и надо:
Разрывы мин, снарядов свист.
И вдруг замолкла канонада:
«Неужто выдохся фашист?»
За время странного отбоя,
Которых мало у войны,
Солдат оглох, но не от боя,
А от гнетущей тишины.
Все знали, что близка Победа,
Но в этот час и в этот миг
Подростерялись даже деды —
Последний бой войны затих.
Взметнулись веером ракеты.
И наше русское «ура»
Оповестило мир планеты —
Пришла победная пора.
Сбылась мечта солдат, народа,
Мечта, возвращенная в огне.
К Победе шли четыре года
И не скупился в цене.
Народ за страшные години
Какой ценою заплатил!
От стен Москвы и до Берлина
Бугряются холмики могил.
На них воздвигли обелиски,
Отметив бранные поля,
Уж не вернуть родных и близких,
Пусть будет пухом им земля...
Ряды пришедших поредели —

Кто от недуга, кто от ран.
Выводят жаворонки трели
Им в мирном небе по утрам.
Уходят бывшие солдаты,
Но не теряется их след.
Нам оставляют они даты
Былых немеркнувших побед.

Утро моего города

Наш город углем славится,
Тепло и свет дарит.
Наш город просыпается
Задолго до зари.
Кондома проснувшись,
Встревожена людьми,
Плескаясь, потянулась
До шумных вод Томи.
Кран к седым откосам
Бетонный блок пронес.
С углем, стуча колесами,
Прошел электровоз...
Машины, взвывая моторами,
В далекий путь спешат.
Вагончики с шахтерами
Бегут к забоям шахт.
Гудят, звенят трамваи,
Петляя между гор.
Нам песню напекает
Весь этот сводный хор.
Поет о славном городе,

Не знавшем тишины.
О том, что мы с ним молоды,
Друг в друга влюблены.
Куда ты синь очей ни кинь,
Родной мой небосвод,
И вдаль, и вишь Осинники
Растут из года в год.
Песенка уносится,
Оставив след в сердцах.
Работа жарче спорится
В забоях и в цехах.
Мелодией разбуженный,
Горит зарей восток.
С добрым утром, труженник,
Шахтерский городок!

Наставник

Он крепил и между делом
Вел спокойно разговор:
- Я был тоже щуплый телом,
Не сердись, я не в укор.
В сорок третьем, в ту годину,
Опустился я в забой.
С той поры мы с ним едины,
Прикипел к нему судьбой.
В нашем деле ошибаться, —
Что минеру на войне.
Больше кровли опасаться,
Быть внимательным вдвойне.
Разобрал — поставь фальшивку.
Взял на круг — крепи, дружок,
С перетяжкой и с расшивкой,
Чтоб кружок был, как кружок.
Уголь чисто, под метелку,
Из забоя уברי.
Так на месяц раньше елку

Мы зажжем. Держу пари!
Вот тогда-то поневоле
Лава сдружится с тобой,
Не зависнет, не заколет,
Не обрежет по забой.
Новичок глядит теплее.
Может быть, за дымкой лет
На стахановской аллее
Видит он и свой портрет.

Бригадир

(Г.Г. Мецлеру,
бригадиру проходчиков шахты
«Высокая», посвящая)

Тяжелый день уже был рядом:
Все меньше лав, иссяк резерв.
В такой из дней перед нарядом
Зашел к нам главный инженер.
Он указал причины спада
И путь, ведущий на подъем.
И ты от имени бригады
Ему сказал: «Не подведем».
Не спасовал, что нет условий,
Что газ, капез и колчедан,
И лишь сильнее хмурил брови,
Когда срывали снова план.
А вот и первая награда,
Уже пришел ее черед —
Смелей, уверенней бригада
Из смены в смену шла вперед.
Летели дни рабочей вахты,
И, веря полностью в успех,
Своим трудом в забоях шахты
Ты вдохновлял примером всех.
Шагая в ногу с днем грядущим,
В накале будней трудовых,
Участок, бывший в отстающих,
Идет давно в передовых.
Для отставаний причины,
Давно в бригаде извелись,
А у тебя сильней морщины
Упереносицы сплелись.
С углем уходят эшелоны
Туда, где ждет его руда.
И есть в вагонах, в каждой тонне,
Частица твоего труда.
А ныне ты идешь к отметке
На самом важном рубеже:
Над завершением пятилетки
Бригада трудится уже.
Все ближе, ближе эта дата.
Иди вперед, дерзай, твори.
И пусть звезда на комбинате
Победным заревом горит.

Посадчик

Город спит. В такую пору
Всюду тишина.
Лишь посадчику — шахтеру
Ночью не до сна.
Ждет тебя крутая лава —
Цель твоей мечты.
Как хозяин полноправный,
Здесь проходишь ты.

Путь опасен твой и труден,
И без громких фраз,
В суете рабочих буден
Выверен не раз.
Помню я, однажды лава
Шла на самосад.
И тогда не ради славы
Лез ты в этот ад.

И под рокоты глухие,
Не жалея сил,
Разгулявшейся стихии
Ты не уступил.
А когда затихла лава,
Подбутив завал,
— Трудновато все же, право, —
Я тебе сказал.

Молвил ты, лоснясь от пота,
Обнажая грудь:
— Так, обычная работа,
Повседневный труд.
Опершись на топорщице,

У борта ты встал.
Понял я, что ты, дружище,
Дьявольски устал...
Только где-то в «пассажирах»
Вспомнишь ты, браток,
О другом - наземном - мире,
Съешь свой «тормозок».
И на землю каску сбросишь,

Выйдя на-гора,
Втянешь с дымом папиросы
Запахи утра.
Инструмент опять заточишь,
Сон отгонишь прочь.
И как - будто между прочим,
Скажешь: «Ну и ночь!»

Матери шахтера

Твои глаза опять полны тревоги.
Из рук работа валится порою:
Пошел твой сын отцовскою дорогой,
Ушел в подземный угольный забой.

И по утрам, на шахту провожая,
Себя на грустной мысли не лови,
Сбылась мечта, мечта его больших,
И ты на труд его благослови.

Забои ждут отважных и умелых.
К земным богатствам слабым не пройди.
Гордись: твой сын пошел дорогой смелых,
Твой сын пошел по верному пути.

Исповедь шахтера

Костыли, вы мои костыли
Деревянные, длинные ноги.
Сколько вами придется пылать
Мне по жизненной трудной дороге?

К своей доле давно я привык:
К винным лавкам, буфетам, аптекам.
Опустившийся дряхлый старик,
А когда-то ведь был человеком...

Был я молод, недурен собой,
В мыслях грезил мечтой голубой,
В восемнадцать спустился в забой,
Прикипел к подземелью судьбой.

Тогда мир не казался мне сер,
Его видел я в розовом свете
Молодой, разбитной инженер,
И жена, как заря на рассвете.

Знал я славу и знал уголек.
Он ведь родич с красавцем алмазом,
Но один роковой лишь денек
Исверкал судьбу мою разом...

Страшный грохот, удар, забытье,
А очнулся — больничная койка,
Больше года лежачье житье,
А потом беспробудно попойка.

Счастье больше не светит вдали —
Расплылось, затерялось в тумане,
Рядом ноги мои — костыли,
Да бутылка в потертом кармане.

Подруга бессердечная

Мне снится шахта — лавы, штреки,
Как гром, грохочущий обвал,
Жизнь перечеркнута навеки,
Я инвалидом горьким стал.

Не от добра — за корку хлеба
Сюда забросило судьбой
Под это каменное небо,
Под эту смерть над головой.

О, лава - лава, злая лава,
Подруга бессердечная...
Кому-то ты и честь и слава,
Кому-то память вечная...

Хочу унять души рыдания,
Хочу заткнуть тупую боль...
Исполнит все мои желанья
Коварный спутник — алкоголь.

г. Осинники.

Анатолий ГУЛЯЕВ

О героях Великой Отечественной войны написано много книг: литературно-художественных, научных, правдивых и псевдоправдивых. Однако этого мало. Пока мы живы, мы обязаны рассказать нашим потомкам о тех воинах Великой Отечественной, с которыми нам довелось жить и работать. Воспоминания о них - это лучшее, что мы можем сделать для памяти о них. Мы обязаны донести до потомков правду о горячих боевых буднях во имя жизни, во имя мира.

Воинские части и герои не умирают! Память о них сохраняется не только в архивах министерства обороны страны и сердцах людей, которым выпала честь служить в этих воинских частях, но и в душах этих людей! Мне хочется поведать о человеке под началом которого мне довелось служить первые десять лет в Феодосийском ЛИЦ, о Герое Советского Союза генерал-майоре ПРЕСНЯКОВЕ А.В.

Торпедоносец Балтики

Глава из будущей книги (в сокращении)

«Дальше Кушки не пошлют...»

В свое время, когда я учился на выпускном курсе Ачинского военного авиационно-технического училища в Красноярском крае.

Мы, будущие выпускники военного училища, «пугали» друг друга предстоящими выпускными распределениями. В шутку и в серьез говорили:

«В лучшем случае — «ЗабВО» (Забайкальский военный округ), - что означало на курсантском «жаргоне» - «ЗА-Будь Вернуться Обратно».

- Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут! — успокаивающе декламировали некоторые из нас широко известную, старую армейскую поговорку.

Приблизительно в марте 1972 года из одного авиационного объединения в училище пришёл первый запрос на определенное число будущих выпускников училища.

Отобраным к тому же требовалось провести дополнительное анкетирование и проверку по линии спецслужб...

Наш ротный командир, майор Новиков собрал у себя в канцелярии всех ротных сержантов (в числе которых был и я, командир курсантского отделения, младший сержант).

- Какое-то НИИ, «младшими научными сотрудниками» будете, - сказал Николай Феоктистович.

Ротный предложил курсантским сержантам и старшине внести свои фамилии в эту разрядку, поскольку неизвестно, какое распределение еще будет, и провести работу среди своих подчиненных с целью выявления желающих.

Почти никто из ротных сержантов (за исключением троих, одним из которых был и я) добровольно вписывать свои фамилии в «тёмный» список не желали. Поскольку многие курсанты-выпускники вынашивали конкретные желания: кто-то мечтал служить за границей, в одной из групп-войск; кто-то на севере; кто-то намеривался получить распределение в конкретное место...

У меня особых видов на будущее не было, поэтому готов был ехать служить, куда Родина пошлет. Оттого и согласился с первым же предложением.

Дан приказ — на запад...

«В распоряжение товарища Гайдаско...» - значилось в «предписании», полученном мной вместе с выпускными документами. Из них стало ясно, что путь мне, вновь «испечённому» лейтенанту, предстоит неблизкий: на самый юг европейской части страны, в Астраханскую область, почти в самое низовье великой русской реки Волга, на станцию Владимирова, в город Ахтубинск.

Нельзя сказать, что так далеко «отрываться» от своей малой родины и Сибири мне не приходилось. Тремя месяцами ранее ездил я из Ачинска на месячную предвыпускную войсковую стажировку в Молдавию, в район города Тирасполь, на станцию Лиманская. Но это было только один единственный раз в жизни и в сопровождении командиров. Теперь же ехать предстояло самостоятельно и сразу за «старшего», поскольку на предпоследнем курсе я женился, и теперь со мной ехала молодая жена.

В 1972 году - в центральной части России в середине лета стояла аномальная жара - в Подмосковье горели леса и торфяники, в Поволжье земля от жары и засухи трескалась, свирепствовала холера.

В сравнении с сибирским и уральским разнотравьем и обилием зелени, которые мелькали у нас перед глазами буквально два - три дня тому назад, пространство, проезжаемое теперь, смотрело на нас - сибиряков, удручающе - никаких признаков жизни! Лишь изредка на столбах одиноко сидели степные орлы и лениво смотрели на нас.

Во Владимирова мы приехали под вечер. Невыносимая дневная жара несколько спала. На станции военные патрули и специальные команды встречали нас, вновь прибывших молодых военных, и препровождали до гостиницы. Они же и расселили нас в одной из трёх - четырёхэтажных гостиниц: «Волга», «Дон» и «Урал».

Семейных селили в «Волгу», по две молодые семьи в один четырёхместный номер. Это вначале смутило нас, но позже сблизило...

В номер, куда поселили меня с женой, несколькими часами ранее была поселена семья молодого лейтенанта, выпускника Иркутского ВАТУ, белоруса Соколовского Анатолия с женой Галиной.

В гостинице «Волга» прожили мы около десяти дней. Встретились со своими

однокашниками - «ачинцами», которых, в общей сложности, оказалось не более двух десятков человек.

Процесс переназначения был длительным, каждый, ожидая вызова, был предоставлен самому себе. Отчего казалось, что нами никто здесь не занимается и мы никому не нужны. Подружившись с соседями, днём, когда бывало очень жарко, мы ходили купаться на реку Ахтуба. Вечерами, когда жара спадала, мы знакомились и присматривались к местным скудным достопримечательностям (понимая, что здесь придётся нам служить и жить), ходили в кино...

Несмотря на кажущееся отсутствие движения в нашем перераспределении, тем не менее, то одного, то другого из нас вызывали в управление кадров военной организации, в которую мы все прибыли, и перераспределяли то в одну, то в другую конкретную воинскую часть. От этого число «праздно болтающихся» с каждым днём становилось всё меньше.

Наконец-то очередь дошла и до меня. И как ни убого запечатлелось в глазах и сознании всё то, что довелось увидеть за прожитые здесь дни, сообщение о том, что меня перераспределили дальше: в Крым (Феодосию), в одно из подчинённых управлений воинской организации, в которую мы прибыли - сознанием воспринялось с какой-то досадой. Возможно оттого, что вновь предстояло куда-то ехать, а изнурительная дорога в душном вагоне достаточно уже поднадоела, тем более - моей жене.

Приказ, для любого военного человека, есть - приказ. И раз уж судьбой предназначено мне ехать дальше, в Крым; значит, нужно было ехать - в Крым! Получив новые проездные документы и новое «предписание», я

прибыл в гостиницу к ожидавшей там меня с волнением моей молодой офицерской жене.

Сосед, так же вызывавшийся в тот день в управление кадров, был уже в поезде. Оказалось, что и он получил назначение туда же, куда и я. Последнему были рады все, особенно наши жены, поскольку за совместно прожитые в гостинице дни успели сдружиться.

В Феодосию прибыли часов в семь утра местного времени. Проехав на поезде полстраны и «поболтавшись» по многим городам и весям (как нам думалось), для нас уже не составляло особого труда разыскать в небольшом старинном крымском городе конкретное место, куда нам и надлежало прибыть.

После короткого разговора с начальником отдела кадров управления, он кратко нас проинформировал об истории воинского объединения, в которое мы прибыли для дальнейшего прохождения воинской службы. Затем конкретно сообщил кто, куда и на какую конкретную

Герой Советского Союза Александр Пресняков.

должность будет назначен. Препроводил нас, вновь прибывших молодых лейтенантов, на собеседование к начальнику политотдела объединения — генерал-майору Шульге. А затем и на собеседование с начальником лётно-испытательного управления — Героем Советского Союза, генерал-майором морской авиации Пресняковым Александром Васильевичем. Последнее вызвало во всех нас чувство восторга. Каждому из нас видеть генералов воочию уже доводилось (издалека), поскольку почти у каждого начальником училища был генерал, но генерала — Героя Советского Союза — и так близко каждый из нас видел впервые.

На счету более трехсот вылетов

В автобиографической справке Преснякова Александра Васильевича (в википедии и на других интернет-сайтах, по книгам: «Герои огненных лет. Очерки о москвичах — Героях Советского Союза»: «Твои герои, Ленинград»; «Герои Советского Союза — краткий биографический словарь») сказано:

«Родился Александр Васильевич в 1917 году в селе Лопатино Скопинского района Рязанской области, в семье служащего, по национальности русский.

В 1932 году окончив семь классов неполной средней школы, поступил учиться в Москве в ФЗУ при ЦАГИ (Центральном аэродинамическом и гидродинамическом институте), на авиационного моториста. Параллельно с учёбой в ФЗУ учился и в планерной школе.

В 1935 году, окончив ФЗУ, по распределению был направлен на работу авиационным мотористом в Школу полярной авиации Главного управления Северного морского пути, в город Николаев.

В 1936 году в середине учебного года в виде исключения был зачислен на первый курс лётного отделения школы. В 1938 году на базе школы было сформировано военное авиационное лётное училище, и с курсантами Пресняков А.В. вместе с остальными курсантами лётчиками-полярниками (переводом) был зачислен на 3-й курс уже военного лётного училища.

Летом 1939 года лучшие курсанты выпускного курса училища, в числе которых был и Пресняков А.В., были досрочно выпущены из училища и в звании лейтенантов направлены в войска.

Молодой лётчик Пресняков А.В. получил направление на Балтийский флот, принимал участие в военном конфликте с Финляндией (в 1939-1940 гг.).

Начало Великой Отечественной войны Александр Васильевич встретил в Прибалтике, у границ с Восточной Пруссией, пилотом самолёта МБР - 2 (Морского ближнего разведчика) 41-ой отдельной авиационной эскадрильи ВВС Балтийского флота. И на второй день войны, 23 июня 1941 года, с бреющего полёта штурмовал колонну фашистов, наступавших на город Либава (ныне город Лиелая).

За первые две недели войны совершил 14 боевых вылетов на штурмовку и бомбардировку колонн врага и его военно-морских баз.

В июле 1941 года был принят в ряды ВКПб. В октябре 1941 года за совершённые боевые подвиги был представлен к награждению орденом Боевого Красного Знамени.

Но награду не получил, поскольку после выполнения одного из очередных своих боевых вылетов, неудачно посадив самолёт, совершил аварию: самолёт разбился, в аварии получил тяжёлую травму штурман экипажа.

За что от полётов был отстранён и отдан под суд военного трибунала, реше-

нием суда был приговорён к восьми годам лишения свободы (без поражения в правах), с временной заменой тюремного заключения — «отбыванием на фронте».

После суда продолжал службу в своей воинской части, в своей эскадрилье, в своей должности; из партии был исключён, награды лишён.

Первого января 1942 года в процессе разведки танковой колонны противника самолёт Преснякова был сбит зенитной артиллерией противника над территорией, занимаемой противником. Через три дня экипаж Преснякова, избежав пленения, самостоятельно вышел к своим.

К концу 1941 года в составе 41-й авиационной эскадрильи Пресняков А.В. совершил более 100 боевых вылетов. 24 января 1942 года лейтенант Пресняков А.В. был откомандирован на переподготовку и ос-

Герой Советского Союза, лётчик-торпедоносец Александр Пресняков.

вение нового самолёта ДБ - 3ф (Ил - 4).

В марте 1942 года Пресняков прибыл для прохождения дальнейшей службы в первый гвардейский минно-торпедный авиационный полк ВВС Балтийского флота.

Первый свой вылет в новом полку, на новом самолёте совершил 28 марта 1942 года — на постановку мин в порту финского города Хельсинки, в составе экипажа со штурманом Кошелевым. В последующем в этом же составе экипажа неоднократно бомбил военно-морские базы противника. Большой урон его бомбы нанесли портовым сооружениям финских городов Хельсинки и Котке.

В битву за море Пресняков Александр Васильевич включился в числе

первых лётчиков-торпедоносцев Балтийского флота. 16 июня 1942 года, в составе звена он принимал участие в потоплении сторожевого вражеского корабля. Днём позже в группе из двух самолётов Пресняков А.В. и его штурман Кошелев уничтожили фашистский морской транспорт водоизмещением до 5000 тонн, а затем торпедами потопили сторожевой корабль и канонерскую лодку противника.

За короткое время лейтенант Пресняков А.В. стал мастером воздушных торпедных атак. Командир авиаполка Борзов называл Преснякова «морским волком» и призывал всех лётчиков авиаполка равняться на него.

Летом 1942 года с Александра Васильевича была снята судимость, и присвоено очередное воинское звание «Старший лейтенант».

Весной 1943 года авиационный полк,

пять вражеских самолётов-бомбардировщиков на их аэродромах, и был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза.

Крушить врага

В ночь 17 января 1944 года во время боёв за снятие блокады города Ленинграда Пресняков со своим штурманом совершили пять боевых вылетов на бомбардировку вражеского укрепленного пункта в район Ропши. Прямым попаданием пятисоткилограммовых бомб был уничтожен командный пункт вражеской дивизии.

Весной 1944 года продолжились боевые вылеты на свободный поиск и крейсера: с седьмого апреля экипаж Преснякова потопил тральщик; 21 мая в устье Финского залива — транспорт водоизмещением 6000 тонн; 27 мая — потопил транспорт водоизмещением 5000 тонн, ставший 101-й победой на счету авиаполка.

22 июля 1944 года — Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками гвардии старшему лейтенанту Преснякову Александру Васильевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением Ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (такой же высокой государственной награды был удостоен и штурман экипажа Иванов).

Последнюю свою боевую победу в борьбе с врагом герой — торпедоносец Пресняков А.В. одержал в ночь на девятое октября 1944 года: После долгого поиска и галсирования акватории Балтийского моря обнаружил и потопил торпедной атакой вражеский транспорт водоизмещением шесть с половиной тысяч тонн...

В конце октября 1944 года как опытный лётчик капитан Пресняков А.В. был откомандирован в учебный полк, в котором проходили подготовку перед отправкой на фронт молодые лётчики, выпускники лётных училищ. Учебная эскадрилья, в которой продолжал свою службу Пресняков А.В., готовила пилотов для самолётов-торпедоносцев А - 20 (Boston). Несмотря на многие рапорты и просьбы, вернуться в свой боевой полк Преснякову А.В. не удалось, участия в боевых действиях он больше не принимал.

В 1954 году Пресняков А.В. окончил авиационный факультет Военно-Морской академии, после чего командовал полком морской авиации в ВВС Тихоокеанского флота.

В 1960 году Пресняков А.В. окончил военную академию Генерального штаба; с 1961 по 1968 гг. являлся заместителем командующего авиацией Тихоокеанского флота, а в 1968 году был назначен на должность командира Феодосийского лётно-испытательного центра.

С этого времени он активно участвовал в организации и проведении государственных лётных испытаний корабельных самолётов и вертолётов, авиационного вооружения и оборудования летательных аппаратов авиации ВМФ СССР, систем приземления и приведения спускаемых капсул космических аппаратов, авиационных средств спасения на море.

«Над водами Балтики»

В это время у Александра Васильевича зародилась идея увековечивания боевых заслуг лётчиков-торпедоносцев Балтийского флота во время Великой Отечественной войны, он начал работать над созданием книги мемуаров «Над во-

дами Балтики», увидевшей свет в 1979 году.

В 1980 году издательством «Московский рабочий» выпущена книга очерков «Герои огненных лет» - о москвичах, Героях Советского Союза. В которой о Герое Советского Союза Преснякове Александре Васильевиче сказано: «Морским волком» уважительно называли Александра Преснякова на Балтике. А было лётчику в том сорок первом лишь 22 года.

«Легенды имеют одно свойство — их не замечашь, когда они «творятся...», - сказал Михаил Светлов. И действительно, тогда подвиги Преснякова назывались просто боевыми вылетами, и он сам так к ним относился; а через десятилетия о них думаешь как о легендах: «11 июля 1942 года, искусно преодолев огневые и истребительные заслоны противника, самолёт Преснякова вышел на аэродром Сиверская, отсюда постоянно стартовали вражеские самолёты-бомбардировщики на Ленинград, и обрушил бомбы на стоянки вражеских боевых машин, уничтожив пять бомбардировщиков Ю-88.

В августе 1942 года перед лётчиками авиаполка, в котором служил Пресняков А.В., была поставлена задача по взаимодействию с нашими боевыми кораблями, помощи им с воздуха в районе острова Соммера в Финском заливе. На подходе к району действия самолёт Преснякова атаковали фашистские истребители. Стрелку Лукашеву удалось уничтожить один вражеский самолёт. Но огнём другого истребителя были ранены и Лукашев, и второй стрелок Бабушкин. Задняя полусфера оказалась открытой, чем противник не замедлил воспользоваться. Два бензобака прошли пулёмётные очереди, был повреждён один мотор. Обстоятельства складывались так, что выполнить задание оказалось невозможным. Но Пресняков всё же обрушил бомбы на ближайший корабль и повредил его. И только после этого, используя облачность, на одном моторе преодолел расстояние от острова до своего аэродрома. В тот же день, не отдохнув, он вылетел к острову на другом самолёте и потопил канонерскую лодку. Это была первая личная победа гвардейца на море.

21 августа 1944 года звено, возглавляемое Пресняковым, получило задание атаковать караван судов противника. На участке выхода к морю самолёты оказались под сильным артобстрелом противника. Пришлось уйти в облака, вестер оказался сильным, когда вышли из облаков штурман ахнул от удивления:

- На Мемель выскочили!

С точки зрения навигации ошибка малая, район именно тот, который нужен, немного бы только мористее. Но выскочить на малой высоте под жерла десятков вражеских зенитных батарей — хуже некуда.

И вот торпедоносцы летят над крышами просыпающегося вражеского города. Но в них не стреляют... Прошли город, прямо по курсу большое портовое хозяйство, склады, автомашины, плавучие краны у причальных стенок. А впереди прикрытая дымкой крупная вражеская подводная лодка в надводном положении, «лениво» идущая к своей базе.

- Атакую подводную лодку, - передал Пресняков в эфир своим ведомым. И тут по нему открыли огонь транспорт и сторожевой корабль.

Ведомый Филимонов, чтобы помочь ведущему, взмыл вверх, затем медленно снижаясь, начал поливать из своих пушек надстройку на палубе сторожевика. Противник перенёс свой огонь на него. Тем временем Пресняков вышел на боевой курс.

- Бросил! — выдохнув, сообщил штур-

ман Иванов и тут же приказал стрелку, - Склиренко, фотографируй!

Стремительно и круто введя самолёт в вираж, Пресняков начал разворачивать самолёт, чтобы увидеть только что атакованную подводную лодку.

- Взрыв! — хором прокричали Иванов и Склиренко. Пресняков и сам увидел чёрный дым и пламя, вырывающиеся из кормы вздыбленной вражеской субмарины.

Неожиданно из воды показалась вторая всплывающая вражеская подводная

А.В. ПРЕСНЯКОВ

НА КРЫЛЬЯХ ТОРПЕДОНОСЦА

лодка, вновь спешно начавшая погружаться под воду. И в этот момент за ней устремились две пятисоткилограммовые бомбы, брошенные по ней ведомым Алексеем Скрибиным.

В июле 1944 года Преснякову была поставлена задача: скрытно выйти в юго-западную часть Балтики, найти и уничтожить цель на дальних коммуникациях противника. И вот торпедоносец Преснякова, поднявшись в ночную темень, отправился на долгие часы в полёт над морскими просторами. Сжав штурвал, Александр Васильевич внимательно следил за показаниями приборов. Полёт в сплошной темноте и облачности, да ещё в дождь требует от лётчика не только мастерства, но и крепкой воли. Поскольку самолёт постоянно бросает то в одну, то в другую сторону, он то взмывает вверх, то срывается вниз — кажется, что летит не горизонтально и с креном. Руки от постоянных напряжений немеют. Но верить надо только приборам и чётко выдерживать их показания, хотя это и трудно.

- Через пятнадцать минут Осмуссар, - сообщил штурман Иванов, - уточним наше местонахождение.

Пресняков «пробил» облачность и с небольшим углом снижения в расчётной точке по команде штурмана начал делать разворот на юг. Вскоре облачность и дымка закончились. Небо стало чистым, видимость хорошей.

- Подходим к району поиска, - уверенно сообщил штурман.

Лётчикам было известно, что в последнее время немцы старались держать все свои морские суда недалеко от береговой черты, чтобы в любой момент можно было вызвать себе на подмогу «мессермитты» или «фокке-вульфы». Видимо, крепко им доставалось от балтийских лётчиков. Да и атаковать морские суда вблизи береговой черты труднее. К тому же необходимо помнить, что на малой глубине торпеды могут застрять в иле. Но здесь, экипаж знает — глубины достаточные. Галсируя с юга на север и с севера на юг, экипаж ведёт поиск. Шёл шестой час полёта, когда штурман сообщил:

- Слева на западе что-то тёмное...

- Посмотрим, - спокойно ответил Пресняков.

Набрав немного высоту, лётчик начал вглядываться в темноту и дымку.

Конечно, это вражеские суда, надо только уточнить их тип, количество, курс и скорость, найти уязвимое место в походном порядке и проверить, нет ли в воздухе истребительного прикрытия.

- Отхожу мористее, к судам подождём со стороны Швеции. Посмотрим, есть ли над ними истребители, определим данные для атаки. Если удастся, ударим с ходу, - сообщил экипажу Пресняков.

После чего торпедоносец развернулся и на бреющем полёте начал удаляться от конвоя. Влетев в облака и используя их как своё прикрытие, Пресняков, сманеврировав, пошёл на сближение с вражескими судами. Силуэты, которые с каждой минутой становились всё чётче, всё рельефнее.

Уточнили данные — три транспорта: один примерно 7 тысяч тонн водоизмещением; остальные два — поменьше. Охранение: пять больших морских охотников и три сторожевых катера. Истребителей пока видно не было.

Выйдя из облака, экипаж недалеко от себя увидел пару «мессеров», но видели ли их гитлеровцы, было неясно. Мгновенно пришел на ум дерзкий план: «Как только «мессеры» возьмут курс на конвой, мы - укрываемся облаками, последуем за ними, попробуем незаметно подойти к конвою как можно ближе», - сообщил своё решение Пресняков.

Всё получилось так, как и предполагали: «мессеры» развернулись и пошли на конвой, торпедоносец летел за ними.

- Будем торпедировать большой транспорт, - сообщил экипажу Пресняков.

Когда до конвоя оставалось километра четыре, Пресняков, увеличив режимы работы двигателей и снизившись, повёл свой самолёт на максимальной скорости, над самой водой.

- Корабль охранения закрывает транспорт, - предупредил штурман.

- Вижу, - сообщил Пресняков, - отвернувшись. Атаковать будем с носовых курсовых углов...

Сделав маневр, лётчик вывел торпедоносец на боевой курс: высота полёта 40-50 метров, фашистские комендоры молчали, «мессеры» продолжали сближаться с конвоєм.

- Прозевали они нас, - только и успел, подумав Пресняков, как по нему со всех судов открыли огонь. В правом крыле сразу же появились две пробоины, пулёмётные очереди застучали по фюзеляжу, пули пробили плексиглас кабины лётчика, и очертания вражеских судов сразу же помутнели. В иной обстановке Пресняков мог бы сманеврировать — отойти от огня.

Но на боевом курсе этого сделать нельзя.

- Командир, «мессеры» рванули к нам, - сообщил штурман.

- Вижу! Следи за ними.

Два снаряда почти одновременно разорвались перед кабиной лётчика, мимо его глаз промелькнули металлические листы сорванных обводных щитков-обтекателей левого двигателя.

- Глаза, - раздался голос штурмана, - кровь заливает глаза.

- Потерпи. Вхожу в атаку. Бросил! — сообщил Пресняков, когда до корабля оставалось не более четырёхсот метров.

Маневрируя, торпедоносец на максимальной скорости начал выходить из опасной зоны. Но стрелок сообщил, что «мессеры» заходят на них - один сверху слева, второй справа.

- Левого беру на себя, бей по правому, - сообщил Пресняков. И развернув свой торпедоносец, пошёл в лобовую атаку на вражеский истребитель. И почти одновре-

менно ударил по нему из всех своих пулёмётов. «Мессер» метнулся вверх и исчез из поля зрения. Пресняков направил свой самолёт в зону тумана. Туман явление опасное, но в сложившейся ситуации хотелось, чтобы он был как можно плотнее.

Вновь застучал пулёмёт стрелка, а через секунду-другую «мессер», как-то естественно покачивая крыльями, потянул вниз перед глазами лётчика. Вдогон Пресняков открыл по нему огонь из всех своих орудий, после этого «мессер» с крестами словно растворился в тумане. Вдруг что-то тёмное со скрежетом ударило по кабине лётчика. Потом снова удар, но слабее. На лётчика посыпались куски плексигласа и поток наружного воздуха, ворвавшегося в кабину лётчика. Пресняков, задыхаясь от потока воздуха и острой боли в глазах, резко потянул на себя штурвал, самолёт выскочил из тумана. Но лётчик не мог открыть глаза, кровь заливала лицо.

- Командир, входим в туман! Надо поднабрать высоту, - сообщил стрелок. — Ещё немного. Стой! А теперь — штурвал, чуть от себя. Вот так, хорошо!

- Склиренко, где истребители? — спросил Пресняков.

- Истребителей нет. Одного мы, навстречное, накрыли. Второй вернулся к конвою. Как у тебя с глазами?

- Как будто вижу, но режет! — ответил лётчик. После этого с удивлением осмотрел свою кабину: с правой её стороны защитный плексиглас был выбит, отсюда была на него струя «свежего» наружного воздуха, от которой он, как мог, уклонялся. По кабине были разбросаны небольшие свежие берёзовые ветки. Он посмотрел на правую плоскость самолёта, с удивлением увидел там поперёк лежащее приличное дерево, верхушка которого была по рулям. Как ни пытался Пресняков сбросить дерево с крыла, это ему не удалось, правда, и не помешало сообщить с воздуха пулёмётным огнём всем своим встречающимся на аэродроме, что ещё одно фашистское судно потоплено...

...В общей сложности за плечами гвардии-капитана Преснякова А. В. за годы Великой Отечественной войны осталось более трёхсот боевых вылетов. Не многие лётчики морской авиации - торпедоносцы имели столько же (около того или более) боевых вылетов на уничтожение врага. Не многие из названных столько же времени непрерывно провозвали на фронтах Великой Отечественной войны, сколько Пресняков А. В.

После выхода на пенсию - в 1982 году - генерал Пресняков А. В. возглавлял Феодосийский городской Совет ветеранов, труда и военной службы, был избран Почётным гражданином города Феодосия...

27 апреля 2010 года Пресняков Александр Васильевич скончался в возрасте 92-х лет в крымском городе Феодосия, где и похоронен.

За время своей воинской службы Пресняков А. В. был награждён: Орденом Ленина, четырьмя орденами (Боевого) Красного Знамени, орденами Отечественной войны - 1-й и 2-й степени; тремя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» - 3-й степени и тридцатью медалями, в том числе - медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

В 2011 году решением Феодосийского городского Совета депутатов трудящихся, в знак благодарности и увековечения памяти о Герое Советского Союза Преснякове Александре Васильевиче, на городской аллее Героев города Феодосия установлен мраморный бюст Героя Советского Союза и Великой Отечественной войны с надписью: «Пресняков Александр Васильевич, лётчик-торпедоносец».

г. Прокопьевск.

Евгений Малюк

Малюк Евгений Иванович. Родился в г. Новокузнецке. С 1974-1977 участник художественной самодеятельности в народном театре драмы при Д.К. КМК. Как актер принимал участие во многих спектаклях. Лауреат фестиваля «Кузнецкая весна» в 1974-1975 гг. в номинации «декламатор».

В начале 2014 г. стал размещать стихи на своей странице www.stihi.ru. В декабре 2014 г. опубликовал подборку своих стихов в коллективном сборнике стихов и прозы кузбасских актеров «Под красивый мотив».

Не верь, не бойся, не проси!

Откровения

Как много слов высокопарных душу теребят,
Суля признание, богатство и блаженство,
Мол, все грехи за творчество твое забудут и простят,
В глазах всех будешь ты сплошное совершенство,

Не допускай, чтоб от успехов закружилась голова,
Пусть только правда и любовь прольется по всея Руси
Ведь для меня, по жизни главные слова —
— Не верь, не бойся, не проси!

Слова — ничто, коль сути истиной ты в них не понимаешь,
Попробуй, хоть бы раз, больному поднести,
Всю правду благих намерений ты узнаешь,
Тогда с открытым сердцем скажешь — Господи прости!

Я от греха корысти, зависти на веки отрекаюсь
За все, что сделал плохо в жизни, строго не суди,
Поверь, что с чистой совестью об этом каюсь,
Но все же, совсем не сомневаюсь,
что нахожусь сейчас на правильном пути!

***

Все говорят, что наша жизнь игра,
Но кто в ней игроки, а кто распорядитель?
Что же, соглашусь, возможно, есть она,
Но уверяю Вас, что в ней я — победитель!

В игру какую втянула нас судьба, мы не следим,
Кто это все проверит неподкупным взглядом?
И все же — всем скажу, что я непобедим,
Когда родные и друзья со мною рядом.

А если веришь тем, кто на все сто,
И не в какие игры не играешь
Поверь —

ты никогда не проиграешь,
ни за что,
Лишь потому, что чувствуешь — любим.

Все же как же это хорошо,
что ты о всем об этом знаешь!

***

Порою больно ранят несправедливые слова,
Как острый нож, вонзаясь в твое тело
И радостная песня птиц тобою неслышна,
Как будто все вокруг окаменело.

Хранитель ангел, как поступить тогда мне подскажи?
Чтоб не податься искушению разврата
Дорогу правильную в жизни укажи
И не пошел б войною брат на брата

Всем сердцем, верь, внимлю я твоему совету
Открою настежь душу для любви и для людей
А теплота и радость разольется пусть по всему свету
С лица улыбка счастья не сходила б до скончания дней!

В альманахах

Кто всем сказал, что наша жизнь прекрасна?
Кому-то да, кому-то безусловно нет
Бывает, что она не безопасна
Как уберечься от беды, кто даст ответ?

Ты не суди других и милосердивым будь
Зло не держи в груди, помилосердствуй
Тогда поймешь в чем жизненная суть
Живи на радость всем,

будь счастливым
и не бедствуй

Открой врата души своей для близких и друзей
И добрым словом помяни всех тех кто нас оставил
А за удачу — чашу до краев крепленого вина налей,
Увидишь ты тогда того,
кто на путь истинный тебя направил!

Эгоистам 2 слова

Да что же за неприятности свои на всех кидаешь?
И обвиняешь всех, но только не себя
А кто ты сам, по жизни, хоть это знаешь?
Всех тем, кто рядом и вокруг тебя?

Жизненный наш путь приходит к заверенью
И изменить все это, к сожалению, нельзя,
Поэтому открой свою ты душу всю,
для всех,
для откровенья

И для потомков наших,
тогда поймешь,
что жизнь свою мы прожили не зря!

***

Сколько в жизни благого совершил?
И почему ты падаешь так низко?
Как много в этой жизни согрелил?
Ведь чувствуешь, что есть ответ, он очень близко

Поглубже в душу загляни свою
Кого любил по жизни, а кого обидел
Ты не солдат, который был в строю
Того, кто искренне тебя любил ни разу так и не увидел

И проживаешь жизнь любя только себя
Кому ты в жизни дал добра, хоть чуть?
Уверовался в том, что любят лишь тебя,
Но ты не прав, несколько — в этом суть.

***

Имея зло внутри, не сотворишь добро.
В чем здесь секрет, где суть и где разгадка?
Выбрось всю стужу с души, оставь лишь тепло.
Отдай свою кровь — тому кого любишь, всю без остатка.
Быть может тогда ты поймешь,
Что тьма не вечна и жизнь все же прекрасна!
Любовь своих близких ты непременно найдешь
Ведь ангел — судьба управляет тобой, отнюдь, не напрасно!

***

Белые как молоко парное в небе облака
Не спеша плывут задумчиво в далекие края
Лепестки ромашек ветерок теребит слегка
И трава такая мягкая, как колыбель твоя
Ароматом полевых цветов досыта напьюсь
Зорьку — ясну девицу крепко обниму
Как прекрасна и Вольна ты родная Русь
Открой секреты мне свои я тебя пойму
Ты дорог мне мой край родной
Твои ручьи с холодною прозрачною водою
Душой и телом, поверь, всегда с тобой
И в пояс кланюсь тебе я с непокрытой головою!

***

Ну почему так учащено сердце бьется
И кто меня манит к себе лишая сна
На мой призыв к любви она, быть может, ответится
Как хочется увидеть вновь ее глаза
Так чтож так сильно будоражит кровь
Хотя смогу на это дать правильный ответ
Ко мне пришла нежданно первая любовь
В мои неполные пятнадцать лет

***

Как ты прекрасна березка русская, родная
Свой дивный стан, зеленым покрывалом прикрывая
Ты символ красоты и доброты родного края
Тебя теплом я часто вспоминаю, засыпая
И никогда обид не будет между нами
Любовь к тебе не ограничивает сроком
Всегда напоишь меня сладкими слезами
Своим березовым неповторимым соком
В какие крайности судьба бы не бросала
Поверь, что не расстанусь никогда с тобою
Любви к тебе всегда мне будет мало
Как хочется к ветвям твоим прижаться головою.

***

Как мне приятно держать в руках их теплые ладошки
Смотреть, как искорки горят в их глазах-васильках
Не слышишь в этот миг ты звонкий наигрыш гармошки
Не замечаешь стаи птиц в бесельных облаках
Своих я внучек, как березки, обнимаю
И слышу, как учащено бьются их сердца
Они ко мне не равнодушны — я это чувствую и знаю
Любовь к ним в моем сердце будет до конца!

г. Новокузнецк.

Людмила ЛУКЪЯНЦЕВА

Людмила Андреевна - ветеран труда РФ, дочь фронтовика. Окончила ИГПИ - факультет русского языка и литературы.

Почётный работник общего образования РФ. Награждена медалями: «За долголетний добросовестный труд», «За достойное воспитание детей», «За веру и добро».

Людмила Андреевна выпустила десять авторских сборников. Приняла участие в восьми коллективных поэтических сборниках. В течение двенадцати лет являлась председателем литературной студии «Гармония слова». Ее стихи и проза печатались в городских газетах, в региональных и международных журналах. На стихи автора написаны песни, опубликованные в музыкальном альманахе «Новые песни на стихи поэтов Сибири» известного композитора Михаила Маслова.

Педагогическая и творческая деятельность Людмилы Лукьянцевой в полном объеме представлена в музее просвещения и городском музее ветеранов войны и труда Новокузнецка.

Бульвар Героев

Салют Победы

Мы помним боль войны, потери, беды,
Год страшный — сорок первый, грозовой.
Мы помним сорок пятый — День Победы,
Ночной Салют над майскою Москвой.

Припев:
Салют Победы помнит вся Россия,
Он в светлый праздник прогремит опять.
Нам не нужна война — кровавая стихия,
Салютом мирным будем май встречать.

Войны с фашизмом помним лихоletье,
Четыре года, их не позабыть.
Они остались в памяти столетья,
Мы с этой болью будем вечно жить.

Как жаль, что многих воинов не стало,
С земли уходят в свой последний путь.
Как жаль, что победителей так мало,
Их имена, их подвиг не забудь.

А мы споем им гордо гимн Победы,
Погибших стая вспомним имена.
И пусть его подхватят дети, деды,
Героев чтит и помнит вся страна.

Бульвар Героев

Тополя, как солдаты, всем строем
Поклонились священному месту.
Я иду по Бульвару Героев,
Со мной рядом жених и невеста.

Внучка в белом, жених при параде,
И в руках — два букета цветов.
Их звезды на мраморной глади
Засветились, как алая кровь.

Здесь в молчанье застыла невеста,
И жених строго свел свои брови.
Нет в районе священное места,
Ждут с цветами нас в гости герои.

Площадь Победы

Шагая по площади главной,
Мы вспомним путь пройденных лет.
Гордимся историей славной —
Историей наших побед.

Пусть память священною станет,
Все подвиги помнит народ.
И каждый герой вместе с нами
На площадь Победы придет.

Здесь внуки услышат салюты,
Увидят слезу на глазах.
Пусть войн — грозные маршруты,
Останутся только в стихах.

Шагая по площади главной,
Приветствуем солнечный свет.
Гордимся историей славной —
Историей наших побед.

Боль войны

Не хочу, помнить, как это было,
Не хочу вспоминать о войне.
Я забыла, нарочно забыла,
Чтоб пожары не снились во сне.

Не хочу слышать крики и стоны,
Видеть море страданий и слез.
Хочу слушать церковные звоны,
Отголоски проснувшихся гроз,

Любоваться зарей на рассвете,
Помолчать у лесного ручья.
Я хочу, чтоб со мной мои дети,
Дожидались весной соловья.

Не хочу, помнить, как это было,
Обо всем я забыла уже.
Я забыла, нарочно забыла,
Радость пусть оживает в душе.

Только нет в моем сердце покоя,
Снятся взрывы как прежде во сне.
Поминаю погибших я стая,
Память мне не стереть о войне.

Обелиск

Принесу к обелиску цветы,
Посажу весенние деревья.
Обелиски — символы беды,
Так гласит народное поверье.

Закрываю память на замок,
Чтобы боль не изводила душу.
Чтоб ты в ней, как полевой цветок,
Мог расти на раскаленной суше.

Сердце закрываю на замок,
Чтоб его не заморозит болью.
Закрываю на короткий срок,
На рассвете сердце я открою

И отправлюсь к обелиску снова,
Несмотря на снег или дожди.
Я к тебе всю жизнь ходить готова,
Только ты, сыночек, меня жди!..

Герои — земляки

Посвящается
героям-новокузнецчанам

Война, не разбирая, всех косила,
Не различала, кто чужой, кто свой.
Герасименко, Черемнов, Красилов
Отдали жизнь в бою за город мой.

Не задавали для себя вопроса,
Как в трудный миг от пули отвернуть.
В сражении, как Александр Матросов,
Подставили под амбразуру грудь.

Мы помним подвиг каждого солдата,
Война не обошла их стороной.
Желаем мира! Нет к войне возврата!
Живых и павших бережем покой!..

Печальная весть

Весть печальная пришла во вторник,
В сорок третьем, горестном году.
Почтальонка белый треугольник
Принесла и вместе с ним беду.

Мамино лицо, белее снега,
На всю жизнь запомнил в этот миг.
Закружилось перед нами небо,
Боль утраты вместе с ней постиг.

Нет тебя, остались только письма —
Сводки трудных боевых побед.
Треугольники желтеют, словно листья,
Оставляя в сердце горький след.

Много лет я в светлый день Победы
Достаю солдатский треугольник
И читаю правнучкам про деда,
Про войну, про злополучный вторник.

Канули войны свинцовые сроки,
Только мне их век не позабыть.
Я, отец, читаю твои строки,
Чтобы память о тебе хранить.

Вдова

До зари спят отец, мать, дочурка,
Крепко спят, до вторых петухов.
Только бабушка Марья спит чутко,
Ей давно уж совсем не до снов.

Ночи разные — спится, не спится...
Вспоминает она о былом.
Жизнь, как белая быстрая птица,
Промелькнула за синим окном.

Было все в ней: и горько, и сладко,
Муж Григорий и первенец сын.
Дом тесовый с бревенчатой кладкой,
И плетенный из ивы был тын.

Разом сгнуло счастье, сгорело.
Ох! Проклятая эта война!
В одночасье она овдовела,
С малым сыном осталась одна.

Муж погиб в сорок первом, жестоком,
Похоронка доселе лежит.
Где он, где, ее ласковый сокол?
Думы, слезы, так сердце болит!

Вырос сын. Дом отстроил тесовый,
В нем иконы, лампадка висит.
Им поставлен и тын, прочный, новый,
Жаль, но муж на крыльце не сидит.

Сын женился. Стал в доме опорой.
Спит вон внучка, что краше зари,
Но предчувствует Марья, что скоро,
Прилетят и за ней сизари.

Безвозвратно уйдет ее горе —
Будет счастлива там, в небесах.
К ней вернется любимый Григорий
Наяву, а не в призрачных снах.

Поле памяти

Я по полю, пшеничному, спелому
Прохожу, вспоминая друзей.
Эх, война!
Сколько бед ты наделала:
Отняла дорогих сыновей.

С выпускного юнца безусыми
Шли на фронт, чтоб страну защищать.
Пули-осы, сражая укусами,
Оставляли их в поле лежать.

Не дождались любимые, матери,
И невесты остались одни.
Только веры своей не утратили,
Ждали ночью и в светлые дни.

Разгромили врага ненавистного,
Стала снова свободной страна.
Пополнялась земля обелисками,
В них вписали сынов имена.

Эх, война!
Сколько бед ты наделала!..
Забрала навсегда сыновей.
Я на поле пшеничное, спелое
Прихожу, поминаю друзей.

Доля солдатки

Посвящается моей маме
Елене Семеновне

Заскрипели в доме половицы...
Пять утра, и мать скорей встает,
Долгими ночами ей не спится,
Целый год война уже идет.

Муж на фронт ушел одним из первых
И в пехоте бьет в боях врага.
Ждет она солдата честно, верно,
Весточка ей с фронта дорога.

Ждут отца и с нетерпением дети,
Шесть ребят ей надо прокормить.
Ждет ночами, когда солнце светит,
Просит Бога мужа сохранить.

Топором в ограде дров накалет
Печь топить, их в избу занесет.
Ждать и ждать — такая ее доля,
Верить, муж с Победою придет.

Поклон на рассвете

Проверяем себя по их судьбам,
По великим героическим делам,
И по ним мы творим свои будни,
Чтобы мирно Отчизна жила.

Героини, герои Победы
Счастье всем отстояли в боях,
А в тылу нас спасали их деды,
Презирая и голод, и страх.

Не забудем мы подвигов ваших,
На поклон к вам придем на рассвете.
Вспомним Зою, Матросова Сашу,
И поклонятся им наши дети.

Журавлиные души

Пути войны тяжелые и длинные,
Солдат прошел их, где он только ни был,
Душа солдата стала журавлиною,
Взлететь стремилась с журавлями в небо.

Она от горя кровью обливалась,
Когда враги шагали по Отчизне,
Недаром ведь солдатской называлась,
От недругов солдат страну очистил.

И жизнь отдал за счастье нашей Родины,
Короткою была она иль длиною.
Победу одержал в сраженьях пройденных,
Душа его осталась журавлиною.

Воспоминанья земля богата...
Услышав в небе журавлиный клик,
Мы представляем смелого солдата,
Его бессмертный, дорогой нам лик.

Разлучница война

Она была спасительной надеждой —
Искринка мысли: вдруг да повезет...
Наденет лес зеленые одежды,
Разлука с милым в прошлое уйдет.

Такой желанной ей казалась встреча,
Боль таяла от радости в груди.
Ждала, ждала всем сердцем этот вечер,
Надеялась, что счастье впереди.

Она осталась крошечной надеждой
Искринка мысли: счастье в мире есть.
Лес нарядился в веиние одежды,
Синица принесла благую весть.

Душа ее лучом затрепетала,
Вся засветилась, как в ночи луна.
Надеялась, ждала, она еще не знала,
Что отняла его разлучница-война.

На страже ветераны

Волосы, как лунь, и мудрый взгляд,
Грудь горит от боевых наград.
Хоть болят еще бывшие раны,
На парад приходят ветераны.

Помнит мать-земля, как это было,
Подвиг помнит тружеников тыла.
Вспоминает веки героизма,
Боль в глазах у узников фашизма.

Не расскажешь о блокаде вкратце,
Сколько претерпели ленинградцы!...
Умирали дети, женщины и деды,
Не дождавшись праздника Победы.

Да! Война — беда, кровавая стихия!
Знаем, как спасала мир Россия!
Если мира не захочется кому-то,
Вспомнят пусть про майские Салюты.

По родной земле шагают строем
Ветераны — вечные герои.
Знают пусть же и другие страны,
Что всегда на страже ветераны.

Русский дух

Крепнет дух! Мы силу обретаем
Перед самой грозною бедой.
Русские! Мы силу духа знаем,
С ней не раз ходили смело в бой.

Не боимся, пока грам не грянет,
Лишь тогда на лоб наложим крест.
Русский дух! Горит в душе, как пламя,
Нам ниспослан со святых Небес.

Нипочем все горести и беды,
Коль в душе великий, стойкий дух,
Его силу передали деды,
В битвах закалялся, не потух.

Крепнет дух! Мы силу обретаем
Перед самой грозною бедой.
Победит врагов, мы точно знаем,
Русский воин с вольною душой.

Сыновья, пропавшие без вести

Посвящается
Дмитрию и Маланье Дегтяревым

Ровно в шесть часов утра бабушка Маланья занимала, как часовой, свой пост за оградой дома. Становилась на дороге лицом к остановке фабричного автобуса и, подставив ладонь ребром к глазам, пристально смотрела вдаль. Сиротливая фигурка пожилой женщины застыла, как свечка. В ее взгляде таилось столько надежды и скорби, что без слез сострадания смотреть было невозможно. Дедушка Дмитрий Михайлович Дегтярев жалел любимую жену. Подождав час, выходил из калитки и тихо говорил:

— Будя, Маланьюшка, будя! Постояла, поговорила с Ванюшей и Николашей и вертайся в избу. Она на небе какая тучка выросла, того и гляди гроза разродится. Вымокнешь и, не дай-то Бог, заболешь, кто тогда сынков встречать будет? Приедут, а тебя нет, пройдут мимо. Они не знают, что мы вдовой избе проживаем, ведь на войну уходили из Ельцовки, а тепереча живем в Сталинске. Я прописал им на фронт, что мы три года назад переехали на новое место. Вот приедут, увидят тебя на дороге и придут домой.

Бабушка реагировала только на последние слова, отрывала глаза от дороги и, переменяя их на мужа, спокойно говорила:

— Хорошо, Митя, ступай в избу, сейчас приду. Посижу еще тут, на лавочке, отдохну маненько, что-то душа сильно пристала.

Муж уходил, старушка усаживалась на лавочку, прятала мозолистые руки под ситцевый фартук и плакала. Посидев горькую минутку, вытирала краешком белого головного платка слезы, скатившиеся бусинками на коричневую кофточку. Потом поднималась и шла работать по дому: готовить завтрак мужу, зятю, дочери и трем внукам.

Когда была совсем маленькой, я не реагировала на странное поведение бабушки Маланьи, сестры моей мамы Елены. Став взрослее, как-то раз спросила у деда Дмитрия:

— Дедушка, почему бабуля каждый день стоит на дороге и смотрит в сторону остановки? Она что, кого-то ждет?

Дед немного помолчал, достав кисет, вытащил шепотку табака, понюхал и стал чихать. Прочихавшись, проговорил:

— Знаешь, внучка, история, которая произошла со мной и бабушкой Маланьей, шибко трагическая. Вот думаю, как твоему детскому уму все поведать, чтобы ты поняла главную суть.

— А ты, дела, попробуй рассказать.

Дедушка Митя устроился на лавочке, а меня, посадив, напротив, на березовый чурбачок, обвязанный рукавом старой фуфайки для мягкости. Подкрутив ус, начал рассказ:

— Случилось это беда в 1943 году, двенадцать лет назад. В 1941 году на нашу страну напал немец, триклятый фашист. В то время мы с тремя детьми — сыновьями Иваном, Николаем и дочкой Анюткой — жили в Ельцовке Алтайского края. Я был уже старым, меня на войну не взяли.

Родину пошел защищать сыны. Отправились на войну вдвоем, Ивану было двадцать два, а Николаю — двадцать. Им удалось попасть вместе в танковую часть и служить даже в одном танке: Иван был водителем, а Николай стрелком. Мы с матерью очень переживали за них, с нетерпением ждали писем-треугольников с войны. Еще в Ельцовке Маланья выходила каждое утро на улицу и поджидала почтальоншу Марью Семынину. Хоть письма приходили нечасто, но из них всегда узнавали, что ребята живы. В феврале 1943 года Иван приехал письмо, в котором писал:

«Дорогие отец, мама и сестричка! Сообщаю вам, что брата Николая ранили в правое плечо, сам написать пока не может, рука висит на привязи. Ранение получил во время Сталинградской битвы, находится в госпитале. Вы не переживайте, врачи подлечат, и бра-

тинка снова вернется в часть.

У меня все в порядке, наша армия день и ночь бьет фашистов. Гоним их с родной земли, как волков, в их логово, там и добьем зловонных варваров. Скоро плечо у брата заживет, и он напишет нам про военные успехи. Не бойтесь, растите сестричку Анютку. У нее скоро день рождения, как быстро летит время, ей исполнится уже одиннадцать лет. От нас сестричке отдельный привет, поздравления и поцелуи в румяные щеки. Очень по вам соскучились, ничего, прогоним врага и вернемся домой.

Да, родители, порадуйтесь за нас: меня и брата наградили медалями «За отвагу». Отец, крепко жму твою руку, а маму целую. Напишите, как течет ваша жизнь, как здоровье? С нетерпением жду ответа. Ваш сын Иван».

Когда приходило письмо с фронта, Маланьюшка расцветала, как маков цвет. Дочку она любила, но постоянно думала об Иване и Николае. Было время, когда мать ревновала старшего Ванюшку к его невесте Наталье. Говорила мне: «Вот растила, растила кровиночку, а теперь уйдет к чужой девушке, забудет про родную мать».

Я посмотрел на нее хитро и спросил:

— Это зачем же ты, чужая девушка, Маланья, увела меня у моей матери? Она тоже растила сына до двадцати пяти лет? Не отвечай, сам за тебя отвечу. Ты хотела, так же, как она, стать матерью и родить детей. В этом и есть предназначение каждой женщины и, конечно, мужчины. Откуда возьмется внуки, если ты привяжешь сыновей к своему бабьему подолу? Я бы на твоём месте порадовался за судьбу Вани и Натальи. И, вообще, взяла бы будущую невестку под крыло, тогда бы Маланьюшка полюбила тебя, как родную мать.

Наша бабушка, умная и добрая женщина, поняла все правильно. Пригласила Наталью к нам, обласкала ее, и с тех пор женщины стали дружить. За месяц до начала войны молодые решили пожениться. Но свадьба не состоялась, началась разлучница-война. Я, внучка, точно знаю, что Маланья любила Ваню и верно ждала. Писала сыну письма на фронт и нам прописывала про свое житье-бытье. У младшего Николки настоящей невесты не было. Он поддруживал с одноклассницей Любкой. Но, как мне показалось, особой любви между ними еще не зародилось. И только во время его отъезда Любушка выказала девичьи чувства к Николаю. Провожая, положила сыну голову на грудь и горько заплакала. Когда поезд поехал, побежала следом за ним и закричала:

— Коля, береги себя! Я люблю тебя, буду верно, ждаль, возвращайся скорее домой.

В годы войны Наталья Березина осталась жить в Ельцовке, а Любушка Семенова переехала с семьей в Свердловск. В сорок первом прислала письмо, но потом мы переехали с Алтая к моей сестре Ксении в Сталинск. В тяжелые военные годы родственники помогали нам, а мы им.

Война шла уже долгие три года, по утрам я включал радио и слушал сводки с фронтов. Однажды диктор Левитан сообщил о Курском танковом сражении. Говорил, что битва была кровопролитной и закончилась большими потерями. Машинально подумал: «Раз это большая танковая битва, то сыновья могли в ней принимать участие, оба танкисты. Вдруг с ними что-нибудь случилось?» Мне стало нехорошо от предчувствия.

Чтобы не напугать Маланью, отключил радио и сел подшивать валенки дочери Анютке. Но она заметила, как я поспешно отошел от приемника, и тихо спросила:

— Митя, почему замолчало радио? Включи, может, в военных сводках что-нибудь про танковые войска сообщат. У меня что-то тревожно на душе, нехорошие сны про сыновей снятся. Вот сегодня приснилось, что они стоят передо мной красивые, здоровые. Улыбаются ласково, а потом, печально помахав ру-

кой, растаяли в черном огненном облаке. Я в страхе проснулась и до самого утра глаз не сомкнула. Уже много времени нет от них весточки, неужели с ними случилась беда?

Я нарочно строгим голосом стал ее успокаивать:

— Ну, что ты, жена, удумала, все у ребят хорошо. Скоро письма придут, ведь такое уже было, когда дети подолгу молчали. Пойди лучше приляжь, отдохни, всего не переделаешь.

Дедушка замолчал... Достав кисет, сделал самокрутку и закурил, руки его мелко дрожали. Помолчав, вынул из кармана рубашки носовой платок, вытер глаза, покрасневшие от слез. Собралшись с духом, продолжил:

— Письмо вскоре пришло, но не от сыновей. Было это в конце августа 1943 года. Почтальонша Зинаида Никулина побоялась его принести к нам. Она пришла в школу и сказала дочке Анютке, чтобы я зашел на почту за заказным письмом. Раньше Зина сама приносила письма, ее необычная просьба встревожила меня. Страшные мысли полезли в голову. Нужно было что-то срочно придумать для жены, куда я и зачем пошел, чтобы не напугать ее. Тогда попросил дочку:

— Анюта! Не говори маме о письме, вдруг в нем плохие вестки. У нее слабое сердце, лучше пойду сам узнаю, что за письмо. Подожди ко мне в присутствии мамы и скажи, что меня зачем-то зовут к себе дядя Андрей.

Дочка так и поступила, я спокойно отправился на почту. Когда спокойствие навсегда закончилось, тогда переступил злополучный порог. Страшное это было письмо... В нем сообщалось, что мои сыновья Иван и Николай Дегтяревы пропали без вести во время Курской битвы. Награды будут высланы в военкомат по месту жительства.

От горестной вестки небо передо мной закружилось, земля ушла из-под ног. В одно мгновение наша семья потеряла сразу двух сыновей. Соседи сообщили жене и дочке, что я лежу в беспомыслии на почте. Они прибежали, чтобы забрать меня домой. Маланья сама взяла из моих рук похоронку, прочитала и сном повалилась на пол.

Мне кто-то поднес нашатырь, и я пришел в себя. Маланьюшке нашатырь не помог, так и увезли в больницу без сознания. После того у нее помутился разум. Она не понимает, что сыновей нет в живых. Встречает их каждое утро с войны, хотя со дня Победы прошло уже десять лет.

Мне очень жалко жену, и я подыгрываю ей, чтобы она подольше пожила на земле. Да, трехлетняя война, забрав детей, осиротила наш дом. Не удалось нам с матерью понять их дестушек, не продолжили внуки род Дегтяревых. Одно утешает меня, что сбылась мечта сыновей: раздали, разгромили фашистских гадов в их логове.

Мы с матерью живем поменьше и ждем наших ребят. Ведь в похоронке не было написано, что Иван и Николай погибли. В ней сообщалось, что они пропали без вести. Сколько бы ни прошло времени, в наших душах будет всегда теплиться искорка надежды: может, они все-таки живы?

Рассказ дедушки растрогал меня до слез, обняв его, сказала:

— Деда Митя! Я буду тоже вместе с тобой и бабушкой буду ждать Ваню и Колю с войны. Когда сильно любишь, веришь, ждешь, то чудо случается.

Дедушка, прижав меня к груди, тихо сказал:

— Спасибо тебе, Людмила, за то, что ты выслушала мою исповедь. Теперь будто тяжелый груз свалился с плеч, даже немного полегало. Ладно, внучка, уже вечерест. Пошли-ка пить чай с малиновым вареньем к бабушке, оно у нас самое вкусное на свете.

Он взял меня за руку, и мы отправились пить чай. Продолжать жить в новом, спокойном от взрывов мире...

Укус Горыныча

Этот случай рассказали мне Иван Лукич и Марфа Ивановна Болошенко. Он ветеран войны, партизан. Она простая русская женщина, испытанная все тяготы оккупации во время войны. Жили они в Белоруссии в Витебской области, в собственном добротном доме. Марфа Ивановна приходилась моему мужу родной тетей по отцу. Родственники всегда радовались гостям, потому что детей у них не было, а одним, как видно, было одиноко. Тетя Марфа, усадив нас за стол, с горечью в голосе проговорила:

- Не знаю, в чем провинились перед Господом... Почему он не дал нам детушек?

Потом со слезами на глазах добавила:

- Думаю, что злыдня-война во всем виновата. Когда нашу область оккупировали немцы, мне было девятнадцать лет, я ведь старше мужа на четыре года. Фашисты стали молодежь угонять на работу в Германию. Я тоже попала в их список, но пыталась с подругами бежать. Нас поймали и на площади у всех на виду выпоролли розгами. Пережила я тогда жуткий срам, такое нервное потрясение, что еле живой осталась. Но немцы все-таки остались с носом!.. За день до отправки в Германию нас: парней и девчат, а среди них был и мой Ванюша, освободили партизаны и забрали с собой в отряд. Там мы и полюбили друг друга, несмотря на разницу в возрасте. После окончания войны поженились, жили, душа в душу, а ребятки не нарождали. Доктора говорили, что и зимой в партизанском лесу сильно застудилась, поэтому не смогла подарить Ванюше деток. Всею жизнь об этом горько сожалею, а теперь старыми стали, ничего уже не поделаешь.

- Какая там разница в возрасте? Какая старость, Марфуша? — бодро воскликнул муж, — ты у меня и сейчас моложе всех молодых!

Было видно, что дядя Ваня любит жену настоящей большой любовью, по нынешним временам очень редкую.

- Ладно, хватит о грустном жгтье-бытье вспоминать, — продолжил Иван Лукич. — Давайте, дорогие гости, выпьем вишневой наливочки, стряхнем с ваших плеч дорожную усталость, да о чем-нибудь веселом вспомним, ведь на войне и смешные истории были.

Действительно, после хорошего застолья, жизнь показалась намного веселее. Посидев в доме, вышли в сад, расселись вокруг стола на лавочках, обитых толстым войлоком, а сверху войлока, коричневым дерматином. Мне очень нравились эти добрые пожилые люди, пережившие тяжелую войну. Хотелось послушать их рассказы о лихих годах, о пребывании в партизанском отряде и я, улынувшись, попросила:

- Иван Лукич! Вы грозились рассказать нам что-нибудь веселое из партизанских буден, с нетерпением ждем вашего рассказа.

- Ну, это его хлебом не корми, только дай тему, потом часами не остановишь, — произнесла с доброй усмешкой Марфа Ивановна. — Ваня, а ты им мою любимую историю расскажи — про укусы Горыныча.

- Вот пристала со своим Горынычем, — хлопнув себя по коленям, воскликнул мужчина. — Ладно, что для самой дорогой женщины в мире не сделаешь, в сотый раз попросит, снова расскажу.

Облокотившись на круглый стол, Иван Лукич на минуту задумался, а потом, встряхнув головой, будто отбросив прожитые годы, вернулся в юность.

- Перед самой войной мой отец Лука

Иванович поехал в город Харбин к старшему брату. Там кроме русских, проживало много людей разных национальностей, в том числе и китайцев. Недалеко от рынка жил пожилой китаец по имени Ли, большой мастер по изготовлению чучел животных. Так сделал, что не отличишь: мертвый перед тобой зверь, птица или пресмыкающееся, или живой? Мой отец тогда купил у него сразу три чучела: лисы, совы и змеи. Приехал домой довольный, достав покупки, сказал нам с матерью:

- Вот, Алена, подарки вам с сыном привез, а вернее всего, нашему яблочному саду. Поставим лису Патрикеевну посредине сада, сову Марусяку во дворе, а старую высокую яблоню. Змея я назвал Горынычем. Его положим в траву, недалеко от дома, где яблоневый молодой посажен.

Мама, ничего не понимая, смотрела на отца широко раскрытыми глазами. Беззвучно, как рыба, открывала рот, но от удивления так и не смогла ничего произнести. Тогда я по праву взрослого мужчины, а мне уже исполнилось семнадцать лет, строго спросил отца:

- Отец! Ответь, на кой лад нам слася твой зверинец в саду?

- А ты, сынок, сам подумай, на кой? Голова у тебя, поди, не дырявая. Ладно, чуточку подсказу, слушай! Наполняй попрос: чем питаются при жизни эти животные?

Я на секунду задумался, потом, хлопнув себя ладошкой по лбу, ответил:

- Все они ловят мышей, а мыши главные враги фруктовых садов. Ой, отец, какой же ты молодец! Наш старый кот Черныш давно уже с ними не справляется. Скажи, а зачем к их головам, ногам, а у совы даже к крыльям, привязаны лески, да еще такие длиннющие?

- Ты, Ваня, сам проведи эксперимент: отнеси лису метров на пять от себя, раскрути лески, намотай их на руки, а потом вернись на место.

Я выполнил просьбу отца и возвратился назад.

- Нет, сын! Дай-ка пока лески сюда, смотри и учишь, как надо с ними работать.

Он наматывал одну леску сначала на левую руку, а другую на правую и стал их по очереди каждую, медленно подергивать. Выполнять такие движения, какие вытворяют над леской рыбаки, когда делают подсечку пойманной на крючок рыбы. И тут произошло чудо: лиса ожила, задергалась, замотала головой и начала двигаться

прямо, как живая. Оказывается, китаец делал не только чучела, но и обучал людей имитации их оживления. Вскоре я научился у отца разным трюкам: сова, ноги, которой были привязаны к ветке, приподнималась и громко хлопала крыльями. Я, усердно подражая ее крику, пугал не только мышей, но и соседских ребятшек, любителей лазать по чужим садам.

Но скажу честно, несмотря на то, что считал себя взрослым человеком, как ребенок, обрадовался змею Горынычу. Вот уж кого совершенно нельзя было отличить от пойманной живой змеюки, так его. Длина чучела составляла после вытяжки шкурки почти полтора метра. Китаец вставил в него бычьи жилы, высушенные, как пружины. Набил шкурку мягким сухим мхом, вшил настоящие зубы и раздвоенный язычок. Шкурка была пропитана особым пахучим маслом, а потом покрыта несколько раз лаком. Глаза Горыныча холодно блестели и вызывали мурашки по спине. При помощи лески он полз, извиваясь в траве, как живой. Посмотрев на змеиное чучело, я сразу же мысленно нашел ему применение не в саду, а в нашей бесслойной жизни. Решил проверить своих друзей на смелость. Первым, кому я устроил змеиную проверку, был мой закадычный друг Влас Смолич. Пригласил его к себе в сад и продемонстрировал Горыныча во всей красе буквально рядом с его ногами.

Эффект был сногсшибательным. Влас отпрыгнул от опасного места с такой скоростью и таким криком, что на шум выскочила моя перепуганная мать. Она посмотрела на друга и, увидев его победившие губы, повернулась ко мне:

- Ах ты, негодник, зачем Власа Горынычем напугал? Посмотри, у него до сих пор губы трясутся. Ты же знаешь, что Горыныч от живой змеи не отличим.

Повозмущавшись, отвесила мне подзатыльник, сопроводив его еще шлепком по заднему месту, будто я был маленьким мальчиком. После первого неудачного эксперимента мне надолго расхотелось проверять друзей на смелость. Да и проверять больше не было возможности, началась война, оккупация и чуть позже служба в партизанском отряде.

Впервые дни оккупации немцы выгнали нас из родного дома в летний сарай. Когда фрицы стали выкорчевывать яблони, то нашли чучело лисы и совы. Устроили стрельбу по ним, как по мишеням, ра-

зодрав в клочья. Горыныча в траве не заметили, поэтому поздним вечером я забрал его из сада. Обвязав его вокруг себя, спрятал под рубашкой, потом вместе с ним попал в партизанский отряд. Никогда не думал, что Горыныч пригодится мне в отряде именно для проверки мужской смелости.

Дядя Ваня с минутку помолчал, смахнул со стола перные опавшие листочки с яблони, встал, потянулся и снова уселся на лавку. Посмотрев на нас, продолжил свою речь:

- А дело было так, — произнес он интригующим голосом. — В партизанском отряде каждый человек отвечал за какое-либо дело. Вновь прибывшую молодежь стали обучать стрельбе из винтовки, автомата и даже пулемета. В старших классах мы в школьном тире стреляли из винтовки, я почти всегда попадал в десятку, поэтому и здесь результаты были отличными. Здоровье у меня было нормальное, рост не подвел — метр семьдесят восемь, плечи, руки накачал на турнике и гири. В общем, выглядел на все двадцать лет. И командир отряда определил меня в группу разведчиков, сказал:

- Иван, нам в разведке нужны не только сильные хлопцы, но и башковитые, смкалистые, а иногда хитрые, как лисы. У тебя силушка прет через край, стрелок ты меткий, ума ни у кого занимать не надо, а главное, хорошо знаешь местность. Подучись у разведчиков их хитростям, военным тонкостям.

Как-то вызвали меня к командиру отряда.

- Иван Болошенко, пришло время проверить тебя в деле. Недавно погиб один из разведчиков, отличный стрелок, смелый боец. Я думаю, что ты его достойно заменишь. Товарищи по разведке уже оценили тебя, согласны окончательно закрепить за группой. Ты то, хочешь служить в разведке, Ваня?

Я, не задумываясь, ответил, что согласен и постараюсь оправдать доверие. Через четыре дня группа отправилась за языком из новой немецкой части, недавно переброшенной в наши края.

Стояла ранняя осень. Все шло по намеченному плану. Только мешала луна на небе. Она, словно прожектор, освещала деревню. Стали ждать, может, закроет ее какая-нибудь бролячая туча.

Но тут увидели, что по улице идут трое немцев, впереди толстый офицер. Он то, нам и был нужен.

Операция по захвату прошла молниеносно, немцы даже не успели сообразить, что происходит. Обездвижили двоих, перекинули через плетень в ближайший огород.

Толстого офицера Никола Дубицкий «погладил» огромным кулаком по голове. Забив ему в рот клип, взял под руки и волоком потащил к лесу. Фашист оказался здоровым, упитанным мужиком. Несмотря на тяжелый удар Миколы, быстро очухался, стал мычать, дрыгать ногами, отбиваться от разведчиков. На возню отреагировали собаки. Поднялся лай. Ситуация стала непредсказуемой. Не раздумывая, мы схватили пленного за руки и за ноги и, что есть духу, побежали к небольшому болотцу, находившимся перед лесом.

Добежав до болота, кинули фашиста на землю, решили малость передохнуть. В деревне стояла тишина, значит, фрица никто не хватился. Вдруг Клим Коваленок, потянув носом, шепотом произнес:

- Други мои! Немец-то, по-моему, в штаны наложил, вонь пошла от него невыносимая. Я его к себе на плечо закидывать не стану, еще дерьмом не хватало измазаться.

Нало пояснить что, когда разведчики переходили болотца, то по очереди тащи-

ли языка на плече, волочить по болоту было опасно. Пленный мог захлебнуться болотной жижей, или его могла укусить змея, а их на болотах хватало.

Командир группы цыкнул на Клима, сказав:

- Ишь, какой ты пряткий! Хочешь, чтобы он утонул, или его ткнула змея? Мало их ползает по болоту? Пока донесем, фриц загнется. Ну и для чего мы тогда ходили? Вот, если бы он уже принял за змею... да еще кольнуть его чем-нибудь... То побегал бы боров-фашист сам... Где только ужа взять? Пошукайте-ка, мужики.

- Побегит, как миленький, - согласился, присмиривший Клим. - Видно, что жизнь любит, особенно пожать. Только, где ночью ужа найти? Вместо него и змею схватить можно, цапнет зараза за палец, сам концы отбросишь.

И тут меня осенило:

- Зачем ее искать, когда Горыныч всегда со мной. Он заставит бежать пленного в отряд вприпрыжку.

Пемного отойдя от товарищей, я достал змея, намотал леску на руку, затем вернулся к группе и буяншему немцу. Китель его расстегнулся, шея оголилась, просто замечательная мишень для моего со товарища. Встал от немца по правую сторону и, размахнувшись, бросил чуело ему на шею. Подергал за леску, и Горыныч, поплз по телу толстяка, провалился на грудь. Голова змея, касаясь шеи и груди, царапала кожу двумя острыми зубами до крови. Капризный немец на мгновение замер. Потом вскочил на колени, потому что ноги были связаны, выпучил глаза, замычал так, что разбудил спящих перед отлетом на юг уток.

Я подскочил к нему, запустив руку за пазуху, подольше пошарил по холодной от страха коже. Выхватил Горыныча, показал пленному. Затем, делая вид, что борюсь со змеей, выронил ее из рук и, чтобы снова поймать, побегал за ней. Отбежал метров семь от сидящих разведчиков, опустившись на колени, стал искать змею. Незаметно леской подтащил Горыныча к себе, быстро свернул и спрятал за пазуху. Возвратившись, подошел к немцу и с нахмуренным лицом промолвил:

- Все, фриц, баста!

Показав двумя согнутыми пальцами укусы змеи на шее, добавил на немецком языке: «Ales kaput!». Затем обратился к Глебу Терешко, хорошо знающему немецкий язык:

- Глеб! Скажи ему, что нужно бежать бегом к нам в партизанский лагерь, чтобы ему ввели противоядие, иначе он умрет.

Разведчики, видевшие мои манипуляции со змеей, застыли от изумления, смотрели, молча, то на меня, то на немца, ничего не понимая. Офицер, дослушав перевод Глеба до конца, в ответ громко замычал, давая понять, что хочет, что-то сказать. Командир сказал Глебу:

- Терешко! Вытащи у немца кляп, но предупредил, если будет орать, кляп вернем на место.

Освободившись от кляпа, позеленевший от страха фашист, заикаясь, брызгая слюной, заговорил на ломаном русском языке, что пойдет сам в лагерь, только нужно развязать ноги. Немца поставили посередине группы, ноги развязали, и он буквально побегал, наступая бойцам на пятки, приговаривая:

- Шнель! Бите! Шнель! - что на русском языке означало: «Быстрее! Пожалуйста! Быстрее!»

Клим Коваленок, шедший следом за ним, процедил презрительно сквозь зубы:

- Вы посмотрите, какая гнида этот фриц! Сотни людей: и баб, и детей, и стариков, не моргнув глазом, расстреливал, а за свою шкуру дрожит. Вишь, гад, как чешет, идти за ним не поспеем. Ванюха, я знал, что ты умный, смекалистый, надежный парнишка. Глаз у тебя просто

алмаз! За то, что устроил нам такую комфортную доставку языка, лично от меня тебе отдельное спасибо. Только никак не могу понять: где и когда ты углядел эту змеюку?

Немца доставили в штаб, он почти с порога заявил, что никаких сведений сообщать не будет, пока ему не окажут медицинскую помощь, не поставят укол с противоядием. Осмотрев пленного, наш врач обнаружил у него шес и груди темные синие пятна. Он решил, что ял распространяется и фашист, действительно, скоро может умереть.

«Откуда у немца на теле синие пятна? - недоумевал я. - Ведь укус Горыныча липовый».

Но, посмотрев на свои пальцы, чуть не расхохотался. Они были испачканы, синей копиркой. Перед уходом на задание я зашел к Марфуше. Все хотел с ней объясниться. Разволнованный, взял с ее стола, какую-то бумагу. Стоял и мял в руках, не заметил, как сунул в карман. Потом только увидел, что это была простая синяя копирка. Вытаскивая из-за пазухи у немца Горыныча, видно, измазанными пальцами наляпал на шес и груди синие пятна. В штабной землянке было сумрачно, потому доктор и принял синеву за покусы. Нужно было срочно доложить обо всем командиру, но при пленном этого сделать не мог. Я попросил командира выйти со мной из землянки на воздух. Вышли, я доложил ему о том, кто и как укусил немца, поднял гимнастерку и показал змею. Петр Васильевич расхохотался и, хлопнув меня по плечу, шепнул на ухо:

- Молодцом, парень! Теперь спрячь змея, никому не показывай, а главное, не рассказывай. Эта вещь нам еще может пригодиться. Выражаю тебе благодарности за смелку! Теперь то мы фрица заставим говорить... Не сомневайся, сынок, все расскажет!

- И, действительно, заставили, - радостно сказал Иван Лукич, - немецкий офицер выложил очень ценные сведения, которые пригодились в дальнейшей борьбе с врагом. Укол с витамином ему все-таки сделали, чтобы не раскрывать змеиную тайну.

Вот такой интересный случай, известный только мне, моему командиру и жене Марфуше, произошёл со мной и другом Горынычем. Жене я о нем рассказал уже после войны, когда мы поженились, попросил хранить эту тайну. Вам думаю, ее можно уже узнать, столько лет прошло после войны, все запреты давно сняты.

Горыныч не раз помогал нам во время операций, жаль, не знаю его дальнейшую судьбу. Однажды меня сильно ранило, я отдал его товарищу по школе Влаву Смоличу. Тогда на самолете меня отправили на Большую землю, а друг вскоре ушел на фронт, мы больше не встретились.

После войны в родные края он не вернулся, остался жить в городе Орле у старшей сестры. Может, продолжил мой Горыныч бороться вместе с разведчиками с врагом, надеюсь, что это было так. С тех пор в память о моем Горыныче, я ни разу пальцем не тронул ни одной змеи, хотя встречался с ними ни раз.

После последних слов дяди Вани, мы с мужем и тетей Марфой весело рассмеялись. История и, правда, была очень забавной.

Иван Лукич, посмеявшись вместе с нами, вдруг серьезно сказал:

- А давайте-ка, дорогие родные, пройдемте за стол и помянем всех погибших на этой страшной кровавой войне.

Мы отправились в дом и устроили священную минуту памяти людям, отдавшим жизнь за наше счастье.

(Фамилии героев, описанных в рассказе, изменены).

г. Новокузнецк.

Аделья Мачкова

Разметала кудри осень

Разметала кудри осень.
Золотой наряд отброшен.
Обнажение прекрасно,
шелестит наряд напрасно,

Не надеть и не укрыться.
Улетай в зимовье, птица,
там, где вьюги и метели
колыбельную запели.

А весной вернешься новой.
И зеленая обнова,
и цветы над головой...
Будешь снова золотой.

* * *

Ах, какое лето было!
Ничего я не забыла:
ни дорожку между сосен,
ни подружку свою - осень,
и ни летние качели...
как смеялись, как летели!
Синий свод над облаками.
Подлетаем! С нами, с нами!
В сердце все в свое вместила:
то, что будет, то, что было.
Ты прости, что не узнала.
Это я ведь заказала
бег под горку и на горку,
под сосенку и под елку,
мимо речки, напрямик.
Даже... даже грузовик!

Иней

Чей кудесник так умело
разукрасил все вокруг:
кружево легло на луг,
и на каждую травинку
бросил снежную пушинку.
Я молчу, я онемела
от невиданной красы.
Не заметила, как смело
«побежали» вдруг часы.
Солнце стало выше, выше
добралось до самой крыши.
К нам спустило сноп лучей.
Был куржак, бежит ручей.
И рассыпали слезинки
все «пушистые» травинки.

Письмо другу

Потерялись Вы. И надолго?
Лето кончилось, «побежит Волга»...
И над ней закружат метели.
Неужели Вы это хотели?
Просто исчезли, ничего не сказали.
Хотя бы глаз один показали.
Я смотрела и справа, и слева.
Мне сказали - ты слишком смела,
поздоровался бы для начала! -
подруга вдруг прокричала.
Если рядом Вы где-то с нами,
не бойтесь, «задружим домами».

Листопад

Желтый лист
упал под ноги
и улегся у дороги.
- Вот она, пришла беда,
не подняться никогда -
Только видит листопад -
листья желтые летят.
- Чем я хуже - говорит.
Подлетает и парит!

Березы одежду теряют...

Березы одежду теряют
бросают, бросают, бросают
сверкающий желтый наряд.
Идет к завершению парад.

Осина, береза, калина...
а вот раскраснелась рябина.

Не хочется, видно, под ноги
платье сложить на дороге.

Все дивно и тихо в природе.
На этом не кончен рассказ.
Гудит на осенней дороге
с дровами идущий КАМАЗ.

«Возница» взлетает, как птица,
на землю слетают дрова.
От красок на шортах кружится,
кружится моя голова.

Словно, осенние листья,
разбросанные рукой:
красный, оранжевый, желтый...
нарушили мой покой.

Как можно, скажи, не удивиться?!
Такая... такая Жар-птица!!!

Я думал...

Я думал - все начну сначала.
В желанных был неумолим.
Земля внизу ковром лежала,
а я летел, летел над ним.

Все мимо, выше, только выше,
боясь оковы захватить.
И голос мой звучал все тише,
и звал «земное» позабыть.

Но без земли я просто воздух.
Я - дух, живущий в вышине.
Мой райский сад, где будет отдых,
лишь только сад в моем же сне.

* * *

Прими меня в твой мир мечты,
в твои ошибки и находки.
Мои желанья просты -
Я лишь пловец из той же лодки.
Хочу потрогать все душой:
прохладу, зной, восторг, покой.

***

Весенние цветы, как белые метели...
Как быстро все прошло: опали кружева,
и первая капель, и первые качели,
и робкие, забытые слова.
Как много о любви когда-то говорили.
И в хрупкости своей она была права.
Единственный цветок. Цветами не сорили.
На всех тропинках новая трава.
На ней опавший цвет, как юности прощанье.
Как с чем-то дорогим рассталась навсегда.
И клятвы, и мольбы, пустые обещанья
исчезли, словно талая вода.
Все исчезает. Все? Да что-то сердце застит.
Скопило все в себе: и радость и беду.
Поэтому струну в нем тихо
кто-то тронет,
я песней отвечаю. Живу, пою, иду!

Нашей жизни река...

Уплывает любовь,
если следом печаль,
и мечту заберет
невозвратная даль.

Время, словно рука,
двигает стрелки спешит.
Нашей жизни река
не стоит, а бежит.

Перекаты в словах,
водопад, водопад...
Запели «кружева»,
а они невопад.

Дождь прозрачной слезой...
Все проходит,
мой друг,
ведь всегда за грозой
яркий солнечный круг!

Павел Морозов

Чужие крылья

Памяти соотечественников, павших в первые минуты войны на передовых рубежах, посвящается...

Виталий проснулся рано, было воскресенье, и на утро предстояла приятная поездка к любимой девушке Вале, жившей в десяти километрах от их военно-воздушной базы. На базе почти никого из офицеров не было, большинство находилось в отпусках. Половина истребителей их полка проходили регламентные работы, со многих машин были сняты двигатели и вооружение, но Виталий задумывался об этом мало, он хотел только одного, чтобы поскорее наступило утро и можно было поехать к Валентине. Они в этом полку испытывали новые машины, помогали ознакомлению с ними строевых пилотов, совершавших на них пробные полёты. Машин было всего две, и стояли они не вместе со всеми на одной общей стоянке, вытянувшись в две шеренги навстречу друг другу, а поодаль, возле старых и разбитых машин, дабы не привлекать к себе внимания...

Утро выдалось чистым и безоблачным. На востоке уже начало светлеть небо, когда в ясной предрассветной тишине послышался приглушённый гул большого числа авиационных моторов, который становился всё резче и огнётливее. Потом на западе показалось множество светящихся огней; это самолёты шли с зажжёнными габаритными огнями. Их было так много, что Виталий невольно залюбовался этим необычным зрелищем. Огни становились всё ближе и ближе, казалось, что кто-то выпал на небо столько этих цветных огней, что они заполнили собой почти всё пространство. Как вдруг часть этих огней, приблизившись к их аэродрому, резко пошла к земле с пронзительным воем сирен, и раздались первые взрывы, затем взрывы превратились в сплошной огненный ад...

Не понимая, что происходит, Виталий скорее инстинктивно бросился к своей машине, стоявшей совсем в другой стороне лётного поля. Забыв о страхе, Виталий бежал так, как ещё никогда не бежал. Казалось, что пилоты «неизвестных» самолётов прекрасно знали все свои цели и ориентировались, как у себя дома. Они методично заход за заходом уничтожали выстроившиеся, как на параде, самолёты всех эскадрилий истребительного полка. Затем был нанесён не менее мощный удар по казармам, складам и базе материально-технического обеспечения полков. Когда Виталий добежал до своей машины, стоявшей под маскировочной сетью, территория авиабазы уже была объята пламенем многочисленных пожаров, в свете которых были видны мечущиеся в панике тёмные фигурки аэродромной обслуги. Виталий быстро проверил наличие топлива и все основные и вспомогательные системы самолёта и начал запускать двигатель. Потом, после запуска, слегка прогрел его и, вырулив на свободную от бомбовых воронок площадку, после короткого разбега стал набирать высоту и увидел, как с востока волнами возвращались на свои базы вражеские бомбардировщики с большими жёлтыми крестами на плоскостях, а на смену им уже

летели новые, чтобы закончить начатое...

В свете лучей восходящего солнца на Виталия никто не обращал внимания, он оглянулся и увидел у себя за спиной поднимающуюся к небу густую завесу чёрного, смолянистого дыма — всё, что осталось от базы их полка. Его задачей было теперь поскорее уносить ноги отсюда, чтобы спасти новую технику, выпущенную экспериментальной серией в количестве двух десятков машин, одна из которых так и осталась стоять на объётом пламенем аэродроме. Виталий спустился до тысячи метров и пошёл на северо-восток вдоль железной дороги. Карты у него не было, но он знал, что горячего в баках его машины хватит на час с небольшим лёта.

И до того, пока оно закончится, он сможет достаточно углубиться на свою территорию, подалеке от этих жёлто-красных машин, в это летнее июньское утро заполонивших, казалось, всё небо до самого горизонта. Хорошо, что документы успел захватить с собой, думал про себя Виталий. Время пробежало быстро, когда на приборной доске загорелась лампочка аварийного остатка топлива. Виталий заложил крутой вираж и одновременно толкнул ручку управления от себя, потом, выровняв самолёт, увидел дорогу, по которой мчалась полуторка, оставляя за собой клубы светло-серой, перетёртой в труху пыли. Сбросив обороты двигателя, Виталий пошёл свою машину на посадку. Потом колёса коснулись земли, и машину пару раз сильно трянуло, раздался глухой удар и левая стойка шасси, ударившись о придорожный камень, с треском отвалилась. И машина, упав на крыло, крутнувшись на месте, резко остановилась, при этом Виталий сильно ударился головой об электрический прибор и на какое-то время потерял сознание.

Когда очнулся, он увидел перед собой двух сельских мальчишек, с любопытством смотревших на него. В глазах у него всё плыло, в голове — шумело, лицо было залито кровью, и он не сразу понял, что слова, сказанные одним из мальчишек, обращены к нему: «Дядя, а дядя, а ты шпион, да? Что случилось, авария, да?» Виталий попросил их расстегнуть привязные ремни и позвать кого-нибудь из взрослых, с большим трудом выбрался из кабины и присел на землю, потому как голова продолжала сильно кружиться. «Дядя, а ты что герой, да? А ты Чкалова знаешь?» — не унимался лопухий мальчишка, внимательно рассматривая машину. «Да уж... Герой, кверху дырой!» — выдал из себя Виталий. Потом спросил: «Самолёты с большими жёлтыми крестами здесь летали?» «Не-е, не летали, здесь вообще никто не летает, вот только ты один залетел, да и то как-то неудачно. А вон и Колька с дядей Стёпой на подводе едут!» — стоя на крыле самолёта, сказал мальчишка. «Кто это такой, дядя Стёпа?» — спросил Виталий. «Да это председатель наш, страшно злой мужик, вечно всем недоволен, только и знает, что орать на всех», — дал ему исчерпывающую характеристику мальчишка. «Да, не повезло, значит, вам с председателем», — по-

дытожил разговор Виталий.

Подъехала подвода, запряжённая парой гнедых лошадей, и с неё сошёл грузноватый мужчина лет сорока в брюках, заправленных в короткие хромовые сапоги, в расстёгнутой косоворотке и, обойдя искорёженную машину, со вздохом сказал: «Да! Ну и угораздило тебя садиться на эту дорогу, лучше места не нашёл, что ли?» И посмотрев на Виталия, добавил: «Ты ещё и ранен, и как ты сюда к нам попал только?» «Он всё спрашивал про самолёты с большими жёлтыми крестами», — вмешался в разговор лопухий мальчишка. «Какие такие самолёты с крестами? Это — германские, что ли?» — сразу насторожился дядя Стёпа. После чего подошёл к Виталию и спросил: «А документ какой у тебя имеется?» Виталий поднял на него свои тёмно-карие глаза и тихо ответил: «Да, имеется там в кабине».

Прослышав, что неподалёку от их села приземлился самолёт, любопытствующий народ стал собираться, чтобы посмотреть на это диковинное зрелище, и к дороге потянулись вереницы людей. «Вот оно, началось, чем бы ни заниматься, лишь бы не работать, сенокос в самом разгаре, а они, понимаешь ты, разгуливают тут!» — глядя на это зрелище, недовольным голосом громко сказал председатель, держа в руках документы Виталия. «Так, фотография на месте, всё остальное — то же, так про какие — такие самолёты ты выпрашивал, товарищ военлёт?» — посмотрев на Виталия в упор, спросил дядя Стёпа. «Какие самолёты? Немские, конечно, они сегодня рано утром всю нашу базу под ноль раскатали, я один успел взлететь и то только потому, что машина совсем в другой стороне стояла. Так что, дядя, война началась», — подытожил разговор Виталий. «Какая ещё война? Ты это брось! У нас с германцами договор о ненападении, и товарищ Сталин сказал, что войны с немцем не будет. Ты, это, народу не говори об этом, тут и без тебя баламутов хватает, приедет в правление, позвоню, куда следует, там разберутся, что ты за птица! Война ему, видишь ли, померещилась», — закончив разговор, кладя документы Виталия к себе в карман, сделал вывод председатель. «Дурак», — только и ответил на это Виталий. «А вот мы посмотрим, кто дурак! Знаешь, что за распространение панических разговоров бывает? То-то!»

Дядя Стёпа помог Виталию дойти до телеги и громко крикнул собравшимся людям: «Эй, вы, а ну-ка все назад, здесь вам не цирк!» И уже тише и спокойней у одного из мужиков спросил: «Иван Степанович, ты сегодня по радио последние известия слышал?» «Да, слышал». «И что там говорят?» «Немцы на Англию напасть собираются». «Вот так, на Англию, понял?» — обращаясь к Виталию, продолжал председатель. «А что, что-то случилось?» — забеспокоился Иван Степанович. «Да так, ничего, приедет уполномоченный НКВД — разберётся, а пока аэроплан вон постерегите, пока трактор за ним не пришло. Не дело ему здесь стоять!» И председатель, присвистнув, резко тронул с места лошадей.

В правлении колхоза оказалось прохладно и сыро, пахло кошками и ещё чем-то затхлым. «Мне бы воды попить», — спросил Виталий. «Сейчас принесу», — сказала дородная женщина, носую глазевшая на Виталия. «Что за дела? С районом связи нет. Эй, Семён, седлай — ка Чёрного и айда галопом в район, узнай-ка, в чём там дело?» — отдал распоряжения, посмотрев на Виталия председатель. «Расскажи-ка лучше о себе, сокол ты ясный!» «Что рассказывать, вы бы лучше помогли голову перевязать, а то кровь всё ещё сочится».

При этих словах дядя Стёпа посмотрел на дородную, молодую розовощёкую женщину, оказавшуюся Глашкой, и та молча стремглав выбежала из комнаты, при этом председатель успел смачно хлопнуть её чуть пониже спины, сказав при этом на выдохе: «У-ух, хороша-а! Люблю пышнотелых женщин, но не найду поддержки у Виталия, как — то сник и уже по-дружески сказал: «Я раньше на заводе работал, а здесь без малого восемь лет как. Ты это, ты на меня не обижайся, ты только правду скажи, пока никого нет?» «Какую тебе правду ещё? Что от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее, что ли?» — с раздражением ответил Виталий.

«Надоел ты мне, дядя, смотрю я на тебя и вижу, ущербный ты какой — то», — выдал на одном дыхании Виталий. «Сам ты ущербный! Эвон как заговорил», — сощурив свои маленюшки голубые глазки, со злостью в голосе проговорил дядя Стёпа. На что Виталий ему с ехидцей ответил: «Стёпа — он и в Африке — Стёпа...» «Ты на что это всё время намекаешь? На моё социальное происхождение, да? Сам то, что, небось, из недобитых дворян, да? Да ты знаешь, сколько я их вот этой самой рукой порубал в гражданской войне?» На что Виталий лишь вздохнул и молча отвернулся. Затем прибежала Глашка с пузырьком йода и куском белой марли. «Ты, это, сначала водой промой, а потом уже и йодом мажь», — дал ей ценные указания председатель. «Уж сама знаю, чать сестринские курсы зимой в районе кончала», — ответила на это Глашка. В ней действительно было что-то особенное, как, впрочем, и во многих русских женщинах, думал про себя Виталий. «И как это вас, товарищ военлёт, так угораздило», — глядявая ему в глаза, спросила Глашка. «Да вот бодраться решили с большим горным орлом, он меня и одолел», — пошутил Виталий. «Так уж и с орлом? К тому же горные орлы в наших местах не водятся», приняв тон, заданный Виталием, ответила Глашка. «Вы на нашего председателя не обижайтесь, он у нас добрый», — поправляя блузку, туго обтягивающую её высокую грудь, продолжала Глашка. При этом она явно хотела понравиться Виталию, видя в нём человека из другого мира, мира, в который ей, Глашке, путь был пока заказан.

«А вы в Москве живёте?» «Да нет, родители живут на Урале, а я там, куда пошлют». «А я думала, что все военлёты, как Чкалов, живут только в Москве». «Глаза у тебя красивые и грудь, недаром на тебя дядя Стёпа глаз положил». «Дурак! У дяди

Две дольки лимона

Стёпы жена и трое детей, - обидевшись и надув пухлые губки, сказала Плафира. - А глаза у меня мамыны, такие же серозелёные, ну, я пошла». И она, аккуратно свернув остатки марли, и взяв йод, вышла из комнаты...

Голова у Виталия шумела, и он прилёг на лавку, думая о гостеприимстве русского народа. Боль в голове постепенно начала стихать, и он вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел...

Было уже далеко за полдень, когда приискал из района Семён, и приехал представитель НКВД, как он сам себя представил, младший оперуполномоченный, лейтенант Гусеницын. И без всякой подготовки, проверив документы, начал расспрашивать про немецкие самолёты, которые бомбили базу их полка ещё утром...

Потом встал со стула и сказал, что задерживает Виталия за явную ложь и панические настроения, сейчас составят протокол задержания, и гуляй, Вася. При этом уполномоченный с удовольствием хлопнул в ладоши, будто составлять протокол для него было самым любимым занятием в его жизни. Но Виталий его не слушал, ему было обидно и больно за народ великой страны, вот так ведущий себя перед лицом смертельной угрозы. Уполномоченный распорядился на счёт повреждённого самолёта, чтобы до приезда военных его охраняли, и, связав бельевой верёвкой руки Виталию, повёл его к своей пролётке, ждавшей на улице...

По дороге они почти не разговаривали и лишь, не доезжая до районного центра километра два, услышали гул летящих самолётов. На что уполномоченный гордо сказал: «Вот они где, настоящие сталинские соколы, летают, тренируются, а ты, как мокрая курица, сидишь здесь, у меня в пролётке». Но тут со стороны посёлка раздалась частые взрывы, и над лесом взвилось несколько смоляных столбов дыма. «Вот вам и сталинские соколы», - с иронией сказал Виталий. На что уполномоченный только стиснул зубы и молча ударил плутом пегую кобылку, чтобы резвее бежала...

Приехав в посёлок, они увидели несколько воронок от авиабомб и полуразрушенную железнодорожную станцию... «Да-а, ну и дела», - сдвинув фуражку на лоб, сказал Гусеницын. «Выходит, ты оказался прав, военлёт. Но почему тогда по радио ничего не сообщили, в газетах ничего нет, никакого объяснения?» «Ты меня об этом спрашиваешь?» - извился Виталий - «Лучше руки развяжи, а то затекли совсем». «Ничего, не сахарный, до райотдела потерпишь...»

В райотделе царили полная растерянность и неразбериха, говорили только о самолётах с жёлтыми крестами, не весть, откуда взявшихся на их голову. Уже вечером передали по радио заявление Советского правительства о том, что фашистская Германия без объявления войны напала на нашу страну...

Через шесть дней в этом райцентре были передовые мобильные авангарды немцев. Виталий стал Героем Советского Союза, он прожил большую, долгую жизнь, в которой было всякое - и хорошее и плохое. Но даже и через пятьдесят девять лет в памяти с особой отчётливостью сохранились картины той ночной бомбардировки. Когда так вероломно обрушившиеся на их головы чужие крылья навеки поделили его жизнь и жизни многих других людей на «до» и «после».

Для миллионов из которых приставка «после» так и осталась навечно непреодолимым барьером, через многие годы ставшая светлой памятью для тех, кто жил, живёт и будет жить далеко после них...

Та далёкая зима 1942 года выдалась на редкость суровой и морозной. В конце января загуржило и задули сильные, пронизывающие до самых костей холодные ветра, неся колючий перемерзший снег прямо в лицо.

Оля жила в холодной, неотапливаемой квартире вместе с бабушкой, мамой и старшей сестрой Людой. Мама работала на заводе, сестра Люда училась в восьмом классе одной из ленинградских школ. А семилетняя Оля жила с бабушкой в квартире.

Учёбу в школе отменили ещё в октябре из-за сильных бомбёжек и артиллерийских обстрелов.

Потом началась зима, и вместе с морозами в осаждённый город пришёл голод, которым, как косой в чистом поле, вездесущая, костлявая бабка-смерть косила жизни многих страждущих, ставших заложниками положения, в котором оказался некогда красивый город, бывший одно время столицей великой страны, и ставших никому не нужным балластом в нём, поскольку в своё время по вине партийных руководителей не была налажена массовая эвакуация женщин и детей перед лицом неумолимо наступавшего противника...

Маленькая девочка Оля ничего об этом не знала, она знала о том, что бабушке очень и очень плохо, ибо она уже давно не вставала с постели, ничего не ела и почти не пила.

Старшая сестра Люда работала вместе с мамой на заводе, где рабочий день продолжался по шестнадцать часов в сутки, где в неотапливаемых, насквозь продуваемых всеми ветрами цехах мама со старшей сестрой ремонтировали прибывающую с фронта на ремонт военную технику.

Как они это делают - Оля не знала, ибо они никогда об этом ей не рассказывали, да и приходили с завода перегуляно, потому как общественный транспорт не ходил, а улицы были завалены обильно выпавшим в ту зиму снегом, никем не убираемым, ходить по которым было очень трудно и небезопасно из-за не прекращавшихся обстрелов вражеской артиллерии.

Когда умерла бабушка - Оля не знала, так как сама уже редко вставала с постели, а в комнатах было темно из-за постоянно висевших на окнах одеял, которые повесили ещё в сентябре в целях светомаскировки.

Ножки и ручки у неё сильно распухли от голода, в глазах постоянно стояли радужные цветные круги, а голова всё время кружилась, из-за чего Оле казалось, что её головка превратилась в маленькое подобие земного шара, который очень тяжёл, и постоянно кружится вокруг своей оси только потому, что так надо...

Когда Оля в очередной раз погружалась в следующий новый сон, она видела огромные корзи и пирожные, которые кичились друг перед другом своей ванильностью и, завидев её, пытались напасть и съесть, отчего маленькой Оле становилось страшно, и она просыпалась.

В тёмной, холодной квартире было по-прежнему тихо, только из радиоточки, продолжавшей работать, иногда до-

носились какие-то приглушённые звуки, щелчки метронома, напоминавшего всему внешнему миру о том, что город ещё не погиб, что он ещё жив, и где-то в его глубинах ещё теплятся хрупкие детские жизни многих и многих таких Ольг, Маш, Тань, Наташ со своими мамами, пытающимися в меру своих сил пролить их и своё существование на этой Земле.

Но ничего этого маленькая Оля не знала, она думала, что на всей большой планете она осталась совсем одна, что где-то там, в другом Мире, в другой реальности существует завод, на котором работают её мама и старшая сестра.

Что где-то есть передовая линия обороны, где воюет её папа, который ей представлялся большим и добрым Дедом Морозом, который скоро придёт и спасёт её от неминуемой голодной смерти, о которой она ничего не знала и потому не боялась...

Когда в квартиру приходили мама или старшая сестра, они первым делом разжигали маленькую железную круглую печку, стоявшую в углу их комнаты, которая всегда поначалу сильно дымилась, потом, разогревшись, начинала излавать тихий утробный гул, гул жизни, от которого у маленькой Оли на душе становилось тепло и спокойно.

Ибо эта круглая печка разогревала воду в чайнике, которая давала жизнь её маленькому, измученному не детскими испытаниями хрупкому тельцу...

Но ни мамы, ни старшей сестры всё не было и не было, и Оле начинало казаться, что их не было вовсе.

Пожек своих она уже почти совсем не чувствовала, лишь тяжёлая головка напоминала ей своим кружением, что она ещё жива.

Ей казалось, что пространство тёмной квартиры вокруг неё стало вязким, чужим и враждебным, ибо не несло в себе ничего, что дарило бы жизнь её маленькому, опухшему до нереальных размеров страдающему тельцу, лишь щелчки метронома, раздававшиеся из радиорепродуктора на стене, напоминали о том, что город, в котором жила Оля, ещё жив и борется за свою жизнь.

Но Оле было уже всё равно: жизнь медленно, но верно покидала её тело, ибо она уже почти не чувствовала голода и потеряла связь с окружающим её внешним миром.

Как вдруг однажды, открыв отяжелевшие отёкшие веки, она увидела сквозь замёрзшие стёкла окна яркий солнечный свет и двух совершенно незнакомых взрослых людей, мужчин, один из которых взял её на руки вместе с одеялом и сказал, что ей привет от её папы, что он, дядя - его друг, и зашёл навестить её и её маму по его поручению.

Оля ничего не понимала, но знала точно, что эти мужские сильные руки уже никогда не дадут ей тихо умереть здесь, в этой большой комнате, всеми забытой и никому не нужной.

На столе она увидела мелко нарезанное на дольки жёлтое тело лимона, две из которых незнакомый дядя опустил в кружку с горячей водой и засыпал туда три ложечки сахара, потом это всё хорошенько размешал и дал выпить Оле, сказав при этом, чтобы она пила мел-

кими глоточками, дабы не вызвать спазматического явления в желудке...

Оля пила, и ей казалось, что ничего приятней и вкусней на свете нет, что эти две крошечные дольки лимона востину имеют огромную животворящую силу, которая влияясь живительной влагой в её омертвевшее тело, возвращает его к жизни...

Что было потом - Оля не помнит, ибо у неё вновь закружилась головка, и она потеряла сознание...

Придя в себя, она с удивлением обнаружила, что находится в большой, светлой комнате, и что на потолке играют радужными пятнами солнечные блики заходящего вечернего солнца.

Видела она ещё плохо, перед глазами всё плыло, но вокруг было много незнакомых взрослых людей, людей и тёт, которые ходили, не обращая на неё никакого внимания.

Потом одна из тёт увидела, что Оля открыла глаза, подошла к ней и ласково сказала:

- Ну, вот, теперь будем жить, рано тебе ещё умирать, красавица, вырастешь - сама станешь мамой, потом бабушкой и умрёшь в глубокой старости...

Потом её начали отпаивать горячим чаем с сахаром, голова постепенно становилась всё легче и легче, отёк с ног и рук стал спадать.

И Оля стала возвращаться в реальность мирского бытия, как бы заново познавая все радости обычной жизни, и когда она немного окрепла, её эвакуировали через Ладогу в кузове грузовой машины на «большую Землю»...

Ни маму, ни старшую сестру она больше никогда не видела...

Олю определили в один из детских домов одного из тихих провинциальных уральских городков.

Уже далеко после войны она узнала, что её мама и старшая сестра погибли во время одного из обстрелов ещё в январе этого, уже такого далёкого сорок второго года...

Своего родного отца она нашла в одном из подмосковных домов инвалидов в середине шестидесятых годов.

У него не было обеих ног, он психологически был надломлен, постоянно пил и вспоминал свои военные фронтовые годы: он так до конца и не вернулся с той большой войны, которая искалечила не только тела, но и души большинства из тех, кто на ней побывал...

Уже прошло много лет и Оля, как ей напорочила незнакомая женщина из военного госпиталя, уже давно стала бабушкой.

Но в её памяти навсегда остались те две тонюсенькие дольки лимона и сильные мужские руки человека, спасшего ей жизнь.

Человека с добрым, отзывчивым на чужую беду сердцем, способным творить великие дела и поступки как бы между делом, не требуя ничего взамен...

Вечная ему память, как и всем тем, кто навсегда остался на полях сражений той Великой Войны, чьи имена и судьбы уже занесло ветром истории...

Владимир Неунывахин

Родился 20 августа 1938 года в Иркутске, но семья вскоре переехала в г. Сталинск (сейчас - Новокузнецк), затем в пос. Бураковский Таштагольского района Кемеровской области, а в 1943 г. - в пос. Абагур - пригород Новокузнецка. В 1955 году после окончания семилетней школы начал работать фрезеровщиком в механических мастерских. За несколько лет трудовой деятельности закончил 11 классов вечерней школы, стал членом литературного объединения г. Новокузнецка - публиковался в местных периодических изданиях. В 1963 году стал литературным сотрудником многотиражной газеты для заключенных МВД Российской Федерации, а с 1967 по 1970 гг. был редактором этой газеты. В это же время ему было присвоено звание младшего лейтенанта внутренней службы. В 1972 г. закончил филологический факультет Новокузнецкого пединститута. С этого же года по 1980 год работал воспитателем в исправительно-трудовых лагерях. С 1981 по 1999 гг. был начальником штаба Онежского управления лагерей. Жил в поселке Североонежск Плесецкого района Архангельской области. Уйдя на пенсию, вернулся на родину - в Новокузнецк.

Член Союза писателей России. Автор книг: «Забывать я не в силах», «Живым не брать», «За что?!», «Под глухариную песню», «Смеяться, право, не грешно» и др. Победитель конкурса короткого рассказа памяти Владимира Куропатова. Лауреат премии Минюста России в области литературы и искусства в номинации «Художественная литература». Имеет награды администрации Кемеровской области.

ПОПУТЧИК

Рассказ

Конец августа — моя любимая пора — начало охоты на водоплавающую дичь. В это время я забываю обо всем на свете, спешно собираюсь и без оглядки бегу из душного, загазованного города прочь, подальше от шумной цивилизации, в объятия милой девственной природы...

И вот поезд уносит меня все дальше и дальше от городских окраин, я спешу в самый отдаленный район области, куда наша охотничья братия практически не заглядывает — их пугает бездорожье и многокилометровый путь до ближайших озер.

Сошел я с поезда на глухом полустанке, где стоянка длилась не больше минуты. Едва успел спрыгнуть с подножки на деревянный настил посадочной платформы, как вагоны, язгнув буферами, медленно поехали мимо утопающего в зелени топольей крошечного станционного здания. Когда последний вагон скрылся вдаль, я, оглядевшись, к своему удивлению обнаружил, что сошел здесь не один. На платформе, слегка прихрамывая, к вокзальчику шагал довольно бодрый старичок с небольшим саквояжем в руках. Подхватив рюкзак и зачехленное ружье, я двинулся следом.

У деревянной скамьи со сломанной спинкой, приткнувшейся у входа в вокзал, старичок остановился и присел. Поравнявшись, присел и я. Откровенно и с любопытством оглядев меня, особенно мое охотничье снаряжение, старичок заулыбался и поздоровался:

- Утро доброе. Когда вижу охотников, сам начинаю испытывать древнейший зуд добытчика и охотничий азарт, ощущаю, как ускоряется биение сердца и начинается терзать ностальгия о скрадках в камышах озер и жарких кострах во время ночевки в лесу. Очень я увлекся охотой, будучи помоложе, а сейчас вот ноги стали отказывать — не выдерживают долгих переходов. Пришлось повесить ружье на ковер и скинуть болотные сапоги. Только в воспоминаниях, да иногда во сне и бегаю с ружьишкой по былым истоптанным тропинкам.

Мы познакомились и разговорились. Узнав, что нам в соседствующие деревни. Петр Михайлович — так он представился при знакомстве — даже обрадовался:

- Нам, оказывается, по пути. Бывал бывал я в той деревне. Знатные там охот-

ничьи места. Жаживал когда-то в тех краях с ружьишкой, жаживал... Да и... не только с ружьишкой, — старичок неожиданно споткнулся, нахмурился, но через секунду вновь оживился. Если не возражаете, могу предложить место на телеге, которая вот-вот должна подкатить за мной. До своротка додем. Не шагать же вам с таким рюкзаком десять с лишним верст. А будет ли еще попутка, кто знает.

Я с благодарностью принял предложение старичка и с интересом разглядывал его. Худощавое загорелое лицо обрамляли небольшие с густой проседью бакенбарды и такого же цвета борода клинышком. Аккуратно подбрившие усы, полукружьем охватывали тонкогубый рот и, соединяясь с бородачкой, завершали портрет чеховского врача, каковым и оказался мой попутчик. Особенно притягивали глаза Петра Михайловича: живые, светло-голубые и необычно лучистые, будто отражающие внутреннее тепло человека. Шенелюру пепельно-русых волос немного подпортили залысины, которые делали высокий лоб еще более выпуклым и большим. «Если судить по Сократовскому лбу, старичок весьма не глуп», — подумал я, но ведаха спросил совсем о другом:

- Если меня не обманывает Шерлок-холмская дедукция — вы доктор?

Старичок стремительно поворачивает ко мне лицо, удивленно и радостно смеется:

- Не обманывает. Да, я доктор. Но не из местных, сельских эскулапов. Я практикую в Колпино, что под Ленинградом. Знаете такой городок? Вот там и работаю. А сюда в гости. Дочка у меня здесь. Каждый год езжу. Беру отпуск и сюда... Воевал здесь, вернее партизанил. Знаете ли... тянет, — старичок осекся и отвернулся.

Я заинтересованный репликой Петра Михайловича о фронтовых годах уже был готов задать новый вопрос, как к вокзальчику подкатила подвода запряженная неказистой, но шустрой лошадейкой. Возницей оказался парнишка лет пятнадцати, рыжий до невероятности — не волосы, а огонь — и конопатый, как сорочье яичко. Он спрыгнул с телеги и, шмурыгая носом, поздоровался, виновато пояснил свое опоздание:

- Утром запрягать надо, а ее, — он ткнул кнутом в сторону кобылы, — еле нашли после ночного, аж на дальние заливные луга упрыгала, хотя и спутанная была.

Мы с Петром Михайловичем с комфортом укладываемся на сене в телеге и отправляемся в путь. День разгулялся, на бледно-голубом вылинявшем небе — ни облачка, солнце — почти в зените, хотя и не жаркое, но довольно теплое, ласково гладит лучами по щекам. Грунтовая дорога, подрабита в распутицу автомобильными колесами, петляет среди редколесья и сенокосных полей, где застыли в беспорядке многочисленные стога, что свидетельствует о хорошем летнем урожае. За близлежащим осинником гдето на болоте тоскливо курлыкают журавли, видимо наставляя молодежь перед дальней дорогой на юг.

Петр Михайлович, закинув руки за голову, чуть повлажневшими глазами изучает бездонное небо, и о чем-то думает своим. Он совершенно не замечает тряски телеги, колеса которой то и дело подбрасывают нас на выбоинах и засохших комьях грязи. Меня же разбирает любопытство и, вконец измучившись, я не выдерживаю, задаю попутчику давно заготовленный вопрос:

- Вы говорите, партизанили в этих краях, но что-то лесной глухомани я здесь не вижу?..

Старичок вздрагивает, некоторое время с недоумением смотрит на меня и, наконец, до него доходит смысл вопроса:

- А-а, вон Вы о чем. Так почти сорок лет прошло. Много лесов повывернули, да и болот не меньше осушили. А вообще-то наш партизанский отряд располагался намного южнее этих мест, где и сегодня, не зная тропок и проходов, можно заблудиться в лесных дебрях и утонуть в болотных трясилах.

Петр Михайлович вновь на какое-то время задумывается, но буквально через минуту оживает и грустно улыбаясь, продолжает:

- Молод тогда я был, намного моложе Вас, четвертной еще не разменял. Наш полк, отступая, попал в окружение. Много тогда ребят полегло. Мне с несколькими окруженцами повезло — выскользнули из котла и, поплывав несколько дней по лесам и болотам, наткнулись на партизан, которые и приняли нас в свой отряд.

Я не скажу, что был героем, но и за спины товарищей не прятался. Говорят, я был неплохим подрывником. Мы тогда здорово потрепали нервы гитлеровцам и нанесли им ощутимый урон в технике и

живой силе. На моем счету два моста и пять составов, не говоря уже о заминированных дорогах, на которых подрывались машины и мотоциклисты. Я «гансам» сполна отплатил за погибших однополчан во время неравной схватки в окружении.

Однажды командование отряда направило нас с Василием Кашиным — местным жителем — для восстановления связи с подпольем в Почеп, где на узловой станции работал в депо наш человек, и с которым неожиданно прервалась связь. Василий был классным печником, а я под видом его помощника двинулись в город. Шли от деревни к деревне, кому ремонтируя, а кому перекачивая печи, больше недели, собирая одновременно разведанные о комендатурах и передвижении фашистских частей между населенными пунктами. Но мы не дошли до Почепа. Недалеко отсюда у околицы одной из деревушек мы нарвались на засаду полевой жандармерии, которой было наплевать: печники мы или плотники — у фашистов в первую очередь вызывал подозрение наш возраст, а не то, чем мы занимаемся и зачем шлепемся по дорогам.

Трое гитлеровцев, выскользнув из кустов, грубо гаркнув: «Хальт!» и «Хенде хох!», молниеносно обыскали нас и, мельком глянув на наши бумажки — «ауствайсы», перебросились между собой несколькими фразами. Один из автоматчиков, подталкивая стволом в спину, повел в сторону от дороги к заросшему овражку. Я понял все и почувствовал, как нестерпимый холод поднимается откуда-то снизу живота, расплывается по грудной клетке и так славливает сердце, что темнеет в глазах. Понимает, видимо, зачем нас ведет этот немец к оврагу и Василий. Он одними губами, не поворачивая головы, шепчет:

- Как поравняемся с кустами, бросаемся в разные стороны. В случае чего встречаемся у мохового болота, у обгоревшей сосны.

Вот и кромка оврага, кусты. Боковым зрением замечаю, как Василий делает бросок в сторону, и тут же сам кидается головой вниз, с треском качусь по склону. Сзади по кустам бьет очередь, вторая, третья. Пули с глухим чмоканьем вбиваются рядом в землю, с визгом, сбивая ветки и листья, пронесаются над головой. «Слава Богу, мимо!» — молюсь я мысленно Всевышнему и на четвереньках устремляюсь в самую гущину ивняка, который выводит к лесу, что в верхних оврагах.

Углубляясь в лес, я вдруг начинаю чувствовать все усиливающееся жжение выше колена левой ноги. «Черт! Вероятно-

но, напоролся на острый сучок при падении или поранился, когда полз по дну оврага», - заключаю я и, хотя силы уже на исходе, продолжаю бежать, лавируя между деревьев, спотыкаясь и задыхаясь. А огонь в ноге все усиливался, ползаясь выше и выше от колена к паху. Ниже колена нога начала деревенеть, будто отсидел я ее. И только, остановившись и опупав ногу, понял? Не на сучок я напоролся — пулевое ранение было сквозным. Кровь не била фонтаном, но и не утихла, стекала струйкой, чавкала в ботинке и обильно капала на траву. Если будут преследовать с собакой — лучшего следа и не надо. Я заскрипел зубами: надо же, как не повезло, шальной пулей зацепило, вгорячах и не заметил даже, а в результате крови потерял уйму, аж голова закружилась.

Оторвав полосу от подола рубахи, отчего она стала похожа на детскую распашонку, чуть прикрывающую пупок, я перерубил ногу и поковылял дальше к моховому болоту, до которого было не меньше пяти верст. Как дотащился до него и до обгоревшей сосны, помню смутно. Под конец уже был в полубоморочном состоянии, часто падал, терял сознание. Хорошо, фашисты не стали преследовать нас — далеко бы я не ушел. И как бы ни было плохо, я здорово обрадовался, увидев под сосной Кашина. Дело прошлое даже прослезился.

Видя мое состояние, Василий впал в уныние: о дальнейшем пути в Почеп пока нечего было и думать.

- Петруха, придется возвращаться. У тебя жар начинается, значит с ногой что-то серьезное. Вот что... - и вдруг обрадовался он пришедшей мысли, - здесь недалеко в деревушке Ключевой живет наша связная Стеши Капустина. Вот у нее-то ты и сходишься. Они с матерью тебя живо выведут.

И мы двинулись. А вскоре я потерял сознание.

...Петр Михайлович оборвал свой рассказ и отвернулся. Я понимал — воспоминания разбередили ему душу и не стоит лезть с вопросами. Только минут через пять я решился:

- Ну, и...

- Очнулся на сеновале, - вновь ожилась мой попутчик, а я поразились резкому преобразению его лица: оно посветлело. Будто засветилось изнутри, в глазах появился блеск с легкой грустинкой и нежной задумчивостью, - и, как говорила потом Стеши, очнулся на третьи сутки — было жуткое заражение. Если бы не уход и травы ее мамы, я бы не выкарабкался с того света.

Василий притащил меня на закорках к Стеши Капустиной глубокой ночью и, чуть отдышавшись и подкормившись, ушел, не дожидаясь рассвета, в сторону Почеп выполнять задание. Прощаясь, попросил связную, как только оклемаюсь, переправить по возможности в партизанский отряд. И больше я своего спасителя не видел: сгинул мужик где-то, возможно вновь нарвался на фашистскую засаду, - старичок на мгновение умолк, по его лицу пробежала и потухла тень внутренней боли.

- Стеши была старше меня на два года, но краси-и-ивая-я-я до умопомрачения, - прижмурившись, нараспев продолжил он свой рассказ, - а может мне тогда так показалось? Да, нет, она действительно была очень красивая. Две толстые косы темно-русых волос ниспадали за спину и почти касались пояса, чуть-чуть смуглую, будто слегка загоревшую, кожу щек красиво обрамляли падавшие от висков до мочек ушей природные локоны-завитушки. Припухлые губы небольшого рта заканчивались ямочками в уголках и создавалось впечатление постоян-

ной загадочной улыбки, трепещущей на этих нежных темно-красных от природы устах. Эти яркие губы с таинственной улыбкой, эти ямочки на щеках и подбородке постоянно притягивали мой взгляд и вызвали нестерпимое желание коснуться их кончиками пальцев, нежно прижаться к ним своими горячими губами и целовать. Целовать, целовать... А в ее глазах — синих и бездонных — хотелось утонуть.

Когда мне было особенно тяжело, Стеши постоянно находилась рядом, смачивала мокрым полотенцем пылающий лоб, спешившись, потрескавшиеся губы, меняла на загноившейся ране примочки из настоянных трав, поныряла, кормила с ложечки бульоном и толченой картошкой с молоком.

Ее теплые и нежные руки я помню до сих пор и не забуду до последнего вздоха. Она гладила мои щеки, шею, плечи, руки, когда я в полубреду корчился от боли и, слерживая стон, кусал и без того искусанные губы. По-женски, интуитивно, чтобы облегчить мою боль, снизить пылающий жар, она, наклонившись, дула на мой разгоряченный лоб, щеки, шею, грудь, и я невольно затихал, успокаивался, будто ее дыхание охлаждало, тушило пламя пожара в моем теле. И много позже, когда кризис миновал, и мне стало значительно легче, я, изнемогая в душе от любви и нежности к ней, частенько прибегал к хитрости: изображал, как мне больно и плохо, и вновь Стеши металась подле меня, будто раненая птица, гладила вновь мою грудь, плечи и шептала со слезами:

- Милый, ну, как тебе помочь, как облегчить твою боль? Отдай ее мне, ну, хоть половинку своих страданий передай мне!

Я замирал в сладостном истоме, нежно прикасался губами к ее подрагивающим пальцам и чуть не плакал. Это, конечно, было полдо с моей стороны, но ничего не мог поделать с собой. Я влюбился, влюбился до безумия. И чувствовал — Стеши отвечает мне взаимностью, и я ей не безразличен. Ее мама и моя целительница, бывая рядом с нами, печально смотрела на дочку, на меня и вздыхала. Она все понимала...

Дело в том, что Стеши была замужем. Ее муж — Иван почти, как год — на фронте. Жив ли, где воюет — ни Стеши, ни ее мама не знали. Поженились и прожили они в любви меньше года, но детей завести не успели — началась война.

И вот судьбе было угодно сложиться так, что мы встретились, а встретившись, забыли обо всем. Я обезумел от счастья, а Стеши после случившегося тихо плакала:

- Что я натворила? Господи, как я могла предать Ивана? Ведь я его люблю, тоскую и жду. Я верю, что он жив, он не может погибнуть! Боже! Что же мы с тобой, Петр, наделали? Я и тебя люблю. Как теперь нам с тобой разорвать этот грехопытный узел?

- Мы поженимся с тобой, - обнимаю я Стешу, целую и заглядываю в глаза.

- Нет, нет, - слабо роняет она, - я не могу окончательно предать Ивана. Я ему все объясню. Он должен понять и простить.

Я сник, был подавлен. Лучше бы меня застрелили тогда у оврага.

Через три недели я вернулся в партизанский отряд, а через три месяца началось наступление наших войск, и мы с боями перешли линию фронта, соединившись с регулярными частями. До соединения я дважды ходил на боевые операции и, возвращаясь с задания, бывал в деревушке Ключевой. Стеши очень тепло встречала меня, но разговора о наших будущих взаимоотношениях так и не получилось: малейшие мои объяснения в

любви пресекались в самом начале, будто и не было той жаркой ночи с безумными ласками, объятиями и поцелуями.

Уже уходя на запад в составе саперной роты, я от кого-то из бывших партизан узнал, что Стеши беременна и понял — от меня. Эта новость ошеломила и одновременно привела в ликование: сразу же появилась уверенность, что с рождением нашего ребенка мы со Стешей все-таки соединим свои судьбы, ведь мы любим друг друга.

Конец войны застал меня в Чехословакии, где мы помогли повстанцам Праги в освобождении столицы и уничтожении последних фашистских группировок. И где бы я ни воевал, в каком бы госпитале ни лежал, где бы ни дислоцировалась наша часть — отовсюду писал Стеши письма, просил, умолял ответить, спрашивал, кто у нас с ней родился: мальчик или девочка, какой вес, как назвала? Но ни ответа, ни привета — до самого дня Победы, до момента демобилизации.

В деревушке Ключевой на Брянщине я не ехал, я летел. И вот он милый, приземистый, до боли в груди знакомый домик Капустиных. Сердце в бешеном ритме, кажется, вот-вот разорвется на части. Отчего-то кружится голова. Десятки раз я представлял себе, как подойду к этому дому, как войду, как прижму к груди рукокозую голову Стеши и возьму на руки ребенка и почему-то обязательно — мальчика. На землю опускался тихий летний вечер. Утомленное солнце коснулось горизонта. Не шелохнувшись, замерли в палисадниках кусты черемухи и рябины.

В слабо освещенной горнице я не сразу разглядел всех ее обитателей. Первой, непривыкнув к полутьме, я увидел Стешу. Она стояла у русской печи и смотрела на меня. Она насколько не изменилась, была еще красивее. И вдруг ее глаза стали округляться и наполняться слезами. Стеши узнала меня. Подняв руки с зажатым в них углом передника и прижав побелевшие кулаки к груди, она глухо вскрикнула, покачнувшись, но не упала, оперлась плечом об угол печи, выпрямилась. Потом я увидел девочку лет двух, играющую на полу. Она, поднимая светловолосую кудрявенькую головку, с любопытством снизу вверх смотрела на меня. Девчушка была — копия мамы, но что-то неуловимое в ее личике было и мое.

Сбоку стола вполборота к двери сидел крепкого телосложения мужик в расстегнутой вылинявшей гимнастерке и что-то неестественное было в его фигуре, а что — я никак не мог уловить. И только, когда он, опершись рукой о столешницу, привстал, я увидел эту неестественность: у мужика плетью висела левая рука и не было левой ноги выше колена. Мужик напряженно, сдвинув густые черные брови у переносья, смотрел на меня. Он был по-своему, по-мужицки красив, но угрюм. Я хрипло через силу выдавил:

- Мир и благо вашему дому.

Оглядев, будто опупав, мужик хмуро кивнул на табурет рядом:

- Проходи, гостем будешь, - и когда я уселся, протянул руку. — Иван, а ты, как я понял, Петр? — и повернулся к застывшей у печи Стеши. — Собери-ка, Стеши, чего-нибудь на стол, вечерять будем...

А спустя часа два, когда угомонилась и уснула в кровати Наташенька, а Стеши, убрал со стола, тяжело опустилась на лавку рядом с мужем и застыла с побелевшим, будто мраморным лицом. Иван, угрюмо уставившись неподвижным взглядом в столешницу, заговорил. С огромным напряжением и ждал этого разговора, боялся и предчувствовал неотвратимость «приговора», как казнь. Слова Ивана, будто гвозди вбивались в мой воспаленный мозг и воспринимались с тру-

дом: вначале была боль, а потом уже доходил смысл.

- Мы получали твои письма, Петр. Не отвечали, думали догадаться, поймешь. А ты приехал... Я не осуждаю и не виню тебя, не осуждаю и не виню Стешу. Так случилось. Да, Наташенька твоя дочь, но она и Стешина дочь, а теперь и моя. Тебе надо уехать. Не ломай девочке жизнь, да и нам со Стешей. Знаю, ты не сможешь забыть, возможно, будешь приезжать, чтобы хоть издали посмотреть на свою дочь. Я не могу тебе запретить этого, но имей мужество не причинять боль ни ей, ни Стеше.

Я засобирался уходить. Иван обронил:

- Ночь на дворе. Почуй.

Но я поднялся.

- Стеши, проводи. Вам надо погово-

рить.

Мы долго шли молча по безлюдной уличке. Только у околицы она произнесла:

- Письмо из госпиталя пришло сразу же, как освободили паш район. Я поехала и забрала его домой. Он все понял и простил. Он с виду суровый, а сердце у него очень мягкое и доброе. А потом родилась Наташенька. Прости...

Мой попутчик умолк, и я больше не делал попыток возобновить разговор. Только в конце пути, незадолго до нашего прощания у своротка Петр Михайлович продолжил свой рассказ:

- Ехать мне было некуда, так как воспитывался я в детдоме, и я остановил свой выбор на Колпино. Закончил Ленинградский медицинский институт и стал лечить страждущих в районном стационаре. Пристрастился к охоте.

Ежегодно при открытии сезона ездил на Брянщину, где останавливался в близлежащих с Ключевой деревнях, охотился, тайно навещался к Стешиному дому и издали с тоской наблюдал за играющей во дворе девочкой, а потом статной девушкой, помогающей матери по хозяйству, отмечая каждый раз, как она быстро подрастает и хорошеет год от года, становясь такой же красивой, как и мать.

Стеши с Иваном знали о моих приездах, догадывались о тайных слежках и не препятствовали, да и бессильны были что-то сделать: я ведь не нарушал никаких законов.

...Прошло тридцать лет. Я так и не женился, не нашлось женщины, которая бы вытеснила из памяти и из сердца мою Стешу. Возможно, и наплась бы, если бы я не ездил на Брянщину и не подсыпал постоянно свежей соли на незажившую рану...

А собственных детей у Ивана со Стешей так и не появилось. Бог дал им любовь, но лишил счастья иметь детей, и я искренне сочувствовал им.

Пять лет назад в горьбовицу Пулково Иван прислал телеграмму на мое имя с уведомлением о скоростной смерти Стеши: вконец изношенное сердце не выдержало нагрузки. На похороны я опоздал — слишком поздно передали телеграмму...

А через два года не стало и Ивана. Их могилы находятся рядом в общей оградке. Перед смертью он передал Наташе мои фронтные письма Стеши и все рассказал. В тот же год Наташа приехала ко мне в Пулково.

...У меня двое внуков. Старший служит в Армии в ВДВ, младший поступил в МГУ. Выезжая из Колпино на Брянщину в деревню Ключевую, я обязательно останавливаюсь в Москве и гошу у младшего внука, ходим с ним по музеям, выставкам и другим достопримечательностям столицы...

А вот и Ваш сюжеток!

г. Новокузнецк.

Александр ВАСЮНОВ

Васюнов Александр Иванович родился в 1950 году в городе Ялта, Крымской области. Среднюю школу окончил в Алтайском крае. В 1972 году окончил Новокузнецкий государственный педагогический институт, естественно-географический факультет.

С 1972 года учительствовал, служил в армии, трудился директором в средней школе города Таштагола. С 1981 года по 2000 год служил в рядах МВД, в звании подполковника вышел в отставку.

С 2000 года работал на Таштагольском руднике начальником штаба ГО и ЧС, затем в дирекции по безопасности ЕВРАЗруды.

Самые большие увлечения - это рыбалка, тихая грибная «охота», строительство и перестройка дачи. Александр Иванович женат, у него двое детей и уже трое внуков.

Очень любит природу Горной Шории. В 1972 году попав в этот восхитительный край, Александр влюбился в горы, распадки, вековые кедры, курумники... В свободное время пишет рассказы, которых накопилось за бурную жизнь очень много.

На берегах Маралихи

**«Детство тем и хорошо,
что каждый взрослый в нем
— учитель».**

Воспоминания о детстве, запомнившиеся фамилии и имена сверстников, одноклассников... Вижу свое детство глазами взрослого, пожившего и повидавшего человека.

Многое стерлось в памяти: точные даты, события, некоторые имена, фамилии, лица. Однако память часто возвращается туда, на мою малую Родину - в предгорный Алтай, к широкому, с бурными перекатами Чарышу и речке моего детства с восхитительным названием Маралиха, которая течет в предгорьях по ровным полям, заросшим ежевикой, калиной и боярышником. Местами ее берега круто обрываются вниз.

Хорошо помнятся дороги, ведущие к селу с одноименным названием от Усть-Козлухи, Харлово, Камышенки, Куйбышева, Краснощекова, через Суётку или Акимовку.

К родной деревне, раскинувшейся в долине между лысых сопок, поросших седым ковылем, всё чаще возвращается меня память. И вижу сквозь годы едва видимые вдали белки Башчелакского хребта, в сизой дымке просматривается гора Синюха, тополиная роща, в долине скифские курганы в котловине, а по горам лесополосы из кизенов, тополей и сосен - светятся из глубины времени...

Рассказывая о далеких и теперь недоступных годах детства, я оставляю за собой право, видеть прошедшее глазами взрослого человека.

В моих рассказах присутствуют воспоминания о событиях, случившихся со мной и с моими друзьями, товарищами. В них будет присутствовать юмор, художественный вымысел, ирония и грусть о прошедшем, но ярко запомнившимся времени.

Возможно, я немного идеализирую людей, события, вижу их сегодня несколько в другом свете. Отнесите это на счет ностальгии по ушедшему в небытие замечательному времени. Некоторых героев моих рассказов уже нет сегодня среди нас, они ушли, но память о них существует.

Писатель Александр Купер сказал: «Иногда мне приходилось домысливать забытые детали и восстанавливать ситуации, цвет, запахи, речь героев. Часто я старательно прокладываю мостки между прошлым и настоящим. Разумеется, все

это субъективно. Но это мое детство (моя жизнь), именно таким я его и вспомнил».

Мое детство не было праздничным. Случалось всякое. Но именно в эти замечательные годы люди, окружавшие меня, научили, может быть, самому главному — доброте. Я благодарен всем за эти уроки.

Возможно кто-то, читая мои произведения, вспомнит эпизоды из своего детства, узнает похожие истории, произошедшие с ним.

«Тёмная ночь...»

Мама моей посвящается

Отец в очередной раз в длительном отъезде. Мама, я и сестра Тамара лежим поздним зимним вечером под одеялом на одной кровати. Мама беременна, и пока мы не знаем, что будет у нас еще и сестренка Нина.

Наша изба, в которой есть только кухня и комната, стоит рядом с тополиной рощей. Ее построил в конце деревни отец своими руками.

Из тополиной рощи раздаётся то треск, то скрип. Иногда в роще кто-то стонет, щелкает, слышны автоматные очереди (это нам так казалось). Самым жутким было уханье филина, почему-то сильно полюбившего окрестности около нашего жилища.

Мама в то время его крики воспринимала как звуки, издаваемые лещим. При-

слушивалась и просила, чтобы мы вели себя тише, громко не разговаривали. Филин, будто чувствуя, что его боятся, ещё громче ухал, крихтел, хохотал. Казалось, он жаловался на свою горькую судьбу. Наверное, плохо быть брошенным в зимнем холоде на одиночество.

Электричества не было. По вечерам мама зажигала керосиновую лампу. Если не было керосина или разбавленного солью бензина, избу освещали жировиком, то есть поджигали фитилек из намоченной в подсолнечном масле тряпочки, положенной на блюдце. По утрам свет шел от затопленной русской печи.

Лежали мы в тот вечер в темноте с едва различимым светом из маленького окна в комнате. Мама рассказывала нам, как всегда перед сном, какие-нибудь истории, сказки, пела песни, которых знала очень много.

Особенно нравились и запомнились народные песни: про черемуху, рябину кудрявую. Торжественно звучали песни военных лет: «22 июня, ровно в 4 часа...», «Идёт война народная». Но ярче всех запомнилась «Тёмная ночь».

Вспоминала мама о начале войны и как они, молодые, после вручения комсомольских билетов, радостные, пришли из района в деревню, а им сказали, что началась война. Были истории и про Заполярье, где мама работала на восстановлении разрушенного хозяйства, про мою родину - Ялту и наш дом у моря на берегу речки, и землетрясение. После очеред-

ных рассказов я попросил спеть что-нибудь.

На сей раз мама запела песню, начав словами: «Тёмная ночь, только пули свистят по степи...» Я был очень впечатлительный. От первых слов песни замер и представил живую картину происходящего. Песня целиком захватила мое сердце. Затаив дыхание, я слушал её, впитывал в себя слова и детским умишком понимал их глубокий смысл.

После слов: «...и у детской кроватки тайком ты слезу утираешь...» мне сильно захотелось плакать. Сначала я начал всхлипывать, а потом заплакал на полном серьёзе. Слезы обильным градом лились из глаз. Я заревел. Меня поддержала сестра Тамара, которая громко заплакала, видно, в знак солидарности со мной. Немного спустя к нам присоединилась и мама, а было ей тогда немногим более тридцати лет.

Выплакавшись, всхлипывая, стали немного успокаиваться. Слезы перестали бежать из глаз. Мама спросила:

- Саша, почему ты заплакал?

Ответил:

- Жалко тётю. И её мужа жалко, ведь его могут убить на войне. И девочку тоже жалко. Она одна без папы, как и мы.

Мама, прижимая нас к себе, стала успокаивать и рассказала, что после войны папа непременно вернётся домой к жене и дочке, и всё у них будет хорошо.

Утром мы с сестрой проснулись от звуков потрескивающих дров. По стенке бежали блики. И в избе пахло очень вкусно. Это мама готовила завтрак...

Прошло много времени с тех пор. Нет той избы, в которой мы когда-то жили. Состарились и попадали те тополя, на их месте выросли новые, незнакомые. Подмыл берег и ушёл в новое русло Чарыш. Ушла в мир иной и наша мама. Светлая ей память.

Но особое отношение к этой песне, её смыслу и сочетанию слов, звучанию мелодии, вызвавших тогда мои слёзы, так и остались. И живут во мне до настоящего времени.

Ядовитая рыба налим

Было это весной 1958 года.

Как всегда, маленький приток Чарыша, речка Маралиха, после ледохода разлилась, затопив всю долину. Летом эта речка тихая, спокойная, ее берега зарастают ивняком, калиной и боярышником, а заводи — камышом и рогозом. Можно в любом месте перебраться на другой берег

вброд. По весне она становилась опасной для смелых пацанов своими омутами, подмытыми берегами.

Помня об опыте прошлого года, решили мы с другом Толяном отправиться на рыбалку, пока вода в реке была мутной. Мы уже знали про таких рыб, как окунь, чебак, пескарь и могли их различать.

Отправились на Маралиху после обеда, ближе к вечеру. Рыба клевала в этот день отменно. Для нас улов был просто замечательным. Снизки с рыбой имели приличный вес, а потому мы засобирались домой.

Тут я вытащил на берег диковинную рыбку, каких еще никогда не видел. Она была, как мне показалось, огромных размеров. Рыба была зеленоватой, пятнистой и имела усы. Длинное змеевидное тело, с таким же длинным, неприятно извивающимся хвостом и какими-то особыми вытаращенными глазами на приплюснутой голове. Рыба лежала на молодой траве недалеко от крутого берега, раскрывая жабры.

Начали ее с опаской рассматривать. Потрогали палочкой, рыба начала извиваться как змея.

Рыбалка была, конечно, окончена, так как рыбина глубоко заглотила крючок, а вытащить мы его побоялись. Сидим с Толяном, размышляем, как же нам дотащить домой эту добычу.

В это время мимо проезжал на велосипеде наш односельчанин, сосланный на Алтай бывший полицейский. Впоследствии он женился на местной женщине и остался в селе.

Подъезжает мужик к нам, видит, что два пацана сидят и смотрят на большую рыбку и боятся взять ее в руки.

- Что выловили? — спрашивает он нас.

- Рыбу.

- Эту рыбу есть нельзя, она вредная для организма.

Подошел к нам, вырвал у рыбины крючок изо рта, забрал нашу добычу, уехал в деревню.

Приходим домой, я рассказал отцу о странной рыбине, пойманной нами. Примерно рассказал и об ее размерах. Отец пояснил, что пойманная рыба — налима, съедобная и очень вкусная рыба. А нас просто обманули.

Так я впервые поймал налима.

Надо сказать, что с этим человеком мы встречались еще ни один раз, и каждая встреча ничего хорошего нам не принесла. Так продолжалось до тех пор, пока мы не повзрослели и смогли за себя постоять.

«Солнце» вместо физики

В далекие советские времена в школах работали разные учителя. Одни были фанатами педагогики, стремились дать ученикам прочные знания, привить любовь к своему предмету. Встречались и такие, которым было все равно, что знают ребята, лишь бы время шло, да зарплату платили. Короче для таких людей программный предмет был помехой для занятий любимым делом.

В школе, где мне довелось учиться, работал преподаватель физики. Только физики он совсем не знал. По образованию был учителем физкультуры. В действительности же он был легкоатлетом, успешно выступал в соревнованиях по гимнастике.

В нашу школу попал по случаю. Его подруга распределили к нам после института. Так что движимый сердечными делами, он прибыл вслед за ней. В те времена после окончания вуза молодой специалист был обязан отработать три года по месту распределения, в противном случае лишался диплома.

Учитель физкультуры, прибывший на

работу к нам, естественно, не мог претендовать на полную нагрузку. Часы физкультуры были уже распределены. Директор школы «догрузил» преподавателя часами физики в шестых и седьмых классах, видимо, полагая, что мужик должен хорошо разбираться в этом серьезном предмете.

Как он вел уроки физики, было не постижимо.

Запомнилось, что входил в класс, открывал учебник и перечислял темы, которые надо проходить, при этом мимоходом говорил, что такую-то тему мы можем изучить сами. Листал учебник дальше и на какой-нибудь странице задерживался, нацеливая нас на то, что эта тема нам в жизни совсем не пригодится.

Прокомментировав, таким образом, с десяток параграфов, он говорил: «А теперь достаньте дневники и запишите домашнее задание: выучить с первого параграфа по семнадцатый».

Далее наш «физик» с основами гимнастики командовал: «Уберите портфели в парту. Всем выходить на улицу в школьный двор. Буду показывать вам, как правильно сделать сальто и «солнце» на турнике».

Мы были рады тому, что не надо сидеть в классе и корпеть над заданиями. Выскакивали на улицу и, разинув рты, смотрели на то, что он вытворял на турнике. Все ребята были в восторге от его упражнений, но знаний по физике у нас не прибавлялось.

Сочинение на тему «Как я провел выходной день?»

Молодая и красивая учительница русского языка и литературы Зинаида Григорьевна Ефремова очень нравилась нам, пацанам. У нее была идеальная фигура и пышные, выхоленные пепельные волосы.

В деревне она осталась после отработки обязательного стажа после окончания института из-за того, что вышла замуж за нашего местного парня — водителя грузовика.

Зинаида Григорьевна много делала для того, чтобы ученики стали грамотными и умными людьми. Для этого использовала весь арсенал знаний, полученных в институте. Поощряла написание сочинений даже в поэтической форме. То есть ученики приобретали первый опыт написания литературных опусов.

Для тренировки навыков изложения на бумаге своих наблюдений в обществе и природе и, конечно, для проверки грамотности учительница использовала свой любимый прием — сочинение. После выходных она задавала задание: написать сочинение на тему «Как я провел выходной день».

Мы должны были передать на бумаге свои впечатления о пользе прошедших выходных, а заодно учительница всегда была в курсе того, чем занимались мы по воскресениям.

Писали эти сочинения все ребята нашей школы. Досталась эта участь и мне, и моему двоюродному брату Вовке Зубову, в те годы ученику пятого класса.

После проверки сочинений Зинаида Григорьевна некоторые заслуживающие внимания опусы зачитывала перед классом. Такие чтения сопровождалась не всегда лестными комментариями преподавателя и абсолютно расходились с мнениями самих авторов.

Литературные произведения местного уровня учительница подвергала такой критике и всеклассному обсуждению, что напрочь отбивала у школьника всякое желание заниматься дальнейшим сочинительством.

Практически все мы, ученики нашей школы, прошли через это разбирательство и никак не попали в разряд начинающих писателей.

Хочу рассказать об одном эпизоде из школьного периода нашей с Вовкой жизни. Он как раз и предшествовал написанию очередного сочинения на тему «Как я провел выходной день».

Случилось это в ноябре. Я учился в седьмом классе и имел семилетний опыт летней рыбалки на удочку. Столько же его было и у моего закадычного друга Толяна Суворова по кличке Прораб. Прораба он получил за дело. Вот, скажем, заходил он за кем-нибудь из пацанов позвать поиграть на улице или порыбачить, а того заставили родители какую-то работу сделать. Толян усаживался на крыльце или завалинке и вместо того, чтобы помочь быстрее задание выполнить, постоянно подгонял.

- Что медленно работаешь? — крикивал он. — Давай быстрее. На реку надо идти, а то клев пропустим.

Сидеть он мог долго, до тех пор, пока родительское задание было полностью выполнено. Подружились мы с Толяном из-за того, что оба получали удовольствие от общения с природой, рекой и от ловли рыбы.

Рыбалка у нас была любимым времяпровождением. Начинаясь она с ранней весны и продолжалась до глубокой осени по открытой воде. Родителям часто некогда было следить за нами и заниматься воспитанием, так как они были заняты на работе, да и дома дел было много.

С наступлением зимы походы на речку прекращались. А желание оставалось. Наслушавшись по радио и начитавшись разных рассказов о зимней рыбалке, я имел отрывочные знания о морышках, зимних блеснах, жерлицах, пешнях, льобурах. Практический же опыт отсутствовал напрочь, как и зимние снасти.

Я смастерил подобие зимней удочки для себя, Вовки и Толяна из обыкновенных палок — вершинок тальника, просто к ним прицепил леску ноль-тройку и крючок. В ближайший выходной день мы решили с утра сходить по первому льду на маленькую равнинную речушку Маралиху. Если же не повезет и удачи не будет, перебраться на другую сторону долины, на заливы и протоки Чарыша.

Утром по темноте пришел ко мне домой Вовка, потом Толян, и мы втроем отправились на Пришибь. Это такое место на реке в четырех километрах от села. Здесь летом ловили отменных окуней. Вместо пешни у нас с собой был топор.

Сделали топором лунки. Забросили удочки, сидим...

На червяка, насаженного на обыкновенный

крючок, окунь категорически не желал ловиться, несмотря на всевозможные наши ухищрения и перемещения по очень тонкому, прозрачному льду.

Промучившись все утро, так и не поймав ни одной рыбки, мы решили переменить место лова и перейти на другую сторону долины. Путь наш лежал по убранному полю с остатками скошенной на силос кукурузы, по отавам и молодому ивняку. Миновали старые скифские курганы. Проходя мимо, огибали их стороной и шли в полном молчании. Поднялся на такой курган у нас и в мыслях не было. Это было табу.

Кто только ни встречался нам по дороге. На полях кормилась пестрая рябчик-кеклик. Белые зайцы уносились с бешеной скоростью, едва завидев нас. Куропатки копались в мякине. Мышк-полевки с писком улетаивали из-под наших ног. Много живности в те годы было в нашей природе. Визибили водились они на убранных полях, где можно было найти много еды перед надвигающимися холодами. Поля уже были кое-где покрыты легким, чистым ослепительно белым снежком, а местами одеты инеем. Природа готовилась к долгой сибирской зиме с ее морозами, снегопадами и метелями. Метели наметут в низинах такие плотные сугробы, что по ним легко проскочить на колхозном тракторе и не провалиться.

Разговаривая о чем-то своем ребячьим, мы перешли долину. Зашли на одну из проток Чарыша. Протоку называли Пашиха.

Спустились на лед, прорубили топором каждому по лунке и, не очистив их от ледяного крошева (откуда нам было об этом знать) опустили в эту темную синеву свои немудреные снасти.

И тут началось...

Это был клев!

Клев, который заставил нас забыть о еде и времени. Ловили молча, только иногда оглашая окружающую нас тишину радостными воплями от очередного крупняка.

- Надо же, ловим прямо под собой, — изумленно думали мы, — в каких-то семи-десяти сантиметрах! Удивительно!

Не было у нас никаких кивков, сигнализаторов поклевки, о которых узнали позднее. Ловили «по ударам в руку» полосатых окуней, желтоглазую сорогу, зелено-спинных чебаков. Изредка попадались пескари, подкаменщики и ерши, которых мы равнодушно отбрасывали в сторону.

Кучки улова росли на глазах. Вся подводная братия хватала червячков — влёт, как голодные собаки кусок брошенного хлеба.

Порыбачив на уловистых первых лунках, мы понемногу пришли в себя. Справились с азартом удачи от зимней ловли. Посмотрели на улов и обнаружили довольно большие кучки выловленной рыбы. Задумались: как же все это донести теперь до дома, до которого не менее трех километров.

Проблему транспортировки рыбы решили простым способом. Используя проверенный летний опыт, нанизали всю рыбу на снизки из прутьев краснотала. Так, обвешанные рыбой, уже поздно вечером пришли домой, где были встречены родителями с большим удивлением.

- Чьи-то мордочки проверили? — строго спрашивали нас.

Услышав о том, как ловили на удочку, родители очень удивились. Но факт оставался фактом, перед ними лежала куча свежей, неданно пойманной рыбы.

Наступил понедельник. У пятиклассника Вовки на уроке русского языка было сочинение на тему «Как я провел выходной день». Вовка все наши похождения описал кратко: «Мы с братом и его другом ходили на рыбалку. Поймали на удочки много окуней, сорожек и чебаков. Еле донесли до дома».

Во вторник на уроке русского языка учительница вызвала Вовку к доске, прочитала всему классу Вовкинopus. Потом расхохоталась и сказала, обращаясь ко всему классу:

- Ну, Вова, когда врешь, то надо знать меру. Запомни! Рыбу зимой на удочку ловить нельзя. Не ловится она на удочки зимой.

После этого снова засмеялась и поставила Вовке двойку за вранье.

Так для нас началось приобретение опыта зимней рыбалки, ни с чем не сравнимого удовольствия, которому более пятидесяти лет.

Валькины истории Путь к скале знаний

«Труден лишь первый шаг...»
Варрон,
писатель Древнего Рима.

Валька родился под знойным солнцем полуострова Крым. Он любил тепло и море. Его молодой организм притягивал к шелковице и орехам, яблокам и грушам, которые в изобилии росли в южном крае и щедро его питали.

Однако по воле судьбы и решению матери оказался он в её родном селе. Здесь она когда-то родилась и выросла. Тянуло её на свою родину всегда и отовсюду.

А пришлось ей пожить в Запорожье, где работала на восстановлении разрушенного во время нашествия фашистов. Ялта оставила в памяти тягостные болячки и ожидание невиданного землетрясения, не испытанного ею ни разу до этого.

Тянуло маму в родные края и из Ростова-на-Дону, где они жили в отдельной, благоустроенной квартире, положенной только для семей больших начальников, в престижном доме на главном проспекте Молотова, и из закрытого городка вблизи Новосибирска.

Жизнь в столице Алтайского края Барнауле с её толкотнёй была тягостной. Раздражения прибавлял нахлынувший разгул бандализма и воровства по причине гуманной амнистии, коснувшейся в те годы только воров, жуликов, убийц, хулиганов, мошенников и прочей шушеры. Их выпустили в одночасье из тюрем, а потому они с ещё большей жестокостью устраивали свои вакханалии от нечаянно обретенной свободы.

Не радовали маму, домоседку по натуре, частые переезды вслед за мужем,

Валькиным отцом, носившим в довоенное время кубари, а потом офицерские погоны.

Так переезжая с места на место вместе с матерью и сестрой, Валька оказался в этом большом Алтайском селе Маралиха. Село лежало в большой межгорной долине и на прилегающих склонах окружающих сопок. Здесь протекали река Чарыш и её приток, речка Маралиха. Долина была заполнена польнейю, ковылем и прочей степной растительности с их дурманящими ароматами.

Именно сюда тянуло Валькину мать. Вот и перепела «ночная птица» своего мужа. К этому времени он уже был уволен в чистую из армии. Приехав вслед за женой и детьми, бывший офицер остался здесь до самой смерти.

Так началась сельская жизнь маленького крымчанина на Алтае. Неудачно началась — с сильного обморожения рук и последующей долгой болезни. Узнал Валька и лекарственные свойства гусиного жира, печёного лука, услышал заговоры мудрой бабки Серебрихи. Помогло всё это, и мальчишка вылезил!

Любил воду, озера, реки и, конечно, море. В Крыму Валька очень мог бесконечно смотреть на море и купаться в нём. Оно было то синим и спокойным, с едва набегавшими на берег волнами, то бурным, чёрным, то гневным — штормовым.

Потому полюбил парень реки, текущие вблизи их села, с их весенним половодьем, большими разливами, остатками луж. Нравилось ему, что после ухода полых вод оставались приятные запахи тины, ила и рыбы.

Повзрослев, Валентин познакомился с горными реками, их говором, рёвом и грохотом камней; большими и малыми озёрами, на которых потом часто бывал. Именно здесь он отдыхал душой: рыбачил, охотился, бродил по окружающей их тайге или степям. Полюбил рыбалку и охоту, помня древнюю мудрость: «Время, проведённое на рыбалке и охоте, в годы жизни не засчитывается».

Потому, наверное, и сохранил он до солидного возраста подвижность и тело без лишней жиринки. Остался лёгким на подъём, с весёлым нравом оптимистом: «Что на жизнь жаловаться? Говори всегда, что у тебя всё хорошо и отлично. Всё равно никто не поможет. А только хуже будет от нытья и брюзжания. Так не лучше ли плохое держать всегда при себе».

Валька, а сегодня Валентин Прохорович, с удовольствием слушал соседа по даче, и решил рассказать миру свои истории, передать их бумаге — чистому листу.

Сосед был заядлым рыбаком-охотником, практиком и теоретиком, имеющим всегда своё непререкаемое и не обсуждаемое мнение по любому вопросу. Часто они сидели, вспоминая свои первые яркие впечатления от начального этапа приобретения опыта рыбалки и охоты.

Истории о первой рыбе и дичи, добытой им, с годами становятся всё ярче и ярче — это как первый шаг, первый смех и первые слёзы, первый поцелуй и первое свидание. Всё было в первый раз, а потом... Потом была жизнь с её печалью и радостями, с её простотой и сложностью.

В общем — жизнь

По прошествии лет многое забудется в Валькиной жизни. Что-то совсем сотрется из памяти, а что-то так будет запрятано, что и не найдешь. А без особого настроения вспомнить будет затруднительно.

Свой отъезд в самостоятельную жизнь он будет помнить всегда, а с годами воспоминания будут приобретать все большую четкость и яркую окраску, вплоть до

той тревожности, которая осталась в его душе. В тот день несколько выпускников школы с тоской смотрели на провожающих родственников, стоящих на сельской площади плотной кучкой. Матери жадными глазами всматривались в лица своих повзрослевших детей, тоска и обреченность сквозили в их глазах и фигурах. Они провожали их в самостоятельность. Валька видел, что в толпе стояла и его бабушка Матрена, запорожская казачка в левятом колене, в длинной юбке, фартуке. На её голове был повязан белоглазый в горошек платок.

Ребята хорохорились друг перед другом, чувствуя плотно прижатые плечи своих одноклассников, словно молодые кочеты свисающего смотрели на мам, бабушек и отцов.

...Захлопнулась дверь грузотакси, стоящего у продовольственного магазина. Это была та точка, откуда начинались все поездки жителей села.

«Поехали!»
Машина тронулась с места. Валька увидел, как бабушка перекрестила его, и сделал вид, что ничего не заметил.

Ребята еще не знали, что некоторые вернутся домой очень быстро, испугавшись оторванности от родителей, даже не дождавшись начала экзаменов. Еще одни также скоро окажутся в родной деревне, потерпев фиаско на вступительных.

Вернувшись, они останутся здесь до самой старости.

Другие поступят в различные учебные заведения. Выучатся и, получив дипломы, вернутся в родной край, будут здесь жить и работать, воспитывать своих детей и внуков.

Третьи... Им жизнь и судьба уготовила разные испытания. И будут они приезжать в места своего детства изредка в гости к родителям, вначале на каникулы, потом в отпуск и внепланово по случаю болезни или смерти кого-то из родных.

...Грузотакси тяжело преодолевало затяжной подъем. Уже на макушке сопки ребята вновь увидели улыбающиеся вдаль родные места: мекток с его металлическими конструкциями и бункером, животноводческую ферму, белеющие вдоль улиц и переулков дома с палисадниками, местную достопримечательность — тополиную рощу. Местами блеснула река с берегами, заросшими ивняком, разнотравьем; поля поспевающей пшеницы, кукурузы, цветущего подсолнечника. Вдали синели покрытые зеленью лысые сопки, гора Верблюд и похожая на вулкан Синюха.

Проехали мимо памятника землякам-героям гражданской войны и, спрятавшихся в овражистой балке строений. Выехали на гору, стали спускаться вниз к широкому логу.

- Что ждет вас впереди?
- Что будет с вами дальше?
- Что приготовила вам жизнь, в начале этого пути?

Не было ответа у Вальки и его попутчиков.

Неизвестность пугала, но молодость брала своё. Хотели проверять себя, на что они способны. Смогут ли выжить одни, без родных и близких, которые остались там, под горой в долине.

Стрять к путешествиям проснулась в парне давно и преследовала его в разных формах.

Он смотрел на мир и размышлял. Вот дует ветер. Кого он встретит на пути, кого будет в своем полете ласково обдувать, а кого снесет с ног? По небу плывут облака. Они разной формы. Одни похожи на верблюда, другие на самолет, третьи на паропход с трубой. Сколько же километров они проплывут в вышине? Кто и где будет на них смотреть, и кого они будут радовать своей белизной?

Глядя на текущий ручей, Валька пред-

ставлял себе, как он бредет по нему или плывет по речке на плоту. Доплыв до устья речушки, мальчик мысленно пересаживался на большой теплоход. Вслед теплоходу смотрят с крутых и пологих берегов большие и маленькие города с речными вокзалами, березки машут ветками. Мимо полей и лесов плывет теплоход в голубой горизонт за синюющие дали.

На всю жизнь осталось в Вале желание идти напрямик к горизонту для того, чтобы самому посмотреть: что там скрывается за ним?..

Еще до окончания школы он стал задумывался о дальнейшем житие-бытие. Хорошие оценки в аттестате давали ему возможность дальнейшего продолжения учебы. В руки попала и чаще стала открываться книга-справочник «Куда пойти учиться».

Многие его одноклассники давно определились с выбором профессии. Конечно, все учитывали близость учебного заведения к дому, возможность часто бывать в своей семье и наличие в городе родственников.

Точные науки давались Валентину легко, но не прельщали его.

Разговоры о совместном поступлении они вели с другом Колькой. Однако к ним в гости приехал из Казахстана родственник и сказал, что племянник поедет поступать к ним на истфак, потом будет «расти» по партийной линии. Мать Коли с благодарностью и радостью восприняла предложение, была очень довольна таким решением вопроса и открывающимися перед единственным сыном перспективами.

Друга постигла большая неудача. Потому что на первом же экзамене преподаватель открытым текстом сказал абитуриенту о том, что на столь престижный факультет предпочтение отдается только детям казахов, и что Колька зря приехал в Казахстан из России. Так печально закончилась для Валькиного друга попытка получить высшее образование.

Родители не торопили Валентина с выбором профессии, старались подальше оттянуть время расставания. А потому парень беззаботно после танцев проводил бессонные ночи у своей девушки с простым славянским именем Елена. Они говорили о будущем. Мечты чередовались с несмелыми поцелуями. Чувства переполняли молодых людей. Расставались рано утром, когда уже просыпались хорошие хозяйки и обихаживали своих буренок, занимались хозяйством.

Попытки родителей подсказать, посоветовать сыну что-нибудь парень воспринимал в штыки, со всей силой юношеского максимализма.

- Поступлю куда-нибудь. В деревне не останусь, - говорил он в ответ на предложение родителей начать готовиться к вступительным экзаменам.

В один из вечеров зашел Валентин к своему однокласснику Шурику, плотному, широкоплечему, белокрысому парню. В разговоре с его сестрой Любашей, работавшей в местной школе пионерской вожатой, он впервые услышал о геофаке, Новокузнецком педагогическом институте. Любаша говорила, что учеба там сплошное удовольствие, особенно из-за практик на природе.

Дома Валентин открыл справочник и прочитал все, что касалось геофака. Вспомнилось ему сочинение, которое он писал в конце девятого класса на тему «Кем быть?».

Он всегда хотел знать о природе как можно больше. Хотел путешествовать.

Все стало постепенно «срастаться». Вступительные экзамены надо было сдавать по тем предметам, по которым у него был хороший объем знаний. Ведь он много читал дополнительной литературы о природе.

Набравшись храбрости, оповестил родителей о своем выборе. Затем с полной ответственностью засел за повторение нужных предметов.

Его одноклассники один за другим уезжали из села. В один из летних вечеров Лена, объявила, что их семья уезжает. В поисках лучшей жизни отец девушки подался в теплые края и теперь вызывает туда всю семью. Валька потерял сон.

Последнее свидание. Поговорить толком не удалось, так как увязалась с ними Ленина подруга Дуся. Она не отходила ни на шаг. Не знал тогда Валентин, что девушка давно влюблена в него.

В сиреновом рассвете июньского утра стояли они втроем. Лена и Валя общаются друг другу встретиться вновь. Однако в душе понимают, что жизнь их разводит в разные стороны.

Отпечатался в душе Валентина тонкий девичий стан, пушистые светлые косы, стыдливый прощальный поцелуй (на глазах у подруги) и слова: «Помни меня! Еще встретимся!» Не пришлось больше встретиться Валентину со своей первой любовью. Учеба, два лета, проведенных в стройотрядах, не дали ему возможности побывать дома, когда там гостила Лена.

Мама написала ему в письме, что заходила девушка в гости, смотрела фотографии его студенческой жизни и сказала: «Нет, тетя Нюра, не увижу больше я вашего Вальку. Там, где он учится, много девочек. Забудет он меня».

Переписка их стала затухать. Стал исчезать в памяти ее образ. Через своих одноклассников слышал он, что интересовалась Елена его житием-бытием вплоть до самого замужества.

...К середине лета в Валькиной семье все было решено — поступать в пединститут! Но колхоз воспротивился, не захотел отправлять свою молодежь в город. Очень нужны были молодые, сильные руки в деревне.

По стране активно пропагандировали создание комсомольско-молодежных бригад. Не миновала эта акция и Валькин выпуск. На встрече с молодежью председатель сулил им горы золотые, учебу за счет колхоза, но после двухлетнего колхозного стажа. О том, что могут признать на службу в армию — речи не было.

Отец Валентина благодаря своему авторитету с большим трудом решил эту проблему. И председатель сельсовета (справный, с двойным подбородком, красной бычьей шеей), отдавая парню паспорт, смотрел в сторону и зло говорил: «Поезжай куда хочешь, назад можешь не приезжать!»

«Будто еду в другое государство», — подумал про себя парень. Он еще не знал, что председатель еще не раз укорит его родителей за отъезд сына.

По-прежнему Валентин ходил в новый клуб по вечерам. Ирали в бильярд на интерес. Интересом было фруктовое вино, которое продавали в магазине в двухлитровых банках. Катали новые слоновые шары по такому же новому зеленому сукну. Да и кии были настоящие, еще не побитые о шары и края стола.

Отправили с Любашей документы в институт и стали ждать. В середине июля пришло заказное письмо. Это был вызов на экзамены.

Началась серьезная подготовка к вступительным. Очень не хотелось осрамиться перед председателем. Тем более; что паспорт выдан был только ему, остальные ребята получили справки с печатью сельсовета. О том, что работать придется в школе и преподавать географию, Валентин еще не думал. Для него было главное — поступить.

Однажды он проводил домой Дусю после вечернего киносеанса. Она поведала о том, что тоже будет поступать, но на

филфак. Училась девушка слабо, но была родственницей директора крупного совхоза. Видно поэтому и поступила. Поговаривали, что он заплатил баранами за ее экзамены.

Пришла пора Валентину отправляться в дальний путь.

Часто вспоминалась ему последняя ночь в родительском доме перед отъездом. Тревожно, с жалостью и непониманием смотрели на него младшие сестренки и братишки. Укралкой мама вытирала глаза кончиком платка. Хмурясь, отец пытался внушить ему уверенность в завтрашнем дне, наказывал не насовать перед трудностями, ничего не бояться. «Человек рожден для борьбы».

Как однобоко Валька понимал тогда эти мудрые слова отца. И только по прошествии времени до него дошел смысл того, что ему говорили...

После поступления, теперь уже первокурсник пединститута, приехал домой за вещами, а учительница их школы спрашивает:

- Ну и сколько баранов твой отец заплатил за поступление?

И Валентин гордо ответил:

- Я поступил сам, баранов у нас никогда не было.

Этот разговор стал достоянием всей деревни. Не поверила учительница в истину слов. А в семье Валентина вставала другая проблема: поступить-то поступил, а на какие средства жить в городе? Где на это взять денег?

Финансовый вопрос в семье стоял очень остро. Деньги рассчитывались от пенсии до пенсии. В колхозе платили мало и редко: обычно в конце года, после сдачи государству урожая. Это Валентин прекрасно понимал, когда смотрел на израненного на двух вынах отца, на натруженные руки матери, на ее ноги в крупных узелках вен.

«Как-нибудь проживу», — думал первокурсник, глядя на осунувшиеся, худые лица родителей. Он чувствовал, что своим поступлением усложнил их и так не легкую жизнь.

Сурово встретил Новокузнецк абитуриента Вальку. Хмурое утро было заполнено чадом металлургического гиганта и ревом маневрового паровоза.

Как иногороднему ему дали место в старой, обшарпанной общаге, рядом с этим гигантом прошлых лет. Днем и ночью в трехстах метрах от общежития дышали домами легендарного металлургического комбината — КМК.

Вступительные сдавал легко, играючи. Гонял по голове мысль: «Хоть среди умных побуду!» Но на химии пришлось туго. Конкурс в тот год был огромный. Прошлогодние одиннадцатиклассники и они, нынешние выпускники-десятиклассники. Любаша жила в другом общежитии и экзамены сдавала с другой группой, так что пообщаться времени почти не было. Повторял материал, учил формулы. От соседа по комнате, такого же бедолаги, как и он, услышал о том, что Любаша получила тройку и готовится возвращаться домой. Обещает приехать поступать на следующий год.

Наступил день экзамена. Валентин знал, что принимают двое. Особенно злостовал мужик, учитель из средней школы. Видно, у него была определенная задача — уменьшить количество претендентов на поступление, то есть побольше «завалить».

За преподавательским столом сидели двое: миловидная женщина и тот самый мужик. Подготовился Валентин к отплету и стал ждать своей очереди.

Женщина-экзаменатор улыбается и говорит:

- Идите отвечать, молодой человек.

А ему, как будто шлея под хвост, по-

пала, говорит:

- Нет, я пойду к мужику.

Знал, что может завалить. Сел перед этим преподавателем. Уверенно ответил на два вопроса, а третий по органической химии был о теории Бутлерова. Сидит Валентин и понимает, что все мысли из головы вылетели. Не может он ничего вспомнить. Хоть тресни! Разозлился на себя и чисто механически говорит преподавателю:

- Скажи первую фразу...

Тот, видимо, уже подустал и тоже механически говорит первые слова... Вальку как прорвало. Перебивая экзаменатора, торопясь и захлебываясь, он выдает все, что знает по теме. Преподаватель в растерянности и удивлении смотрел на абитуриента, ведь сам подсказал. Дополнительные вопросы Валентина не сбили с курса, он отвечал точно и азартно. На их словесную дуэль с изумлением смотрели все присутствующие в аудитории.

После зачисления одна из студенток рассказала: «Я считала, сколько вопросов он тебе задал. Получилось более двадцати». Довелось первокурснику Валентину свидеться с тем преподавателем. Тот приходил в институт по своим делам, увидел своего оппонента, ползвал к себе и говорит:

- Из всех абитуриентов, сдававших мне химию, тебя я запомнил, наверное, на всю жизнь. Есть у тебя цель. Ты хорошо знаешь, как до нее дойти. На экзамене тебя выручила уверенность в знаниях, беспощадность и своевременная наглость... А мне ведь попало за ту подсказку...

Много позже, уже будучи дипломированным преподавателем, Валентин часто видел один и тот же сон.

Слет экзамен по химии, берет билет. Надо эти отвечать, а Валентин не знает, что говорить. Ничего вспомнить не может. В панике просыпается, приходит в себя, а очнувшись, думает: «Как хорошо, что это только сон!»

...Было зачисление. На курс набирали семьдесят пять студентов и десять кандидатов. Они будут дышать в спину, чтобы занять место, если тебя отчислят. Не дождутся!

В приемную комиссию он входит семидесятью. Подкачала «четверка» зверя-химика! Декан, низкорослый, с бритой головой мужик, спрашивает, почему на Алтае не стал поступать:

- Чего же тебе в Новокузнецке надо?

- Город сильно хороший, и девушки абитуриентки красивые и умные, — нахально отвечает наш герой.

Декан через массивные стекла очков в роговой оправе на него глянул и снова спрашивает:

- А работать после института где будешь?

- Только в деревне!

- Иди, — отправил его декан, — смотри результаты зачисления.

И Валентин был зачислен на первый курс естественно-географического факультета Новокузнецкого пединститута. Возможно, этому способствовало желание абитуриента Валентина работать в деревне, а может, быстрый ответ на вопрос декана.

Во время подготовки и сдачи экзаменов алтаец бродил по городу, чтобы ознакомиться с улицами и достопримечательностями Новокузнецка. Часто забредал в Сад Металлургов, в кинотеатр «Коммунар». Именно здесь собирались любители «покатать шары по зеленому сукну». Вначале парень просто наблюдал за игрой городских асов. Игроки в бильярд называли друг друга по имени-отчеству, вроде бы и вежливо, а с другой стороны — это выглядело, как подчеркивание своей особой касты. Шеголенато одетые, с набриолиненными модными прическа-

ми, бильярдисты резко отличались от окружающих их людей.

Игроки заметили молодого человека, не первый раз с интересом наблюдавшего за очередной партией. Как-то однажды дали ему старый, побитый кий, который удобно подошел к рукам Валентина. Мужики опробовали новичка в игре.

Особенно к нему присматривался некто Семен Петрович. Сорокалетний мужик, занятый игрок, носил узкие по тогдашней моде брюки-дудочки, цветную рубашку, на которой плескалось синее море и росли зеленые пальмы.

Он начал расспрашивать новичка о жизни, о том, откуда он прибыл в Новокузнецк. Его вопросы отличались краткостью, лаконичностью и точностью. Поглядывая на Валькину фланелевую рубашку, простежки брюки и туфли фирмы «Скорострел» расспрашивал Семен Петрович о семье, об отце и матери, про братьев и сестер. Хмыкнул, узнав, что семья переехала в Сибирь из Крыма. Как бы между прочим, то ли в шутку, то ли всерьез, рассказал и о себе.

В результате парень неофициально был признан своим среди профессиональных игроков и за полные губы получил кличку «Робсон». Так звали очень известного американского певца, негра Поля Робсона.

Встречи с новыми приятелями продолжались и после начала занятий в институте. Случалось выигрывать у этих профессиональных игроков одну-две партии.

Подмечивались новые знакомые над его алтайско-казачье-российско-хохлацким говором, но как-то по-доброму, не унижая человеческого достоинства парня. А когда чувствовали, что совсем парню туго приходится в финансовом положении, неслароком проигрывали ему на интересе рублей десять, а то и пятнадцать, которые очень выручали при его хроническом безденежье.

Их помощь была бесценной, особенно в первый учебный год, когда приходилось совсем туго. Благодаря дружбе с бильярдистами стал у Валентина расширяться круг знакомых, в том числе и среди местных знаменитостей, которых знал весь «брод».

Через много лет вспоминал Валентин своих приятелей. При всей их бульдожьей хватке, когда дело касалось выигрышей, проигрышей, выплаты долгов, они никогда не пытались пристрастить молодого человека к ненужным привычкам.

При этом говорили: «Робсон, не торопись, у тебя всё впереди. Успешь еще вкусить эту гадость и курево. Пока будешь бегать на соревнованиях за участки и цеха комбината. А мы будем смотреть на твои забеги». Студент первого курса был благодарен своим приятелям, что заметили в нем тягу к легкой атлетике. Видимо, не пропала даром его подготовка к поступлению в зенитно-артиллерийское училище. В детстве он до начала школьных занятий часто пробегал восьмикилометровые дистанции. Помогла ему закалка, когда предложили выступать на спартакиаде КМК. За кого он только ни бегал на городском стадионе в два первых года учебы? Платили металлурги щедро: и продуктами, и деньгами, да и спортивная форма оставалась на память.

И сегодня помнит Валентин своих случайных доброжелателей, которые поддержали его на первых порах самостоятельной жизни. Конечно, не все у них было ладно с Законом. Но взрослые мужики никогда не склоняли юношу к нарушению Закона, порядка... Сегодня их уже нет в этом мире...

Вспоминаю о тех далеких временах, Валентин Прохорович мысленно благодарит их за эту доброту. «Вечная память вам, — думает он, — мои добрые друзья».

г. Таштагол.

Анатолий ГУЛЯЕВ

Его Новокузнецк и не только...

С Виктором Григорьевичем Старченко я знаком с первого дня своей учёбы в первом классе прокопьевской (усвятской) начальной школы № 43. То есть, с первого сентября 1958 года, когда мы с ним начали вместе учиться в одном классе, у одной и той же учительницы. За все последующие наши школьные годы мы с ним не единожды сидели за одной партой, а после занятий в школе вместе же проводили своё время, занимаясь спортом (катались на лыжах, играли в хоккей) и многими другими нашими ребячьими делами.

Не могу сказать, в каком классе и в каком году у нас с ним зародилась мечта, стать лётчиками, но, вероятно, когда учились ещё в начальной школе, поскольку отчётливо помню, как мы с ним «бомбили» слепленные из пластилина фашистские танки со своих пластилиновых самолётов. Позднее, делая модели планеров и пуская их с горы, мы радовались, когда они полоню детали в воздухе...

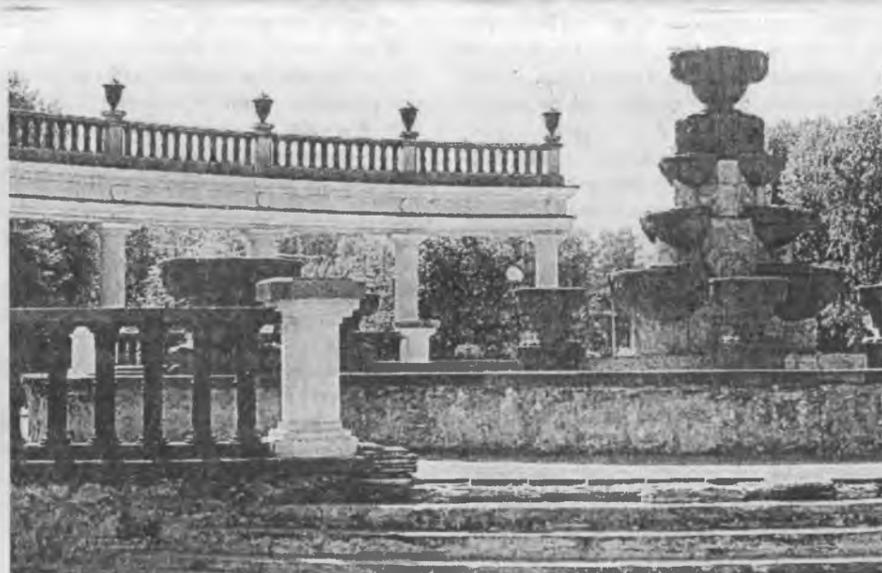
По «субъективным» причинам в девятом классе жизнь развела нас с Витей в разные стороны: я пошёл работать и начал учиться в вечерней школе, а он продолжал учиться в родном нашем классе до окончания школы. Отчего среднюю школу он окончил в 1968 году, на один год раньше, чем я. После чего, придерживаясь нашей давней мечты, подал документы для поступления в военное лётное училище...

Но выучиться на лётчика ему суждено не было. Потому как в военкомате шахтёрского города Прокопьевска молодых «орлят», видимо, не любили и, как правило, «разрядками» в лётные училища не «баловали» (ни в одно военное лётное училище страны). Отчего Вите начали предлагать поступать учиться в другие военные училища (общевоинские, танковые и так далее). Категорически отказавшись от предлагаемого, он забрал свои документы и отвёз их в СМИ (Сибирский металлургический институт) Новокузнецка. Куда немногим позднее и поступил учиться на литейное отделение металлургического факультета.

В 1973 году окончил институт, получил диплом и специальность инженера-металлурга...

Я годом позднее окончил среднюю школу и так же, как и он (голом ранее), подал документы в военкомат с просьбой зачислить меня кандидатом на поступление в военное лётное училище. Но, так же, как и Вите, и для меня желаемого там не оказалось. До сих пор думаю об этом и не могу понять, то ли прокопьевским пацанам дорога в лётные училища была «заказана», то ли работники военкомата авиацию не любили и молодым «орлятам» крылья «обрезали» сразу же... Отчего и мне тоже начали предлагать поступать учиться в Омское танковое или в общевоинское училища. От которых я, так же, как и Виктор, отказался. Но поскольку мечта об авиации была, то, в конце концов, я согласился на поступление в Ачинское военное авиационно-техническое училище. В которое поступил и окончил в 1972 году. В 1983-м году я окончил и Киевское ВВАИУ, получил диплом и специальность военного авиационного инженера.

Поскольку на военной кафедре СМИ

готовили танкистов, то после окончания института Виктора, как тогда было принято, призвали на два года на службу в армию офицером, командиром танкового взвода, в одну из воинских частей, дислоцированных вдоль границы нашей страны с Китаем, в город Бикин Хабаровского края.

И как-то так получилось, что тогда в первых своих офицерских отпусках мы, два молодых лейтенанта, встретились... После чего вновь расстались более чем на два десятка лет. После этого, когда я уже уволился из армии, став военным пенсионером, вновь встретились – накоротке – и вновь расстались более чем на десять лет...

И вот летом 2014 года судьба или жизненный случай вновь свели нас и даже предрасположили к обоюдно желаемым беседам. Рассказав Виктору о себе как другу своего детства, я внимательно начал слушать его рассказ о его жизненном пути и делах:

– Ну, что рассказать тебе о себе? Отслужив в армии, в 1975 году вернулся в Новокузнецк и всю свою трудовую жизнь отработал на ЗАПСИБЕ, в литейном цехе. Свой трудовой путь начал с формовщика

четвёртого разряда. После чего назначили меня мастером формовки, потом старшим мастером, начальником участка чугунного литья, заместителем начальника цеха по производству и в 2007 году – начальником литейного цеха.

Литейный цех – это, можно сказать, завод внутри завода. Каких только производств в нём нет. Тем не менее, как и везде в чёрной металлургии, производство тяжёлое, грязное, шумное и дымное... Романтического труда, как в авиации, у нас нет!

Однако творческую работу, которую без каких бы то сомнений можно назвать искусством, делать мне приходилось, – сообщил он и не без гордости улыбнулся.

– С этого места и поподробнее, пожалуйста, – шутя, попросил его я.

– Искусством я называю художественное литьё: фонтаны, памятники, барельефы, мемориальные доски, ограды, стелы и фонари делают наш Новокузнецк красивым и привлекательным не только для жителей города, но и для приезжающих к нам многочисленных гостей. Кроме того, литейный цех выполнял заказы на изготовление художественного литья для украшения скверов и улиц многих других городов: Томска, Осинников, Таштагола, Белокурихи... и других городов, и регионов Западной Сибири.

В 1999 году литейщики Запсиба выполнили уникальную творческую работу, ставшую символом мастерства литейщиков. Шла реставрация единственного, сохранившегося за Уралом фортификационного сооружения – Кузнецкой крепости – памятника федерального значения 18 – 19-го веков. Специалисты литейного цеха при консультации учёных Санкт-Петербургского артиллерийского исторического музея, в содружестве с реставраторами Кузнецкой крепости, по старинным чертежам не только отлили, но и полностью изготовили:

- двенадцать крепостных двенадцатифунтовых орудий на крепостных лафетах;
- два однофунтовых орудия на полевых лафетах;
- две двухпудовые крепостные мортиры;
- две однопудовые крепостные мортиры;
- две мортиры системы Кугорина;
- две трёхфунтовые драгунские мортиры.

В 2004 году литейщики Запсиба отлили и изготовили бюст героя русско-турецкой и русско-японской войн – генерал-лейтенанта Путилова Павла Николаевича, несколько лет проживавшего в Кузнецке до гражданской войны, бюст был установлен в Кузнецкой крепости в тот же год, в июне месяце.

В 2004 году на территории Новокузнецкой городской клинической больницы № 1 у входа была установлена скульптура богини ГИГИЕИ (ГИГИЕНА). Богиня держит вазу, которую обвивает змея. Надпись на скульптурной композиции гласит: «Человек может сделать путь великим, но великим человека делает путь». Автором композиции является скульптор Е.Е. Потехин. Скульптура выполнена в нашем литейном цехе, нашими людьми.

В 2005 году литейным цехом отлит колокол для скульптурной композиции «Святой крест с колоколом». Скульптурная композиция установлена на месте старой,

разрушенной церкви Святого великомученика, целителя Пантелеймона, в санатории «Здравница Кузбасса», в городе Белокуриха.

К слову, о колоколах можно вести отдельный разговор. Их производство у нас настолько хорошо освоено, и так много мы их сделали, что можно сказать, что сегодня если не по всей Сибири, то в очень многих сибирских городах звонят в наши колокола: разных размеров, конфигураций и прочего...

В 2006 году изготовлена и установлена в Новокузнецке, на бульваре Героев, скульптурная композиция, посвящённая Великой Победе в Великой Отечественной войне...

В этом же году нашим цехом и нашими людьми отлит и изготовлен бюст почётного гражданина города Новокузнецка, Героя Социалистического Труда Климасенко Леонида Сергеевича, директора Запсиба с 1962 по 1974 года. Бюст установлен на улице, носящей его имя, 27 июля 2006 года.

В мае 2009 года литейным цехом отлит памятник Неизвестному солдату, который установлен в сквере Новоильинского района города Новокузнецка. Сквер и памятник Неизвестному солдату стали для жителей Новоильинского района местом памяти и данью уважения к боевому и трудовому подвигу народа в годы Великой Отечественной войны. Монумент виден издали: высота чугунной скульптуры с постаментом около пяти метров, вес 17,5 тонн.

В июле 2009 года литейным цехом изготовлен памятник великому русскому полководцу Суворову Александру Васильевичу (копия прежнего — гипсового, к тому же — начинавшего разрушаться), который установлен на прежнем его месте — на перекрёстке улицы Суворова и проспекта Курако.

В 2011 году литейным цехом отлит и изготовлен памятник лауреату Ленинской и Государственной премий СССР — Голубева П.В., более тридцати лет возглавлявшего в городе Томске НПО «ПОЛЮС». Памятник установлен в городе Томске.

В 2011 году литейным цехом отлита и изготовлена мемориальная плита памяти Бориса Александровича Кустова — первого начальника литейного цеха, бывшего директора Западно-Сибирского металлургического комбината, дважды кавалера Ордена Трудового Красного Знамени, заслуженного металлурга РФ, почётного гражданина Кемеровской области.

В 2013 году литейный цех отлил и изготовил декоративную двухстороннюю чугунную ограду для установки на реконструированной в том году привокзальной площади города Новокузнецка. Выполнена в традициях архитектуры старого Кузнецка. Автором всей оградной композиции является Костомаха В.И., директор новокузнецкого предприятия «МОНУМЕНТ».

Прекрасной традицией литейщиков цеха стало изготовление в завершение каждой миллионной тонны произведённой продукции какой-то символической детали. На сегодняшний день вокруг литейного цеха таких деталей уже три. Последняя — трёхмиллионная тонна, обрела форму пушки — точной копии 12-ти фунтового крепостного орудия (18-го — 19-го века) на лафете.

...Присажает как-то ко мне на работу институтская сокурсница, учились с ней в одной группе в институте, и чуть ли не плача говорит мне:

- Выручай, горим, как шведы под Полтавой...

Что такое, спрашиваю, она поясняет:

- Получили приличный заказ от оборонки на изготовление методом литья корпусов новых авиационных бомб. Начали, а они у

нас, как надо, не получаются.

...Посмотрел я их документацию и говорю: вот здесь неправильно делаете, вот здесь... Надо: вот так, вот так... Буквально на две-три ошибки указал ей. Уехала. А работает на одном из уральских заводов. Через некоторое время звонит радостная, благодарит меня. Исправили, говорит, как ты сказал, и всё пошло как надо. Ну и хорошо, отвечаю, поздравляю и рад за нас...

Литейный цех, введённый в эксплуатацию в числе первых цехов Запсиба, традиционно считался и считается одним из передовых на комбинате, — улынувшись, окончил свой рассказ мой собеседник и бывший одноклассник Виктор Григорьевич Старченко, скромно умолчав о своих наградах и трудовых заслугах, которых, у него... не одна.

В апреле 1986 года награждён Орденом Трудовой Славы, 3-й степени;

В июле 2006 года награждён серебряной медалью «40 лет литейному цеху ЗСМК».

В июле 2011 года Губернатором Кузбасса награждён медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса», 3-й степени.

В июле 2014 года «За большой вклад в укрепление славы и могущества России» награждён орденом Александра Невского.

Кроме названного, в 1982 году Виктор Григорьевич был объявлен ударником 11-й пятилетки; в 1993 году назван лауреатом премии комбината; в 2000-м году был удостоен звания и знака «Ветеран труда ЗСМК».

В 2004 и 2014 годах Виктор Григорьевич награждался почётными грамотами руководством комбината, в 1987 и 2006 годах — почётными грамотами администрации города Новокузнецка.

В подтверждение сказанному, моим собеседником в официальном журнале Российской ассоциации литейщиков «Литейщик России» в №7 за 2004 год, в статье «Пушки литейщиков ЗАПСИБА», автором которой является А.П. Щеглаков (реставратор музея «Кузнецкая крепость»), есть такие слова:

«...Специалисты литейного цеха в рекордно короткий срок сумели изготовить 12 точных копий 12-ти фунтовых крепостных орудий на крепостных лафетах, которые 1 июля 1999 года заняли своё место на бастионах крепости. Был произведён залп из всех 12 орудий, возмещающий о мощи Кузнецкой крепости, о преемственности поколений кузнечан. Сотни работников ОАО «ЗСМК» вложили в это дело свой труд и душу. Но основной объём работы лёг на плечи литейщиков — начальника литейного цеха В.И. Чичкова, заместителей начальника цеха А.В. Мельникова и В.Г. Старченко, начальника техно участка В.А. Голубева, начальника модельного участка В.Я. Стычинского, начальника участка цветного литья Ю.В. Спиглазова, формовщиков: В.С. Долженко и С.В. Никоненко, мастера Н.И. Пуканова, модель-

щика по металлу В.М. Пинаева, токаря С.В. Гаврилова, фрезеровщицы А.Н. Анянцовой, модельщиков по дереву Н.Г. Ерёмкиной и Т.И. Соловьёвой...

Добрые дела литейщиков Запсиба на благо города не ограничиваются музеем и пушками, ими отлиты металлические детали для художественного оформления города (решётки и чаши городских фонтанов — в саду Металлургов и здания администрации города). Отлиты также декоративные решётки ограды, установленной на реконструированной части проспекта Металлургов — главной улицы нашего города».

С начала введения в строй литейного цеха Запсиба Виктор Григорьевич Старченко, четвёртый его начальник, в своей творческой работе неоднократно соприкасался и работал со своим земляком, известным новокузнецким скульптором — Александром Ивановичем Брагиным, уроженцем города Прокопьевска, а точнее — села Усыты.

Заканчивая работу над данной публикацией, как-то непроизвольно подумалось: а что было бы, если бы в теперь уже таком далёком 1967 году судьба не развела бы в разные стороны нас с Виктором Григорьевичем, не отстань я от него на один гол? Думаю, что тогда авиация не «потеряла» бы ещё одного своего сына. Поскольку вместе мы с ним всё равно поили бы — в авиацию...

Но тогда бы металлургия и город Новокузнецк не досчитались одного своего металлурга...

Поэтому не зря, наверное, пелось в популярной песне в годы нашей молодости с Виктором Григорьевичем: «Кто-то — теряет, а кто-то — находит!..»

Евгений Тищенко

Между прочитанным и самостоятельно начертанным словом пролегает необъятный взору рубеж. Среди артефактов детства вспоминаются цветастые детские книжки, томики взрослой литературы из бабушкиного книжного шкафа, советские газеты, кипы старых журналов, художественные произведения в рамках школьной программы.

Создается впечатление литературного винегрета, но по прошествии более чем двадцати лет с того момента, когда я прочитал первую серьезную книгу, сохранился интерес к жанрам реализма и сатиры.

Основы первых попыток составить литературный текст напоминали зарисовки с зеркального отражения, который обрамляла кривая ухмылка наблюдателя.

Сегодня, помимо книги, переживает кризис ряд литературных форм, роман стал долго усваиваемой литературной пищей, то же самое можно сказать и о жанре поэмы, которая и вовсе ассоциируется с эпическим сказанием. Классическая проза утонула в прошлом; новые прозаики-мистики пишут более для литературных критиков, нежели для читателей; новый реализм граничит с цинизмом, оставляющим у читателей послевкусие усталости. Лишь сатира — легкий и ненавязчивый собеседник, не делающий сенсационных открытий, не вламывающийся в сердце читателя с ошеломляющей исповедью, не претендующий на новую русскую идею. Читатель, если таковой сегодня вообще остался, всерьез занят бытом, конюмеризмом, выплатам по долгам и истребованием долгов. Весть этот мир серьезно воспринимать невозможно, и литературное сопровождение к этой абсурдной пьесе должно быть соответствующее.

Третье декабря с 2014 года объявлен Днем неизвестного солдата.

Как мы понимаем, кто он такой — этот неизвестный солдат? Тот, кто нал на поле боя, в тылу врага, в окружении, и не осталось от него имени отчества? Кто был похоронен товарищами, но со временем стерлась с лица земли фанерная звездочка с его фамилией?

А может — это тот солдат, который пришел с фронта и прожил оставшуюся жизнь тихо и незаметно: просто растил детей, восстанавливал разрушенное войной хозяйство, ставил трудовые рекорды и не хвалился своими воевыми подвигами? Сколько их известных семье, но не известных обществу героев? На их плечи легли все тяготы войны. Кто-то отступал от Бреста до Москвы, потом гнал врага от Москвы до Берлина, а кому-то на долю выпало провоевать один день и погибнуть.

Сегодня многие войны Великой Отечественной покинули этот мир, но остались их дети, внуки и правнуки, которые хранят военные фотографии, письма с фронта своих отцов и дедов. Расскажите о своих неизвестных солдатах, приносите их фотографии, даже если их качество не самое лучшее. Память о героях известных и неизвестных будет поистине вечной.

Только память и наши рассказы не позволят лжеисторикам переписать нашу историю и затереть поистине великий подвиг советских солдат во имя жизни на земле.

Солдатские судьбы

То, что Великая Отечественная война коснулась каждой семьи, давно уже является литературным или публицистическим клише. И, тем не менее, это так: лихолетье начала 40-х прошлого века опалило судьбы миллионов людей. Первый удар приняли на себя наши прадеды и деды, простые советские солдаты, те, кто стал героями военных летописей, и те, чья военная судьба не стала достоянием читателей и кинозрителей. Среди моих близких тоже есть подобные примеры: оба деда — участники Великой Отечественной войны.

На поле танки грохотали...

...Лучи сентябрьского полуденного солнца ярко освещают тесную кухню хрущевки. На раскаленной сковороде скворчит сало, Федор Антипович, дед по отцовской линии, жарит мне, приехавшему к нему в гости в выходной день, яичницу.

Многие говорят, что мы похожи друг на друга, оба худощавые и длинноносые, вот только дед более смуглый, обласканный щедрым украинским солнцем.

И говорит мягко, почти ласково, в его речи — ни одного украинского слова, но на слух этот говор воспринимается, словно птичье воркование.

Когда дед рассказывает что-то о себе, повествованию не сообщается какой-то особый интонационный окрас, голос не становится громче, не ощущается и душевное волнение бывшего солдата.

...Он родился в самом сердце ныне бунтующей Украины — Полтавской области, в селе Погарщина. Невдалеке располагался Миргород, пленительно воспетый Николаем Гоголем, а также Миргородский шлях, по которому чумаки ездили в Крым за товаром.

Родители Федора Тищенко были крестьянами, но не обошлось в роду и без ратных дел мастеров, украинских казаков, ходивших в Запорожскую Сечь, а уже оттуда — в освободительные походы по всей Малороссии.

Федора призвали в армию еще до начала Великой Отечественной войны.

В один из дней выпускник донбасского горпромуча, успевший немного поработать на шахте, Федор Тищенко прибыл в Петрово-Роминский военкомат, ожидая дальнейшей судьбы.

А сложилась она таким образом, что довелось ему иметь дело с военной техникой.

Для этих целей новобранца направили в Камышинскую танковую школу.

Курсант Тищенко научился управлять танком Т-34, использовавшимся для боя на средних и ближних дистанциях, затем — самоходной артиллерийской установкой САУ-100. Конечно, освоил вождение грузового автомобиля, а также мотоцикла, о чем свидетельствует одна из фотографий военных лет.

Присягу дед принял 10 ноября 1941 года, а в 1942–43 годах он преодолевал военные дороги на танке, в составе 187-й отдельной танковой бригады. Его военная биография полна реалий тех лет: многокилометровые марш-броски и затяжные бои с противником, гибель боевых друзей и горечь вынужденных отступлений, ранения и контузии.

Водитель танка Федор Тищенко освобождал легендарные партизанские территории — Брянщину и Смоленщину, вместе с однополчанами вел бои на Криворожско-Никопольском направлении родной Украины, участвовал в Кишиневском сражении, с боями прошел Молдавию, Румынию, Болгарию, Венгрию. Война на западном направлении закончилась для танкиста в столице Чехословакии — Праге.

Однако домой Федору Тищенко довелось вернуться нескоро. Далее все получилось, как в книге «Через Гоби и Хинган», когда в составе танкового подразделения они пересекали бескрайние пески Монголии и малопродоходимые горы Большого Хингана. Позже на этом славном пути был установлен пьедестал с боевой машиной, символизирующей упорство советских солдат, не знающих земных преград.

Преодолев болотную топь, танковое подразделение оказалось на территории Китая. Шли навстречу японским войскам через города Тайюань, Харбин, Мукден, Порт-Артур. Федору Тищенко и его боевым товарищам вновь довелось испытать радость победы, на этот раз над квантунской армией Страны восходящего солнца.

За участие в боях на Западном и Восточном фронтах старший сержант Федор Тищенко тридцать раз был отмечен благодарностью Верховного Главнокомандующего, награжден медалями «За отвагу», «За освобождение Праги», «За победу над Японией», «За победу над Германией», медалью Жукова.

После войны Федор Тищенко приехал в Сибирь, женился на уроженке Новосибирска Антонине Белкиной. Супруги воспитывали двух сыновей. Виктора и Сергея. Из Киселевска семья переехала в Прокопьевск, где дед устроился на шахту «Центральная» в качестве машиниста электровоза. После работы спешил на дачный участок, в порядке содержал свою любимую технику — мотоцикл «Урал».

Помимо производства, занимался общественной работой, в частности укреплением дисциплины на родном участке. Его слово всегда находило живой отклик в сердцах товарищей по работе. Он умел не только трудиться, но и ясно донести свою мысль до людского сознания.

Этот дар он использовал, не только выступая на собраниях трудового коллектива, но и сочиняя в свободную минуту стихи. В коллективе городской газеты «Шахтерская правда» до сих пор помнят подтянутого и бодрого старика, одетого в недорогой, но чистый костюм. Федор Антипович часто переосекал порог редакции, держа в руках рукописи со своими стихами о войне, о шахте, о жизни в целом.

Оставшись в 1999 году без супруги, фронтовик и ветеран труда не пал духом, тем более, что на его долю пала забота о тяжело заболевшем младшем сыне. Он остается для меня примером оптимизма, трудолюбия и порядочности. Все это — неразменная монета.

Иван-китаец

За кухонным окном просторной избы — январский мороз, но рядом с большой печью, обрамленной раскаленным железом, в стужу верится с трудом. Я, десятилетний пацан, поджариваю ломти хлеба прямо на печной плите, получается даже лучше, чем в тостере.

Мой дед по линии матери, Иван Семенович, сидит за огромным, изготовленным самодельно столом, за которым когда-то обедала его большая семья, супруга и четверо детей. Настроение праздничное, дед слегка подвыпивший, поэтому вспоминает свою жизнь. В его словах — весь эмоциональный спектр, от раздражения до умиротворения, от жалости до гнева. Но более всего здесь иронии, с прищуром, с улыбкой. Дед не знал о таком художественном жанре, как трагикомедия, но прожил свою жизнь именно в соответствии с этим принципом. Строить и жить ему помогала не песня, а шутка.

...Иван Целищев родился в селе Верхотурово Кировской области, в возрасте трех лет вместе с родителями приехал в село Прокопьевское, на месте которого позже вырос город Прокопьевск. Его отец, Семен Федорович, занимался извозом, ездил за товаром в соседний Кузнецк, пригонял скотину из Алтая. Семен Федорович был человеком набожным и жестоким одновременно, выглядел в соответствии с тем временем, как и подобает крестьянину: усы и борода, оценивающий человеческую натуру взгляд. Он воевал в первую мировую войну, служил при разведбатальоне. По воспоминаниям, которые передавались у нас из поколения в поколение, крестьянские солдаты ели мясо, которое предназначалось собакам разведотряда.

Иван рос шустрым парнем, сизмалства ходил с ребятами постарше в ночное, пас лошадей. Кони были своеобразным символом семьи Целищевых, войдя к ним во двор, всегда можно было увидеть телегу или сани, в раскрытых дверях стайки зияли хомут и сбруя.

Жизнь в труде дополнялась обычными детскими радостями и шалостями, купанием в реке, драками с соседскими мальчишками. С ранних лет он был решительным, умел, что называется, добывать себе судьбу. Будущая жена, Анастасия Юдинцева, дружила когда-то с его товарищем, тоже Иваном, но тот оказался менее расторопным в вопросах личной жизни. В результате уже до войны в Прокопьевске образовалась новая ячейка общества, Иван да Анастасия, Целищев и Юдинцева. Со старой фотографии на меня глядят двое: она — с прической киноактрисы довоенного времени, он — в кепке-пятиклинке. Эта фотоидиллия продлилась несколько месяцев, а затем Ивана призывают в Красную армию.

...Служить Иван Целищев начал на Дальнем Востоке, возможно, недалеко от границы с Китаем. Он запомнился мне, в том числе, и поговоркой «С нами Бог и два китайца». По его словам, друзья послевоенного времени называли его Иван-китаец.

Далее — роковой 41-й год, и, как поется в песне: «Дан приказ, ему — на Запад...» В составе пехотного подразделения Ивана Целищева перебросили на Украинский фронт, где всюду полыхал пожар войны.

Во время одного из боев наземную атаку противника дополнил налет вражеской авиации. Тревожно завали самолеты со свистом, послышался свист бомб. Иван очнулся и понял, что тяжело ранен и что его не успели забрать с поля боя. Ждать помощи было неоткуда, встать на ноги он не мог, оставалось ползти.

Напрягая слух, чтобы понять, куда нужно двигаться, он пополз в ту сторону, откуда был слышен скрип колес телеги, знакомый с детства. Выбрался к дороге, по которой шли подводы с ранеными.

Во рту пересохло от жажды, ослабевшим голосом он попросил о помощи. Люди уезжали в спешке, подводы под завязку были набиты

покалеченными людьми. Несколько телег проехали мимо Ивана, силы которого иссякали с каждым мгновением. Наконец, кто-то наклонился над ним, раненый солдат ощутил острую боль в ноге и понял, что его поднимают с земли.

...Восновый госпиталь. Для одних пребывания там становилось временем для передышки: подлатали — и снова на фронт. Иван получил множественные осколочные ранения, ему раздробило кости ноги, он перенес не одну тяжелую операцию.

А дома жена гадала, жив ли он, ведь весточки с фронта давно не приходило. И тогда она загадала сон, рассуждая так: «Если приснится мне прибыток, то жив Иван. А если убыток, то нет его на свете». Легла спать, и приснилось ей, что подошла она к продовольственному ларьку и купила хлеба. Проснулась с надеждой: жив, стало быть, Иван!

В один из дней Анастасия, работавшая воспитателем в детском саду, вместе с коллегой вела детей с прогулки. Вдруг женщина толкнула ее подлокоть, мол, смотри, какой-то солдат с фронта вернулся. Анастасия подняла глаза и увидела Ивана на другой стороне дороги. Он стоял, опершись на палочку, из глаз капали слезы.

...Началась мирная жизнь. Еще до войны родился старший сын, Борис, затем — еще трое детей. Чтобы прокормить семью, завели домашнюю скотину. К привычной лошади добавились корова, поросята, куры. Сажали много картофеля, других овощей, выращенное продавали на базаре. Молоко у Целищевых покупала вся улица, некоторые присажали за ним на личном транспорте издалека.

Войдя в просторный дом, можно было понять, что хозяева живут в достатке. Но благополучие не свалилось Целищевым, подобно манне небесной, с неба. Сытный кусок и добротное платье добывались трудом, когда рабочий день оканчивается ближе к полуночи, и ты садишься ужинать вспотевший и усталый.

Дом являлся творением рук Ивана Целищева. Конечно, в строительстве ему помогали родные и близкие, но, как сейчас бы сказали, проектные решения были заслугой самого Ивана Семеновича. Он также умел изготавливать мебель, причём по внешнему виду она ничем не отличалась от магазинной. Дед делал телеги и колеса к ним, из-под его рук выходила конная упряжь, украшенная металлическими набойками, а во времена его юности, когда даже патефоны были не у всех, он мастерил гармошки.

Дети в семье Целищевых с ранних лет были в работе: трое сыновей помогали отцу на покое, учились пахать огород, ухаживали за скотиной. Дочь хлопотала по дому, училась готовить обеды, делать уборку. При этом Целищевы-младшие не запускали учебу, относились к числу лучших учеников школы.

Глава семейства имел репутацию строгого, но справедливого человека. Своих детей не баловал, к соседям был отзывчив, за что и был уважаем всеми жителями в округе. Нрав имел крутой, видя несправедливость, проявлял бесстрашие при любых обстоятельствах. Как то после войны он возвращался с работы, шел мимо небольшого импровизированного базар-

чика, где люди продавали свой товар прямо с земли. Увидел старика, у которого подвыпившая шпана зачерпнула из стакана целую горсть табака-самосада. Он тут же одернул зарвавшихся парней, завязалась перепалка. Хулиганов не остановило даже то, что Иван оперся на палку, но он не спасовал, и начал обороняться от нападавших.

...Я вспоминаю деда в кирзовых сапогах, в пропестившей на спине и выщевшей от солнца рубашке, в картузе, пошитом еще в послевоенные годы. Этот его облик напоминает мне Василия Шукшина, нашего сибирского земляка, настоящего мужика, сего извечным прищуром, в котором можно прочесть и ухмылку, и необъяснимую боль, и спокойную уверенность в том, что выдохим, преодолеем, будем счастливы.

...Ранения и многолетний послевоенный труд дали о себе знать, последние годы жизни Иван Целищев пролежал в постели. Незадолго до смерти он велел сыновьям запрягать коня Индюк, чтобы хоть ненадолго вернуть ощущение жизни, накопленной прежней силой. Деда обернули в огромный овчинный тулуп, спасавший не раз хозяина в студеных алтайских степях, уложили в сани, устеленные душистым сном. Так Иван Целищев совершил свою последнюю конную прогулку по легкому морозцу.

Не переписывайте историю

Оканчивая два небольших рассказа о фронтовиках Великой Отечественной войны, которым, по воле судьбы, я прихожусь вступать, хотел бы высказать еще несколько мыслей. Главная из них — все фронтовики являются для меня победителями, в более широком смысле, это касается не только итогов войны.

Мои деды к финалу также подошли победителями, и покидали этот мир неохотно, здесь присутствовал весь драматизм борьбы за жизнь, попытка постырить со смертью, как это было у них на поле боя.

Эти мои наблюдения еще раз опровергают тезисы псевдо-правды о советских солдатах и Великой Отечественной войне в целом, которые предлагали нашему обществу последние двадцать лет. Я не был свидетелем боев, но пылливо наблюдал обычную жизнь бывших фронтовиков, которые вернулись с поля брани, пережили смелые руководители страны, так и общественного строя.

Мужчины, которые годились мне в отцы, встретили перемены в стране с растерянностью, и, говоря языком военного времени, были деморализованы. Чего никак нельзя сказать о наших дедях, очертяние подборонок которых стало еще тверже, а высказывания по принципиальным вопросам — точнее. При этом справедливость, и соответствующая этому чувству доброта забыты не были.

Я рано потерял отца, поэтому жизни пришлось учиться у своих дедов. Взрослея, я чувствую, что их черты характера проявляются во мне все больше и больше.

г. Прокопьевск.

Людмила ТАНКОВА

Матюха и генералы

На краю деревни стоял старый-расстарый домишко. Скобачился он за долгую и нелегкую жизнь, уже коснулся окнами матушки-Земли.

Крыша, крытая тесом, почернела, расщелялась, кое-где покрылась мхом. А в прошлом году стала протекать, из-за этого у хозяина в углу стояла деревянная лохань. Дед Матвей, а в народе просто Матюха, смотрел на промокшую от таявшего снега и весенних дождей стену, качал головой, пододвигал лохань поближе.

- Сгниёт, - бормотал он себе поднос, - как есть сгниёт.

- Эх, Матюха, - выговаривал ему, зашелший покурить, седоватый, еще не старый мужик в фуфайке без единой пуговицы - сосед Александрыч, - дождейся, чё тебя придавит собственной крышей. Чё ж твоя сын-то к тебе не возьмет? У его в городе трехкомнатная квартира, а ты в такой хибаре живёшь.

- Чё ты в этом, Ляксандрыч, понимаешь, - сердился дед Матвей, - чёб миня, моя же крыша придавила... Да ни в жисть!

- Сына выгораживаешь, - потягивая дешёвые сигареты, хмыльнулся Александрыч. - Конечно, где нам до Пашки твою дотронуться? И не могли... А ты вот как-нибудь не проснешься, крыша твоя и снесет.

- Мой Пашка не чета многим, и неча его трогать. Он миня уж какой год к себе зовёт. А не могу я в городе жить. Пока с их этажа до земли доберешься, так душа замрет. А тут, я и ночью на землю ступить могу легко. Идышать хорошо, и Фросюшка рядом. Я вот захочу с ней помолчать, так вон и сбегал.

- Матюха, ты и есть Матюха-поха, - махнул в отчаянии рукой Александрыч, - всю жизнь добро из-под себя гребешь. Миня бы пацаны позвали, так я вперёд автобуса бы побегал. А ты, да всё своё тиёшь. Не могу я тебя больше терпеть.

- А и не терпи, мине этого и не надо, - в спину уходящему соседу сказал дед и прикрыл веки, разморившись от весеннего солнца. - На войне-то мы не такое видали, а ничё - живы.

В конце апреля приехавший из города, сын дедом лазил по чердаку, спустился и, отряхнув колени, сел напротив отца.

- Всё, батя, собирайся ко мне. Больше здесь жить нельзя. Закалится хата и тебя задавит.

- Не-е-е, сынок, - кулы я от мамки твоей кинуся. Здесь её могилка, и миня тут похоронить.

- Батя, ты же всё понимаешь. Ещё одна весна и крыша рухнет. Вся стена иструхла, на чём держится, не знаю. Не уроси, соглашайся ехать со мной.

- Не-е-е, сынок, - замотал головой Матвей, - в этой хате мы с твоей мамкой жисть начинали. Тут она миня с войны дождалась. Грамотёшки-то у ей и никакой не было, так она к председательской жинке бегала, чёбы мине отписать про тебя. На работе в войну она и надсадилась, чёбы у миня в окопе хлебушко был. Потому и рано ушла моя голуба, оставила миня одного на свете кукожать. Потому ты у нас один и есть. Нету у тебя ни братика, ни сестрёнки. А ты хонь, чёбы я её бросил, когда она миня пораненного с войны не бросила. Чё хонь, сына, а я доживаю здесь буду.

... Сын в отчаянии покачал головой, вскопчил с лавки, на которой сидел в детстве за уроками, подошел к мокнущему улу.

- Посмотри, угол то совсем разрушен...

- А ты его полатай.

- Что толку, если крыша течет?

- Так ты и крышу полатай маненько.

- Её перекрывать надо.

Дед блаженно закрыл глаза, заулыбался беззубым ртом.

- Эти тесины для крыши мы с твоей мамкой вдвоём пилили. Тока поженились, ищё не расписались в сельсавете. Она уже тебя почувяла, а всё за пилу хваталась. Нам батя помогал. Привёз лесины с бору в три обхвату. Ох, хороши. Оне ищё сто лет простоят.

- Не простоят. Батя, давай я хоть крышу перекрою.

Хозяин хаты встал, подошел к аварийному улу, осмотрел его, тихонько потрогал. Повернулся к сыну, заулыбался.

- Столет простоят. Так чё на мой век хватит.

В это время за его спиной раздался шорох. Отмокшая шпукатурка мирно сползла на пол, небрежно подвинув своей массой лохань. Расстроенный дед слезливо смотрел на рушившуюся его память о прежней, хоть и трудной, но счастливой жизни.

- Твоя взяла, сынок, - вздохнул дед Матвей, - перекрой уж крышу-то, тока только. А уж тесины не трогай. пускай со мной помрут.

- Батя, а может куплю я тебе здесь хату, вон Чепраковы уезжают, свою продают.

- Не-е-е, сынок. Та хата проклятая, в ей никогда миру не было. А у нас всегда радость и песни. Достаток небольшой, но всем - довольно. Мамка твоя сильно хату напулюбила. Шабь напекла пирогов, полы бы намыла, скалку на стол кинула: садитесь за стол... Ты уж крышу-то перекрой.

Многолетняя тяжба отца и сына вновь закончилась победой отца. Было решено, что дед пока поживёт во времянке, а сын подлатаст домишко.

В субботу к дому дед Матвей подошел грузовик. С него рабочие в синей спецовке принесли выгружать бревна, рулоны с рубероидом, мешки и ящики, кирпичи и прочие строительные принадлежности.

У покосившегося забора появился Александрыч. Поправил на голове, выдавшую еще эпоху перестройки вязанную шапку с надписью «Addida», заглянул через ограду во двор.

- Эй, Матюха... - позвал он хозяина.

- И чё ты, Ляксандрыч, базлаешь тут? - вышел из времянки дед. - Чё потерял?

- Так спросить хочу, чёй у тебя тут за революция?

- Никакой революции нет. Пашка из города строителей прислал. Крышу поправить хочет. Эт же его наследство.

- Да какое же тут наследство, - хохотнул Александрыч. - Одни гнилушки.

- От ты, поганый человек, - взерошился дед Матвей. - Токо гнилушки и видишь. А того не понимаешь, чё тут родная земля, родовая хата. Ро-о-ди-и-на!

Тибс, Ляксандрыч, этого и не понять. Ты ж трепю хату поменял. Дё-то по свету носился, а лутыше Чульчанки и не нашел. Без корней в душе ты.

- Так уж и без корня? - обиделся Александрыч. - У миня здесь мать с отцом жили...

- Жили-были, да все сплыли. Таки же, как и ты. Скоко жили, стоко и ругали землю свою.

Александрыч и Матюха сели на лавочку возле калитки, закурили и молча наблюдали за строителями. К полудню около дома дела побывало полдеревни и на вопросы любопытных по очереди отвечали они оба.

В течение недели работа кипела. Городские мужики работали, как проклятые. Днем устраивали передышку, только, чтобы покушать, а позлым вечером - умыться, поесть и лечь спать. Два два приезжал сын Павел, чтобы за работой приглядеть, да отца успокоить.

В пятницу дед Матвей встал очень рано,

умылся, побрился, причесался обломком женского гнутаго гребня. Осмотрев себя в глазок старого мутного зеркала, довольно хмыкнул: «Бравый парняга еще», - сказал он. Из перенесенного из дома во времянку обитого кованым железом сундука достал коричневый костюм. Пиджак был сильно помят временем, поэтому дед попытался разгладить складки руками.

- Э-э-х, годы! Вот и твоя всего помяло. А были то мы... Да-а-а...

Надел на себя мятый, побитый молью пиджак и пошел к калитке. На улице никого. От весеннего тепла земля вся изнежилась. Первая зеленая травка изумрудом горела по выгону. Вот уж и май на пороге, скоро затарахтят трактора, начнется пахота. «Слава Богу, - подумал старик, - нашлся умный человек, хочет хлеб сеять. Не пропадет Земля-матушка».

Сел на лавку, сложил руки на животе и замер в неподвижности.

Из подъехавшей машины выскочил сын.

- Бать, ты что? Тебе плохо? Совсем раздетый, простынешь.

- Сядь, сынок, я тебе чё расскажу.

Павел присел на лавку, с тревогой глядя ваясь в доброе лицо девяностолетнего отца. Мягкие морщинки сетью запеленали кожу, смяв брови в неровную седую линию. Изрытый морщинами нос слегка горбатился посередине от старого шрама. Это след осколка мины на излете зацепившего солдата Матвея Буланина еще в 43 году. Отец смеялся, когда его спрашивали об этом ранении, и гоюрил: «Фросюшка миня спасла от верной смёртушки. Я в тот день письмецо от её получил. Иду читаю... Как-то руки затрелись и письмо выпало на землю, я трепнулся за им... Тут минато и прочертила миня по носу. Так-тобы прямо в сердце прилетела».

Во время войны отец был ранен трижды, так что метины у него были не только на носу, но и на ноге и на груди. О фронтовых буднях отец рассказывать не любил, осекал всякого, кто домогался: «Грязь да кровушка людская - чё об их говорить».

Не согнула война Матюху Буланина. Вон уж разменял сотенную десятку лет, а сидит - спина прямая, голову высоко держит, как заправский военный. Только чуб стал пореже, да кудри распрямилась.

- Так, что случилось, батя? - снова переспросил сын.

- К мине сёдня мамка твоя приходила, говорит: «Матюха, сёдни тебя вспомнят, олень пиджак, что мы в городе брали и жди».

- Ну, напугал, - передохнул Павел, - я уж думал, заболел ты.

- Чё мине делается, я, как береза сухостойна, - высохну и буду дольше скрипеть. Миня мамка твоя заговорила от смерти перед самой войной. Так что пока она не захочет миня забрать, тибс от миня не отвертеться.

- Ты, батя, не переживай. Ребята почти все сделали, осталось немного и будет твоя хата, как новая. Мы с тобой еще в ней спляшем.

- А ты, сынок, не спеши с ремонтом. Мине мамка твоя сказала, чё хату мине новую государство поставит.

- Ну, ты даешь? - Павел испуганно посмотрел на отца. - Бать, ты правда себя хорошо чувствуешь?

- Как все дни, так и сёдни. Тока внутрях - торжество! Ты, сынок, иди по делам, а я тут посижу маненько, подожду.

Оглядываясь, Павел отправился к строителям, а дед остался на лавочке. Пришло время обеда. Дед сидел не шелохнувшись.

- Батя, - позвал его сын, - иди, пообедаем. Всё на столе.

- Обедай один, я потом. А то приедут, а миня нет.

- Да никто мимо не проедет, если кому приехать, мы же увидим.

Сын попытался поднять отца с лавки.

- Я чё немощный, ты миня подымаешь? Сам поиду.

Дед подхватился с места и легко пошел во времянку, где уже обедали строители. Павел только усмехнулся: «Вот утонишь за ним. Любого молодого обгонит. Старая закалка».

...У ворот притормозил чёрный джип. Мужики переглянулись. Такую машину в этих краях увидеть дикоинно, не потому что дороги плохие, а потому что деревня вымирающая, неперспективная. Из джипа вышли трое. Двое гражданских и военный. У Павла в груди захолонуло: что же это могло означать? Двинулся им навстречу...

- Здравствуйте, - улыбнулся гражданский тот, что помоложе, - Буланин Матвей Алексеевич здесь проживает?

- А в чем, собственно, дело? - загородил дорогу незнакомцам Павел.

Из времянки вышли строители и встали рядом.

- В связи с юбилеем Великой Победы, мы разыскиваем ветеранов войны. И выяснилось, что Буланин Матвей Алексеевич является кавалером ордена Славы.

- Наш Матюха и кавалер?.. Он же мухи не обидит. А если какую пришибет, так потом два дня горевать будет, - раздалось со спины приезжих.

Это Александрыч увидел незнакомую машину и поспешил узнать - в чем тут дело.

- Да, кавалер ордена Славы всех трех степеней, - утвердительно сказал военный, - у нас, в России их сейчас по пальцам пересчитать.

- Чё ж вы так долго пальцы-то загибали, чё стоколет до миня добраться не могли? - спросил, подошедший дед Матвей.

Невысокий, худой дедок стоял напротив приезжих и, прищурившись, разглядывал их.

- Так получилось, вы уж простите. Случайно ваше дело обнаружили. А что же вы сами-то не приехали ни разу? - спросил военный.

- А чё пороги-то обивать? У миня чё других делов не было?

- Простите, - сделал шаг вперед молодой, - но закон нас обязывает проверить, вы ли это? У вас документы на награды имеются?

- Ишь, сын, мамка-то была правая: вспомнили про миня. Иди: надне, в сундуке в трипиде завернутые документы, а рядом - корбушечка, принеси-ка ее. А вас в дом не зову, сгнил совсем, может вас, гости дорогие, придавить. Зачем грех на душу брать.

Павел вернулся быстро, в руках нес небольшую металлическую коробочку из-под монпансье. Бока ее облупились, и рисунок давно стерся, только кое-где виднелись кусочки краски. Дед Матвей принял коробочку, узловатыми пальцами погладил крышечку, будто хотел приласкать, с торжественным видом открыл.

- Вот медалька, это мине ее первую дали. Мы отступали тогда ищё, осерчали на немца и отбили высоту. Командиру нашему «Звезду» дали - посмертно, а нам вот по медальке.

На ледовой лалони лежала потускневшая и почерневшая от времени медаль «За отвагу». Пролетавшая в сундуке вместе с другими наградами шестьдесятлетий, она могла бы много рассказать о своем хозяине, но не хотела. Медаль молчала.

А старый солдат вынимал из коробочки свои награды и рассказывал, какую и за ка-

кой бой получил. Поднял вверх орден Славы III степени, ухмыльнулся: «А вот это я получил, чё генералов в плен не слал».

- Ет как? — удивленно вскинул брови Александрыч.

- Как-нибудь расскажу, — отмахнулся от соседа дед.

С самого дна коробочки достал тоненькие книжечки, подал приезжим.

- Моя Фрося хранила всякую дрянь, и это сохранила тоже. Вам это надо, чёбы миня удостоверить?

...Вечером, сидя за столом под березой, Александрыч всё ахал: «Эт как же ты утаился ото всех. Жизнь прожил с нами, а слова про геройство и не сказал. Мы ба тибя чествовали, уважали, Матвеем Алексеичем звали. А то всю жизнь — Матюха, да Матюха. Конюх! А так ты тибя председателем бы выбрали».

- Эт тебе громкость надо, чёбы кланялись с пояса, — смеялся довольный дед Матвеем. — А я конюхом Матюхой всю жизнь прожил. Уважение всех было, никто не посмел дурного слова говорить. Фрося Матюшей звала, генералы за руку здоровались, в дерзине к мине по всякому делу шли. Чё плохого? Сына вон какого вырастили. Не бросает миня капризно.

- Зачем же ты, батя, от власти потребовал себе новую хату? — недовольно проворчал Павел. — Я, что не могу построить?

- Эх, сынок, при чем тут ты? — дед Матвеем потянулся за бутылкой, налил всем и поднял чарку. — Я за сию страну кровь проливал, скока раз мог погибнуть, оставить тибя сиротой. Выжил. Вернулся, работал. Типеря моя страна должна для миня чё-то сделать. Пусть мине хату построят, вот я и поживу в ей.

Выпил водку, смакуя каждый глоток, понюхал кусок черного хлеба.

- Да-а-а, не то! И водка искусственна, и хлеб хлебным духом не пахнет. Моя Фрося, бывало, спечет хлеба, так их с полей слышать. Едешь, и уже укусить хочется. А положит с собой краюху, так ее можно без всего съесть, и сыт весь день. Пашка, помнишь, как мы с тобой на покос ходили?

- Чё ж не помнишь, батя? Как сегодня... — отзвался сын. — Мама в полотенце завернет хлеб, огурцы, в корчагу нальет молоко. И сытые были, даже сил прибавлялось. А сейчас кушаешь, вроде бы всё полезное, а толку-то... — Ты ж на пенсии давно, приезжай семьей сюда, да и живите. Глядишь, новую хату и обновите.

- Не могу, батя, работу не бросишь, внуки учатся. А за учебу знаешь, сколько платим? Ктоим поможет?

- Э-э-х, канитель, — опустил голову дед Матвеем. — Воевали войну, думали: врага побьем — счастье наступит. Не наступило. Всё как-то боком...

Наступило молчание... Строители тихонько курили. Павел разливал остатки водки, дед смотрел на звезды.

- Ишь как горят, — произнес дед, — совсем как на войне. После боя лежишь, смотришь на небо и кажется, чё ты дом свой видишь. Там такие же звезды... Легше становится.

- Эт, ты вот заикнулся, чё генералов в плен не отдал, — встрыкнул тишину и раздумья Александрыч, — эт ты прамду сказал, иль соврал для слова?

- Чё эт соврал? — обиженно надул губы дед. — «Славу» мне те генералы дали и жеребцу моему три мешка овса прислали.

- Во, во, ты и на войне конюхом был, — подпрыгнул на месте Александрыч. — И каки же награды у конюха? Коням хвосты крутить, не велика слава.

- Дурак ты, Ляксандрыч, а ты попробуй коня удержат при артобстреле, да чёбы он ищё вез пушку. А мои лошади миня слушались и верили мине. Скока они вывозили. Эт сейчас говорят, чё техники было много. Ага — вся техника на четырех копытах. Особо в начале войны.

- И как же ты с жеребцом своим на генералов наварил? — не унимался Александрыч.

- Не я на их, а они на миня, — хмыкнул дед Матвеем.

Он пальцами, как гребнем, прочесал волосы назад, хитро поглядел на компаньонов и махнул рукой:

- Ладно, уж, расскажу. Только Фрося одна знала про эт дело.

На войну я пришел, и определили миня к коням, они миня слушались хорошо. Вот отступаем мы, отступаем... Никто не знает чё впереди, чё сзади. Вызывает миня командир и говорит: «Сигас приедут два генерала, отъезжай их до штаба».

- Слушаюсь, — отвечаю, а сам думаю, чё генералы-то должны на машинах раскатываться, а не на лошадях сдзить.

Приказы не обсуждаются, и я пошел запрятать телегу, брочки-то в части не было. Взял жеребца Буяна, он змил до штаба домчит, на телегу положил сена свежего, всё ж генералов везти, не простого солдата.

А погода сырая, я на себя прихватил плащ-палатку. Чё ж мокнуть то.

Ждал долго... нет генералов... Вот я и пошел к полевой кухне. Кашу взял, хлеба, лежу под телегой, ложку работать засталию. Дорога неблизкая, чё голодом ехать. Слышу шум ка-

кой-то, бегают, кричат. Думаю: «Чё-то верно случилось, чё так кричат».

Тут над самым ухом крик: «Матюха, твою такую, растакую, где ты шляешься?» Оказывается, генералы прибыли, и им срочно ехать надо. А где, спрашивается, шлялись стоко время? Ну, сели генералы, в количестве двух штук, на телегу, и мы с Буяном их повезли. Поля широкие, березовые лесочки, дороги через пень-колода — как у нас в Сибири. Едем тихонько. А куды торопиться? Немец затих и не напирает на нас. Да и мы окопались, остановились. Кому же отступить нравится? Стылдоба сплошная. Глаза поднять на людей невозможно.

А генералы мои постелили карту и по ей смотрят: куда ли я еду? А сами надо мной пошеиваются. Один спрашивает: «Чё, Матюха, лошадь-то твоя не сдохнет в дороге? Больно уж тоша. Чем ты ее кормишь, уж не «таким» ли, а овес поли себе на кашу варишь?» Другой ему помогает: «На всем фронте вознищи другого не нашлось, как только Матюха. Матюха, он и есть Матюха. Тюха-Матюха». А мине чё — пусть развлекаются. Они ж генералы, а мы простой народ — всё понимаем.

Тут первый говорит: «А чё эт ты, Матюха, поворот проехал и направо не повернул? По карте надо поворачивать». Я, вроде, рот разинул, но второй так спозно на миня рявкнул, что я повернул на их поворот. Думаю, что может я чё не помню. Едем дальше, они мне говорят по карте, куда повернуть. Едем, а штабу всё нет и нет. Тут выезжаем в лесок.

Большой такой лес, густой, и смеркаться уж начинаст. Я же деревенский, слышу хорошо даже шепоток. Вот и слышу, кто-то говорит в лесочке. Прислушался — не наш говор, немецкий. Два мужика про чё-то говорят.

У генералов лица повытянулись, тоже, видать, услышали, чей говорок за кустами раздаётся. Повернулся я к им, кнутом погрозил, чёбы не орал. развернул потихоньку Буяна и тихо поехал обратно, а как подальше-то отъехал, стегнул жеребца. Кричу: «Вывози, родимый...»

Уж летел Буян над земелькой... Тоже, поди, в плен не хотелось. Генералы в телегу упали и молчат, прижались, токо сапоги подпрыгивают на кочках. Вывез коняга нас. Тут уж я по своим приметам доставил их по ночи в штаб.

Струзились они. Я коня поворачиваю, в часть ехать хочу. Тут первый генерал остановил миня и спрашивает:

- И чё эт ты, Матюха, генералам кнутом грозить вздумал?

- Ничё не грозил, — отвечаю, а самого зло берет: я их вывез, а они миня трясти, — эт я

место для разворота жеребца приглядывал. Он у миня сильно буйный, а потому кнут и показал, чёбы немцы не увидели.

- А чёбы ты стал делать, если бы немцы увидели?

- Ничё, — отвечаю, — я же солдат. Чё с миня спросу? Сдал бы нас, медальку бы от их получил.

- Остался бы у немцев? — вскинул брови генерал и за возку хватается.

- Зачем? Сдал бы нас, медальку бы получил, да и поехал в часть.

- Так бы тибя и отпустили, — надвигается на миня генерал, а у самого уже из глотки рычащие.

- Отпустили бы, — говорю я и возку у его из руки забираю, — я же им сказал бы: «Вот вам два генерала, какие карту не знают. Будут еще — привезу». Тут я Буяна легонько поддернул, он и взвился. Прилетели мы в часть. Я молчу в тряпицу и думаю: «Каюк тибя, Матюха, не видать больше дорогой Фросюшки и сыночка».

Вскоре мы в наступление пошли, и вроде бы все забылось. Радуюсь, чё обошлось.

Вдруг вызывают миня с Буяном в штаб. Еду, трясуся, с миром прощаюся. Всю жизнь молчал, а тут, как нелегкая вынесла — разговорился. За это и расплата будет. По дороге остановились, письмо своим написал — попросил. Думаю: «Сначала письмо почте отдам, потом уж на расправу пойду». Ну, так и сделал. Вхожу в штаб, докладываюся.

Из-за стола встает один из моих генералов, улыбается во весь рот, руку мине тянет. Поручковались мы, он обнимает миня, да и говорит:

- Вот герой, так герой. Он не только генералов спас, но и врагов обнаружил, етим наступлению помог. Вот тибя, Матвеем Алексеевич, орден. Не простой это орден, а «Слава». А второму спасителю, жеребцу твоему, выделяем три мешка овса лучшего.

Налил мине целый стакан водки, поставил закуски — полку не съесть.

Только мине же обратно ехать в часть. «Спасибо, — говорю, — но вы мине всё это богатство разрешите с собой взять, а то по пьяни могу в гости в фрицам угодить».

Уж мы и попиоровали с мужиками, кормежка на войне никакая.

...Дед Матвеем закончил говорить, распечатал еще одну бутылку.

- Давайте, выпьем за тех, кому уже выпить нет возможности. Мало осталось, кто войну прошел.

Тех генералов уж поди нет. А видишь, находят нашего брата, а многих и не нашли... или не хотели искать...

Спасибо тебе, солдат!

На скамейке в Саду алюминщиков сидит бодрый старичок. Его спина похожа на струну. Видно, не привык человек кланяться жизни. Весеннее солнышко пригрело, разморило, и старичок начинает прикрывать глаза.

Сухие, жилистые руки прочно сжимают батожок, позволяя спине оставаться прямой, а голове не опуститься на грудь. Дедок дремлет, слегка посапывает.

На просохшей дорожке Сада появляется молодая русоволосая женщина. Она катит коляску с младенцем, а впереди бежит девочка лет пяти. Лыняные косички с пушистыми бантами озорно подпрыгивают вместе со своей хозяйкой.

- Ульянка, не убегай далеко.

Это мама окликает девочку, но той интересно всё, что летит по воздуху, ползёт по только что распустившемуся листочку. Она заглядывает в небольшое дупло дерева и изумлена.

- Мама, в дереве темно, как здесь свет включить?

Женщина смеётся и объясняет дочке, что в дупло свет не проводили.

Малышка убегает от мамы вперёд, достигаем скамеечки, где дремлет старичок и замирает на месте — у дедушки одна рука прочно сжимает батожок, а другая собрана в горсть, как будто он что-то прячет в кулаке.

- Дедушка, — Ульянка трогает старика за руку, — что ты прячешь в руке?

Тот открывает глаза.

- Что ты спросила, маленькая?

- Я не маленькая, — обижается кроха, — мне пять лет, а зовут Ульяна. Что ты прячешь в руке?

Дедок широко улыбается и говорит:

- А меня зовут дедушка Семён, и в руке я ничего не прячу. Это она у меня с войны в кулак собрана.

Второй рукой он разгибает непослушные пальцы и показывает, что в ладони ничего не спрятано. Ульяна недоверчиво заглядывает в руку. Косички касаются жестких дедовых пальцев, будто хотят запрыгнуть в них.

Дед Семён гладит по светлой голове.

- Вот за это мы и воевали, — говорит он, улыбаясь, — чтобы было небо голубое, чтобы вы бегали по дорожкам и никого не боялись.

- Не боялись кого? — озорные косички от

любопытства подпрыгивают.

Тут в разговор поколений вмешивает подоспевшая мама.

- Вы уж простите нас. Ульянка не озорует, ей просто всё интересно.

- А кто тебе пальчики в кулак собрал, — снова спрашивает девочка.

- Фашист. Я же в войну снайпером был.

- А что такое снайпер?

Девчоночка не намерена уходить, хотя мама пытается её увести.

- Снайпер, это такой солдат, — старик пытается найти подходящее слово, чтобы объяснить крохе, кто же такой снайпер, — у него винтовка с оптическим прицелом.

- Как в тире? — неожиданно спрашивает девочка.

- У нас папа любитель пострелять в тире, он военный, — поясняет женщина, — иногда и дочку берет с собой.

- Как в тире? — переспрашивает девочка.

- Почти, — говорит дедушка, — только та винтовка очень точная.

- Ты по каким мишеням стрелял? — серьёзно сдвинула бровки Ульянка. — Папа стреляет по движущимся, а я по воздушному ша-

рику, — она вздохнула, — но не попадаю.

- По движущимся, детка.

Старый солдат снова погладил девочку по голове.

- Значит, ты защищал меня и маму, как папа?

Солнечный луч попал Ульянке на лицо. Она смешно сморщилась.

- Конечно. Мы воевали, чтобы маленькие девочки и мальчики росли счастливыми.

Девочка потрогала сжатую в кулак руку.

- А ручка совсем не открывается?

Дед Семён улыбается.

- Два пальца могу открыть, чтобы тебя по головке погладить. Зато смотри как здорово. Если тебя кто-нибудь захочет обидеть, то мне надо только два пальца согнуть и уже кулак.

Ну-ка, подойди к нам, хулиган. Быстро прочувствуй.

Собеседница оглядывает увесистый дедов кулак, удовлетворённо кивает головой.

- Ладно, пусть будут пальчики в кулачке. Солдату это нужнее.

Потом вдруг прижимается к деду русской головой и тихо говорит:

- Спасибо тебе, солдат!

Песнь соловья в пустыне каменной

Отрывок

Уроки потекли вереницей. Тетради, опыты, вопросы и ответы -- все выстроилось в строгую закономерность. Новые ощущения были приятны Елизавете. Она еще помнила твердь школьной скамьи и не привыкла к мягкому учительскому стулу. Часто ловила себя на том, что во время перемены бежит по коридору чуть ли не вприпрыжку. Останавливалась, затем медленно шла, хотя ноги жаждали рвануться с места.

В один из таких медленных переходов из класса в учительскую на нее налетели первоклассники. Словно тайфун пронесли они, не затормозив, развернулись и унеслись в другой конец коридора. Попытка остановить ребятки не увенчалась успехом, рука скользнула в воздухе.

- Да-с, - нарочито громко сказал Николай Иванович, - наши дети подвижны и свободны. Мы воспитываем из них настоящих людей, которые не боятся ничего в своей жизни... - вороски оглянулся и перешел на шепот: - Вы правильно выставили Старикова. Он и в школе был зазнайством. Ставку надо делать на солидных людей... Я вам могу помочь во всех вопросах обустройства быта, - он снова оглянулся, заложил большие пальцы рук под жилетку, совсем по-ленински оттянул проймы. - Если позволите...

- Спасибо, не надо, - быстро отвстала Елизавета и кинулась в учительскую.

«Женихов пруд пруди, выбрать не из кого», - хохотала она про себя, вспоминая вороватые оглядывания Николая Ивановича. Перемена была большой, а потому все учительство Коскина было в сборе.

- Вот молодой смене мы и доверим сделать доклад по новой книге генерального секретаря партии, - язвительно произнесла Екатерина Леонидовна, - как политинформатор я требую провести обсуждение книги на ближайшем педсовеще.

- Голубушка, - ласково запела Валентина Александровна, - еще не все изучили это произведение, потому что во всем поселке книга есть только у вас. Давайте ее размножим или попросим директора привезти побольше экземпляров из района, а пока есть более насущные проблемы.

- Вы против изучения гениального творения нашего генсека?

- Нет, конечно. Просто...

- Как истинная коммунистка вы должны быть в первых рядах изучающих, - прервала Екатерина Леонидовна, от ярости ее голос сорвался на хрипящий свист, жилы на шее надулись, как у вырвавшегося из загородки быка. -- Развели тут антисоветчину...

- Между прочим, «Малая земля» рекомендована к прочтению на уроках истории, - сказала Елизавета, заполняя журнал. -- И никакой тут антисоветчины нет. Не надо устраивать культ личности генсека, он об этом прямо сказал на съезде.

Екатерина Леонидовна будто ждала возражения, она вскочила из-за стола, выбежала в центр учительской и, подбочившись, стала кричать, словно торговка на базаре, её худая фигура заметалась между столами:

- Умные какие в городах живут, где нам коскинам до них. Практикантки

телевизор смотрят, все знают, им в женихи принцев подавай. Разве им пара заведующий мехмастерскими?

- При чем здесь заведующий мехмастерскими, - оторопела Елизавета, - если мы о книге генсека говорим?

- Чей класс дежурный? -- грозно вошел в учительскую директор. -- В коридоре на головах стоят, и ни одного взрослого... Екатерина Леонидовна, разве не вы сегодня дежурите?

Женщина зло глянула на практикантку и вышла, хлопнув дверью. Собравшиеся облегченно вздохнули и занялись своими делами.

- Не обращайтесь внимания, - шепнула Елизавете Валентина Александровна, - Петька Стариков ее племянник, вот она и злится, а поселок доволен, что вы его отбрили.

- Почему?

- Больно гордые они. Никто им не ровня. Петька-то, когда окончил техникум, заставил нашего управляющего назначить его заведующим в мастерские. До него там заведовал Иван Розин.

- Олега Розина отца?

- Дед. Хороший, умный человек. Любому поможет: и трактор даст, вспахать огород и сено вывезти. Душевный, но на пенсии. Так Стариков до райкома партии дошел, кричал, что молодых специалистов зажимают, расти не дают. Вот его и пришлось назначить.

- Управляющий-то что?

- Куда ему было деваться, если из района приказали. Перевестов еще и выговор получил за Старикова.

- Перевестов?

- Наш управляющий -- Перевестов-старший.

- А младший у нас учится?

- Это младший. Есть еще средний и старый.

- Смешно.

- Так уж повелось. Средний в райкоме работает, а старый на пенсии. Звали Перевестова-старшего на центральную усадьбу, не поехал, потому что старый заартачился. Хорошая семья, правильная.

Зазвенел звонок, и все поспешили в классы. Пропустив вперед Дорбунову, учительница русского языка Татьяна Афанасьевна, многозначительно улыбаясь, полупшепотом сообщила Елизавете: «Валентина-то собиралась замуж за Перевестова-старшего, а он женился на другой».

Однажды утром сразу же после звонка в кабинет химии вошел директор, как всегда подтянутый, молодежавый, но озабоченный. Жестом руки посадил учеников, вернулся к окну и замер.

- Мороз крепчает, - наконец заговорил он.

Снова помолчал.

- У меня к вам, Елизавета Львовна, просьба, - многозначительно сказал директор и поднял палец. -- Как вы относитесь к тимуровской работе?

- Хорошо отношусь, -- задорно тряхнула головой Елизавета, вспомнив, как в детстве они помогали бабушкам мыть пол, убирать в квартирах.

- Отлично! -- встряхнулся Тренев. -- Так, седьмой класс сейчас идет на физкультуру, а мы с вами посетим одного человека, в качестве тимуровской помощи, - помолчал и, словно советуясь, ска-

зал: - надо бы еще кого покрепче взять. Идите, Елизавета Львовна, в свой десятый, они на математике, и возьмите Перевестова, Розина и Любина. Думаю -- справимся...

- Так, может, без меня справитесь? Зачем урок срывать?

- Тему нагоните потом. Вы у нас парламентаром пойдете.

Через десять минут тимуровцы подошли к полузаброшенному дому с крыльцом, заваленным снегом. Печная труба тоже была покрыта снеговой шапкой. С улицы к дому тянулся давно запорошенный одинокий след.

- Так мы к Прошке Глинову пришли, - засмеялся Любин. - Что делать то у него? Зайдем, а он нам еще и по шее накостыляет. Не-с, Федосий Алексеевич, я туда не пойду.

- Не накостыляет, - неуверенно сказал директор, - тут еще неизвестно: живой он там? Бабы в магазине сказали, что у него печь четвертые сутки не топится.

- Значит, милицию вызвать надо, - приглушенно произнесла Елизавета.

- Милиция-то в районе, - вздохнул Тренев. -- Может, Прошка еще живой. С ним такое уже было. Так что пошли, посмотрим.

И шагнул в сугроб, скрывший бывшую тропинку. Преодолев снеговую преграду и кое-как открыв дверь, Тренев махнул рукой спутникам.

Шагая вслед за ребятами, Елизавета то и дело падала, и тогда Перевестов просто подхватил ее на руки и мигом внес в дом. Хотелось плакать, потому что в глазах учеников она, учительница не справилась с каким-то сугробом. В сапогах медленно таял снег.

В промороженном доме были незаметны следы присутствия человека. Холодная печь сверкала инеем, размороженное ведро со льдом корячилось на лавке. На грязном столе валялись куски хлеба и вездь - полчища пустых бутылок. Дверь в горницу закрыта.

Тренев покряхтел, помялся, но все-таки подошел к двери и толкнул ее. Ребята стояли у входных дверей, отвернувшись к окну.

- Кто там хату мне выхолаживает, - послышался голос в мертвой тишине.

Посетители вздрогнули, Елизавета почувствовала, как у нее оседают ноги.

...Посередине горницы стояла туристическая палатка, натянутая по всем правилам таежной жизни, только вместо колышков в пол вбиты громадные гвозди. Стенки палатки распирали что-то изнутри, возможно, шубы и матрацы.

Десятиклассники захохотали.

- Во Прошка дает, а Владимир Петрович голову ломал, куда у него палатка «ушла».

Голос из палатки вновь спросил: - Кто шастает там, вот вылезу - ноги переломлю.

- Никто, Прохор, здесь не шастает, - торжественно произнес директор школы, оставаясь на почтительном расстоянии, - поступил сигнал, что тебя давно не видят, а на улице мороз.

- И чё? Имею полное право.

- Вылезай, Прохор, надо печь затопить, ты же не пещерный человек.

У палатки немного расстегулась молния входа, оттуда высунулась грязная рука.

- Дана! А то не выйду.

Замешкавшись, Федосий Алексеевич вытащил из кармана бутылку водки и, прикрывая ее ладонью, быстро поставил на руку Прохору, а чтобы заглушить бульканье водки, нарочито громко попросил ребят:

- Затопите ему печь что-ли, человек все-таки.

...Большая русская печь нехотя набирала тепло. По ее стенам заструились ручейки воды. Пока ребята очищали крыльцо и тропинки от снега, Елизавета смела мусор со стола, начала складывать в мешок пустые бутылки и вдруг вздрогнула.

На пороге горницы возникла невысокая темная фигура. Волосы, спаянные в крепкий потник, неестественно держались на голове. Казалось, махнул рукой, и слетит этот шутовской парик, а пока он держится только от того, что связан напроц с такой же нечесаной бородашкой. Спутанная донельза, жиденькая поросль подбородка содержала шелушенные части листьев банного веника вперемешку с крошками сухарей и еще невесть чем, не подлаживаясь определению.

Между помесью волос и мусора живо бегали из стороны в сторону злые бусинки глаз. Ниже их появилась щель рта.

- Эт кто такая тут меня разорить хотит?

- Почему разорить, - тихо проговорила Елизавета, - хотела немного прибрать, вон сколько мусора.

- Ишь, транжирка какая, - надвигалась смрадная фигура хозяина дома, - тут добра на целых две поллитры. А ты их в мешок...

Потом Прошка вдруг полюбил и ощерился в дикой улыбке.

- Ты чё, из сельсовета будешь? Чё раньше не ходила? Ладно, брось добро, вари щи. Жрать хочется.

- Какие щи? - опешила Елизавета.

Прошка стал оглядываться вокруг, заглянул под стол.

- Какие, какие? Такие! Хлеб принесла? Где жратва? Ты чё, ничё не принесла? Чё тогда притащилась?

На учительницу надвигалась немытая и нечесаная масса. Бусинки глаз злобно горели.

- Чё она там, офонарели? -- орал Прошка. - Прислали дуру с пустыми руками. Где сам Василий Петрович?

- Какой Василий Петрович?

- Вот дура, преселателя сельсовета не знает...

- Э-э-э! -- открылась дверь, и в избу ворвался Перевестов. -- Руки-то не очень протяживай, а то по локоть отшибу.

Он загородил собой учительницу.

- Мне чё, я и тебе навешаю, - орал хозяин избы, размахивая руками, - притащились чё, ни выпить, ни пожрать не принесли.

Иван не стал ждать, когда мужик его ударит, перехватил руку, заломил за спину и прижал у полу.

- Рыпнешься, - тихо проговорил Перевестов, - свяжу и брошу в подпол. Замерзай там.

- Ванька, отпусти, - не переставая, орал Прошка, - отцу скажу, он тебе даст. Я тебе дядькой прихожусь.

- Какой ты мне дядька -- чиряк на зад у лошади? Надо было тебя заморозить совсем, всему селу польза.

- Что за шум? — в дверях стоял директор школы. — Отпусти его, Ваня. Старших надо уважать.

Брезгливо оттолкнув от себя Прошку, Перевестов посмотрел на размороженный умывальник, провел руками по окну, истекающему ледяными слезами. Благодарно взглянул на учительницу, протянувшую ему платочек, тщательно вытер руки.

- Идемте отсюда, - жестко сказал он, беря Елизавету за руку. — Теперь без нас разберутся.

- Перевестов, - остановил его Тренев, - надо принести побольше дров, за водой сходить. Елизавета Львовна сварит за это время щи. Неужели мы бросим человека в беде?

- Это не человек, - набылчился Иван, - и он не в беде, а в запое. И делать я для него ничего не буду. Он не хворый, руки, ноги есть — всё сам сделает.

- Вот, Федосий Алексеевич, - запыл Прошка, - каких ученичков Вы вырастили. Не слушаются, совсем от рук отбились. На уме одна любовь, поди. Родного дядю чуть не заморозил.

- Нехорошо, Ваня, так о старшем говорить, - назидательно покачал головой директор, - и не по-комсомольски бросать человека без помощи. А тебе Прохор пить меньше надо. Какой ты пример детям подаешь? Ладно, Елизавета Львовна, забирайте ребят, ведите их на уроки, а я в сельсовет к Луканину, пусть баб сюда пришет.

Всю обратную дорогу Иван молчал. Он словно таран шагал вперед, раздвигая морозный воздух. Любин и Розин пародировали Прошку, кривлялись и смешили учительницу.

- Представляете, - хохотал Олег Любин, - устроят дежурство в Коскине, каждый день ходить к Прошке, приносить бутылку, кормить его и убирать в избе.

Иван друг резко повернулся.

- Не смешно! С одним пьянчужгой село справиться не может. Потому что свой. Другого бы давно выгнали.

***

Однажды десятый класс оказался не готов к уроку. Не то чтобы ребята бастовали, просто так, без причины. Елизавета растерянно молчала, не зная, как поступить: сходить к директору и пожаловаться или просто наставить двоек, а может быть, оставить всех после уроков и заставить сделать домашнее задание.

Непродолжительное молчание нарушил Розин.

- Простите нас, Елизавета Львовна, мы больше не будем.

- Хорошо, двоек не поставлю, а на следующем уроке спрошу оба задания.

На том и порешили. Однако десятиклассникам будто шлея под хвост попала: весь урок они то перешучивались, то записками перекидывались. Особенно расходились Перевестов и Любин. К середине урока у учительницы химии терпение кончилось, и она решила удалить ребят из класса.

- Любин и Перевестов, я так полагаю, что вам сегодня не до химии, а потому идите, погуляйте.

- Вот еще, - пригнулся за партией Любин, - там Федосий Алексеевич сразу нас увидит. Мне от отца, знаете, как попадет.

- Он должен уехать с утра в районо, так что вы сходите, успокойтесь и вернетесь.

- Вы же в дневник напишете, - хмыкнул Перевестов.

- Не напишу, - пообещала учительница, ей очень хотелось в спокойной обстановке объяснить новую тему.

Ребята, собрав сумки, вышли из

класса. Но тишине в этот день не суждено было воцариться. Минут через пять в дверь постучали. На пороге стоял сердитый директор, за ним переминались с ноги на ногу провинившиеся ученики.

- Я вам привел прогульщиков, - сдвинув брови, проговорил Тренев, - они говорят, что вы им разрешили побывать в коридоре.

Внутри у Елизаветы совсем, как в школьные годы, сжался серый комочек страха.

- Ребята мешали вести урок, - оправдываясь, сказала она.

- Шумели все, - буркнул Любин, - а за дверь - только нас.

- Вы безобразничали больше всех, - словно левченка, стала выгораживать себя Елизавета.

- Потом разберетесь, мне ехать надо. Вот вам их дневники, поставьте «два» за поведение.

Суетливо схватив дневники, учительница вlepила туда по «неуду». Двери закрылись за директором, а Елизавета не знала, куда себя девать от стыда. Десятиклассники прошли к своим местам. Минуту учительский стол, Иван презрительно бросил: «Слово нужно уметь держать...»

Захотелось провалиться сквозь землю. Хотела извиниться, но прозвенел звонок, и десятый класс молча ушел.

В учительскую не пошла, всю перемену успокаивала себя тем, что ребята сами виноваты и на уроке надо было заниматься, а не...

«Что «не?...» - спрашивала себя Елизавета, ответить не могла. Понимала, что как-то не так вела урок. Десятиклассникам было просто неинтересно, потому и шалили. «Ничего себе, детки маленькие, скоро школу окончат...»

Они шалят, а ты их развлекай», - пыталась рассердиться, но неудачно. Вспомнила, как в выпускном классе с однокурсниками срывала уроки, сбегала из школы.

До сих пор не могла объяснить причины этих срывов, изучение в институте психологии не помогло.

Вот теперь перед ней был точно такой же класс. Возникал и тут же пропадал в пучине неизвестности вечный вопрос: «Что делать?»

В конце перемены решила, что все обойдется. После уроков в кабинет химии пришла только Алена Лапштаева. Молча протерла парты, помыла пол и молча ушла. Елизавете разговаривать не хотелось. Собственно, почему она должна оправдываться, заигрывать, в конце концов, она учитель, и ее обязанность дать знания, а не утирать носы, не развлекать школьников.

Однако совесть тихой мышкой грызла душу. Домой пошла поздно, чтобы никого не встретить по дороге. Около подъезда ее ожидала Настя Лобова. Она протянула учительнице пакет с хлебом и, взяв деньги, ушла.

***

На коскинскую землю пришли крещенские морозы. Белые пушистые шубы из инея висели на проводах, ветках деревьев, не оставляя ни одного темного пятнышка в холодном мире. По утрам, когда хозяйки топили печи, дым из труб столбом поднимался вверх. Казалось, эти столбы, как легендарные атланты, подпирают белесые небеса. На работу приходилось бегать бегом, потому что модельные сапожки, купленные по великому благу, не грели.

Вдруг пропали шумные воробьи, будто их и не было вовсе. «На скотные дворы улетели, там со скотиной теплее будет, чем на улице», - судачили бабы в магазине, ожидая хлебовозку. Старая

машина все чаще ломалась, не выдерживая зимних нагрузок. Потому коскинские хозяйки перешли на выпечку своего хлеба.

Как-то однажды, в лютую стужу, Елизавета не пошла в магазин, решила обойтись сухарями. Наливая борщ, она радовалась тому, что в свое время насушила румяных сладких сухариков и теперь необязательно простаивать в магазине в ожидании хлеба. Вспомнила детскую присказку: «Бывает в жизни огорчение, что вместо хлеба ешь печенье». Усмехнулась про себя: «Надо было простого хлеба насушить». По телевизору началась программа «Время». Миловидная девушка рассказывала, сколько сортов хлеба они выпекают на своем заводе. По конвейеру текла батонная река. Даже в черно-белом варианте было видно, что батончики жаристые, вкусные. Показалось, что по комнате потек хлебный дух. «Полцарства за буханку», - думала девушка, обмакивая сладкий сухарь в борщ.

Звонок в дверь прервал печальные мысли о смысле и вкусе хлеба. На пороге стояла Настя Лобова и прижимала к себе, словно ребенка, сверток. Протянула свою ношу учительнице: «Мама просила передать, а то у нас, наверное, хлеба нет». Елизавета схватила со стола кошелек с деньгами, Настя смущенно махнула рукой: «Денег не надо. Мама сама спекла хлеб, но он лучше и вкуснее фабричного». Девочка помахала рукой и ушла.

Чистая холстина хранила тепло ситного. Развернув сверток, Елизавета удивилась: она никогда не видела булки такой формы: квадратная, словно пирог с ягодой, который любила печь мать Елизаветы, высокая булка была, что называется, с пылу с жару. Румяная корочка нежно хрустнула под ножом, высвобождая хлебный дух, тот выплеснулся наружу, забрался в ноздри, вошел в легкие... Тепло летнего дня, аромат хлебного поля и что-то еще - очень родное и необъяснимое наполнило все существо Елизаветы. Она поднесла ломоть ко рту, куснула тихонько...

Правду говорят, что хлеб всему голова. Есть в доме хлебушко - и дети сыты и веселы, и в семье довольство. Без хлеба и наваристые щи — голодны. Скольких людей спас от голодной смерти даже небольшой сухарик.

Если же хлеб выпечен с душой да умением, то ему вообще цены нет. Заводской хлеб тоже бывает вкусным, но чаще он бездушен — просто хлеб. Покупаем и едим, потому что привыкли. Деревенский ситный не простой, в него хозяйка вкладывает кусочек своей души, секреты своих бабок и прабабок, потому оторваться от него нет сил.

Вот примерно так думала в тот момент Елизавета. Она была благодарна судьбе за то, что отведала настоящего хлеба, испеченного в русской печи.

Радость познания нового мира омрачало то, что Иван Перевестов перестал ходить на уроки химии, уже два урока пропустил. Роза Николаевна, учитель физкультуры, на ухо шепнула, что парень перед уроком прячется в cocheгарже и выходит оттуда после звонка на перемену.

К директору жаловаться не пошла, решила просто поговорить с Иваном, но тот спокойно выслушал классного руководителя, кивнул головой и... снова сбегал с урока. Пришлось послать письмо родителям, чтобы приняли меры.

- Не надо было письмо писать, - покачала головой Роза Николаевна, - Перевестовы живут недалеко, лучше сходить к ним. Они очень гостеприимные, и толку больше будет.

- Вот еще, - заупрямилась Елизавета, - их ребенок, вот и пусть думают, а у меня нет времени ходить по гостям. Да и

у нас всегда так делают.

Как бы то ни было, но после записки Иван пришел на урок, однако демонстративно не отвечал на вопросы, с видимым удовольствием получал двойки. Большую часть урока сидел, отвернувшись к окну.

- Федосий Алексеевич, что делать, не знаю, - в отчаянии Елизавета металась по небольшому кабинету, - Перевестов устроил мне бойкот, ничего сделать не могу, а ему экзамены сдавать, как он потом догонять будет пропущенные темы?

История десятого класса была известна в селе, все следили за развитием событий и ждали, за кем останется победа. Очередь в магазине обсуждала конфликт наряду с деревенскими событиями. Здесь с переменным успехом побеждали то болельщики учительницы, то ученика.

- Эт че же делается, - захлопывая дверь, говорила Лапштаева, - учитель ученику и двойку не могли поставить. Если моей Алене — так пожалуйста, и она не обижается, в одмарок не падает.

- Точно, точно, - поддержала односельчанку, бывшая учительница химии Роза Ильинична, - когда это было, чтобы я не имела права поставить двойку? Попробовал бы Ванька мне слово попереки сказать.

- У вас авторитет, - уважительно развела руками продавщица Пина Филипповна, - а тут девчонка, практикантка, вот они и выкамуривают над ней.

- И что, что практикантка, - не умолчала Нюра Старикова, - уважение зарабатывать надо. А эта фифа не успела появиться, как лучшим людям наплевала в душу. Разве так можно поступать? Мой Петро до сих пор не хочет с ней разговаривать, и никому до этого дела нет. Правильно Ванька решил ее проучить, пусть сверчок знает свой шесток.

Иногда дебаты перерастали в простое обсуждение и перетекали в свару. Бабоньки забывали тему беседы и начинали высказывать друг другу давние и совсем свежие обиды.

...Памятью о бурлящей общественности, директор не спешил отвечать, потому как сегодня утром он был на стороне Перевестова, но сейчас склонялся на сторону молодой светловолосой девушки, не понимая, как сопляк мальчишка посмел поставить себя выше учителя.

Крепкая фигура директора выражала абсолютную растерянность.

- Да-с, ситуация, - многозначительно сказал Тренев, - я, конечно, поговорю с парнем, но и вы проявите учительскую смекалку. Вы такая интересная дама, вот и влюбите его в себя...

От собственных речей растерялся и быстро вышел из кабинета, оставив оглушенную таким предложением Елизавету в одиночестве. Решение пришло неожиданно, как просветление: если не получается мытьем, надо брать катаньем. И студентка третьего курса ринулась к своему классу, уже зная, что скажет.

- Те, кто хочет научиться красиво танцевать, приходите в школу к четвертым часам.

- Вы сами-то умеете? -- с сомнением спросил Любин.

- На следующей перемене в коридоре посмотрим, кто умест. Жалко, музыки не будет, - по-ребячьей ответила Елизавета.

- Почему нет, - неожиданно откликнулся Иван и вытащил из-под парты небольшой магнитофон.

Десятиклассники одобрительно зашумели, и тут прозвенел звонок на урок.

Елена Острых

В 2013 году стала претендентом на литературную премию им. В. П. Астафьева (г. Красноярск). Являюсь автором поэтической книги «Кошка, окошко и любовь», изданной в г. Санкт-Петербурге в 2013 году.

Имею публикации не только в литературно-художественных изданиях, но и в изданиях педагогической направленности.

«Если есть ты во вселенной...»

***

Ты, забывшая гибель лучших грез,
Надеешься на хорошее.
Не принимая позы,
Листаешь тетрадь заброшенную,
Читаешь стихи непрошенные.
Мир верен прозе.
Вянут розы стихотворений.
Бесследно исчезают прошлого тени,
За горизонтом не восходят новые гении.
2013г.

***

На белоснежности холодной,
На невесомости легчайшей
Отрезок жизни — отпущик, след.
Большое, давнее участие
В течении стихий и лет.
Участие — сон Земли, не больше.
И замечает отпущик снег...
И все, что будет после — тоже,
Как все, что было до — навек.
Февраль 2014

***

Заводятся старинные качели.
Расхаживаются, взмывают до небес.
Широкий хвойный лес съезживается,
выставляя щиты-иголки.
Круглый, маленький ежик
лесу родственник колючий.
Качели — крылья, пригвожденные
к столбам.
Я — птица.
Мне все это снится.

***

Солнце задремлет на ветхом кресте
у забытой могилы.
Ветра южного пушистые крылья
коснутся макушки березы.
Зашелестят, зашепчут листочки,
наклонятся веточки к папиному изголовью.
Не утихают поздние слезы каящейся дочери.

***

Не вылью на бумагу жгучих слез,
От творческих бегу терзаний.
И в юной пышности нежнейших роз
Я роковое вижу увядание.

Я не солгу, когда скажу тебе,
Что становлюсь послушливою тенью,
Блуждающей от солнечных лучей,
Что нет конца безмерному терпению.

И нет неясности в сложнейшем из путей.
Все предсказуемо и предсказано:
Луна светло бархатных ночей
Не бередит отчаяньем неожиданным.

***

Стой времени бег
— необъятная бесконечность.
Ночь, падает снег —
седое знамение вечности.
День, растаял долгий день
или просто одно мгновение.
Рой снежинок летит на ладонь,
обжигая прикосновением.

Пой, природа, мелодию зим,
гимн сосулек свисающих с крыши.
Яркий, тонкий над домом моим
стынет месяц, кочующий в выси.
Пой, природа, песню
о той безымянной, неизбывной печали
О забытом, о дальнем,
о родном, о потерянном в начале...

Стой времени бег
— откровенная злая беспечность
Впустую промчавшихся лет
и старение — неизбежность.
И старение — это ладонь,
принимающая как данность
Все, что послано бедной судьбой:
воз страданий и тихую радость.
2013г.

Крымский цикл из трех стихотворений

***

Словно девица красная
на ромашках гадает ветер.
Облака — завитки мягких локонов
детской головки
С заботливой ласкою тонко
будто рукою написаны
На лазоревом небе, упоительном небе
Вдоль которого чайки оставляют кресты.
Море каждому радо.
Стекла битые плавит.
И меня, слишком острую, неведомо как
Закруглив обаяло,
Не оставило
И намек на жгучую мысль.
Словесному пороку — прах!
8.07.14г.

***

Я боялась дышать —
Хрупок мир этот, ласков и светел.
Грозностью не разрушить бы
Его безупречную синь.
Я боялась поведать
О волне, стирающей след.
Не морской, а житейской
Разъединяющей нас.
Я боялась не так,

Как бояться привыкла.
Безмятежно лаская прибрежный песок,
От безумного города скоро отвыкла,
Осуждая его беспощадные
гонки за лучший кусок.
15.07.14.

***

«Всему есть начало!» —
Так чайка кричала
Над морем лазурным летая.

Простой беззаботностью
Дивную бабочку напоминала.
Нектаром служили рыбы морские
Их ловко удила она.

«Всему есть начало!».
Ей солнце шептало,
Качаясь на пенной лафье.

«Всему есть начало!».
Повсюду звучало.
«И малой букашке,
И ранней звезде!».

«Всему есть начало...».
Тебе отвечала
«Всему есть начало
И свету, и тьме».
13.07.14.

Зарисовки

***

Река в оправе дамбы
взбрыкивающая кобылица,
Я в оправе интеллигентности
разъяренная львица.
Давно выросла из маленького
платица кротости
Но не могу терзать других
бесстрастной подлостью.
2009-2013г.

***

Прозрачным долговязом с небес
лазурных прольешься.
Славу тебе навязывают горькую,
ты смеешься.
Музыкой дивной, природной
сердце наполнится.
Теплые падают слезы, земля ими кормится.
2013г.

***

Уютная тишина.
Кувшинки плывут в изумрудном озере.
Разве что бога о чем-то попросишь.
Стрекоза с глазами фасеточными

пролетает мимо.

Знаю, напрасно маюсь, маятником качаюсь.
Тишина уязвима.
Я любима.
2013г.

***

Если бы мы жили столько лет,
Как горы к небу тянущие руки.
Тогда не ведали, не знали б никогда
Часы терзающей разлуки.

***

Желание — огонь,
обжигающий низ живота,
Потушить его можно из любого водоема.

Любовь — рожок небесного пастушка
Его божественная мелодия
слышна лишь влюбленным.
2009-2013г.

***

Снегопад...
На голову падать рад
Бельми прядями зрелости —
Отражаются приступы нервозности
На висках.

***

Словно мать ребенка ласкаю тебя.
Ты солнце вечернее в небе
садишься за горизонт моей груди.

***

Солнце закрылось тучей,
словно пальто накинуло
на раскаленные плечи.

***

Нанизываю шары бус,
словно дни на вечность,
где я такая же бусинка
в чьих-то ловких пальцах...
20.07.09

***

Во мраке вселенной миллионы солнц
смотрят вокруг, созерцая вечность.
23.07..09

***

В каждой росинке — лицо Бога,
в каждой слезинке — боль.
Боли так много,
Бога ли мало
ненависть сердце облюбовала
и повсеместно бросала иголки
колки.

***

Лошади промчались пенные
Будто кто-то бедных гнал.
Вихрь раль второстепенную
В бегстве бешенном играл.

Мчимся волны — люди.
Искренне мы стараемся «успеть».
Ожидание неистово,
Ожидание — пепел, смерть.

Мимо родственных и близких,
Мимо взглядов чьих-то пристальных,
Мимо завтра и вчера,
Мимо «нет» и мимо «да».

Век бушует море дивное
И, о берег разбиваясь,
Ускользают валны в даль
Облачную, темно-синюю,
Мрачную небес вуаль.
21.06.13

***

Дождь затаится в шуршании
жухлой листвы
Приступом смеха уходит
заноша печаль.

Я раскрываю сердца,
как шкатулки — пусты,
В сторону взгляд —
бирюзовая ластится даль.
И невозможностью можно
теперь пренебречь,
Топнуть ногою на глупых,
несчастливых собак
Кем-то приставленных
старые кости стеречь,
Не нарастает плаги
на мертвых костях...

2010

***

Осень листопадная.
Серебряные стрелы бьются о стекло,
Сыплются на дорожки,
собираются в лужицы.
Разноцветною радугой расцветают
Над унылыми высотками.
Тучи пуце хмурятся.
Из дымчатых облак соткано
Платье осенней хандры и печали.
Мне грустно,
Я с осенью плачу о том, что погибло —
Зовущее солнце, зеленые травы,
Тенистые рощи, густые дубравы...
И грусть эта — зелье, таблетка, отвара...
2014

***

**Посвящается Украинской земле,
жители которой хотят
мирного неба над головой.**

Я заново рисую поле,
Взрыхленное подошвами стальными.
Я заново пытаюсь вспомнить
Свое коротенькое имя.

Я заново рисую небо,
Звеневшее ревущими винтами.
С его ладони сыпались горстями
Снаряды неразборчивые слепо.

Я заново рисую солнце
Пушистое, весеннее, живое.
И деревце ранетное, родное
Ладошками зелеными смеется.

Я заново пытаюсь жить как встарь
До равнодушия атак крошечных.
Бездонной пасти жуткой черной бездны
Не поглотить любви моей алтарь.

Не поглотить природного терпения:
Всему черед есть свой, всему есть срок.
На поле битв смертельных — трав цветение,

Непретечающей любви зарок.

***

За спиною неуловимое движение ангела
Чертиками, пляшущими
в родных глазах, смущенного.

Бес хваткий не скупись на дары.
Не нужны ему топоры.
Ласкою окальцует без сага.
Грядет неуловимая расплата,
но до поры —

Власть и озорные чертики.
Инструментарий для вкручивания
болтиков необъяснимый.

Уйма деловых качеств: другие батрачат.
И тьма внутри как талисман хранимая...
И эти чертики...

Модные нынче как остроносые ботики...
Гадкие, черные, потусторонние...
Мне дороги теплые
руки милой матушки.

Поцелуй любимого,
игра с дочкой в ладушки.
Я не хочу пребывать в немои,
обжигающем пламени.

Я не хочу черноту
ощущать твердокаменную...
Октябрь 2013

***

Я когда-нибудь найду потерянное,
Что это вещь или мысль —
не представляю.

Но без этого я другая,
день ото дня — пустая.
С потухшим взглядом и лицом,
похожим на маску.
Лицом, на котором нет
ни единой краски —
Улыбки, сомнения, волнения, лени,
звезды, гения.

Одни тени, серые тени,
мелькающие, скользящие,
Мимолетные, но заметные.

Я научилась прятать глаза за ресницами,
когда они
Сливаются в пляске.

Я научилась жить с ними в согласии,
словно

Волнистое озеро природное,
чистое в пустом ожидании
Пловцов и пловчих, их ласковых брызг
и смеха раскатистого,

Заросшее тоскливой ряской.

Я научилась петь песни
бесконечным мельканием серости
Почти умерщвленные.

Ночью, когда их нет рядом,
Я представляю себя космическим шатлом,
Парящим меж ярких созвездий.

Я озаряюсь радостью затаенной.
Я становлюсь вновь живой и влюбленной.
2013-2014

***

Ветреных дней хоровод
роняет сомнение осадками.
Страница ночь — ворох сентенций
о прошлом тревожит.

Сны не приходят, утром пора
сказочной лени,
Меня обаяет призрачный свет —
полусон, полутьма.

Кто мы? Спрошу у среды —
не ответит.

Ходят с тобою печаль и ожидание
малого счастья.

Брат и сестра мы, быть может?
Настолько похожи.

Звук ускользающий струн.
Нежность ответная.

В мире стальном мы мягкие сердцем...
Бархатность мая пусть упадет
с моих губ птицей о землю.

Любовь разумею чувством родного,
страданием за близких.
Вот и тебя я за друга считаю.

Что же такого?
Я мир для тебя завуюю за вечность с тобою,
Зная, что ты претендуешь на счастье

со мною,

На разделенную участь влюбленных.
Разве любить значит не чувствовать
близких по духу?

Пусть будет с нами отрадою мысль друг о
друге...

Пусть будет с нами отрадою
мысль друг о друге...

Пусть будет с нами отрадою
мысль друг о друге —

Помни об этом, когда улыбнешься.
02.12.00 — июль 2014

***

Звук гитарный, пьяный вечер
Разбавляешь мозг беспечно
Алкоголевым коктейлем.
Это дружеские встречи,
Это бремени потеря
Оживляют тусклый глаз.
Парадокс на грани стужи —
Лютому врагу здесь рад
И клянешься ему в дружбе,
Нет для этого преград.
Ничего, что глубже моря
Лужи кажутся потом.

Это дружеские встречи,
Это музыки веселья огибающий трезвон.

Кто имеет приступ речи
собирает майорат.

Обо всех забытых вспомнят,
потревожит память всех
Добрый, благодарный словом,
слезы разводит — не грех.
Громогласная клокочет буря слов,
вскипает лава,
В каждом есть частица бури —
это счастье и отравы.

Невесомость окрыляет,
явь трапится как сон,
И, скорей всего, случится в голове
под утро звон.

Звук гитарный, пьяный вечер.
Разбавляешь мозг и ... вечность,
Это дружеские встречи,
Это бремени потеря,

Это музыки веселья исчезающий фантом...
27.12.01 — июль 2014

***

Напрасно я хочу, чтобы ты
был счастлив.

Над тобою мои чары
владевают.

Гляжу в зеркала тоскою
охваченные.

Душу вздерошенную
укачиваю.

Ничего не хочу для тебя
значить.

Но судьба в кулачке ночи
страстные прячет.
2012

***

У младенца зарастает темечко.
Исчезает вдохновения бабочка.

Наступает время щелкать семечки
С важным видом на лавочке.

Маленькие черные семечки —
Терапия от мыслей.

Деревянный остов лавочки
маяк среди неудач жизненных.
2012

***

Если есть ты во вселенной
С синей прожилкою вены

У основания шеи.

С родинкой на предплечье,
С плохо зажившим шрамом —

Реакцией на прививку
Под левой лопаткой.

Если есть ты во вселенной
С перчинкой характер.

То мы с тобою похожи,

Мы одной крови.

Ты тоже такой же —
Несхожий с другими,
Угрюмый, будто негодный
Людю беспечному, миру.
Невидимый клин тишины в суете.
Глубокий, но речью недлинный,
Стесняешься шрамов старинных,
Лелея мечту о красоте.
27.05.14

***

Ты на людей стала похожей
Ангел неосторожный.
Рубцы на спине сравнялись с кожей.
На антресолях крылья пылятся,
Между тобою и ею любимый слоняется...
2013

***

Не следует бежать, спешить.
Там будем все, но в разный час.
Желание судьбу прожить
Киношную

Пленено, сладостно
Питаю.

Хочу на миг, всего на миг
Побить счастливою и радостной.

И не оглядываться на других —
В затылок дышащих
Людей приветственных.

И не оглядываться на других,
И быть естественной...
Пусть этот век. Безумный век
Скользит по лезвию!

Февраль 2015

***

Мускула сердца больше не гонит кровь.
По ускользающим грезам плачет душа.
Мое боевое оружие — домиком бровь
Романному хватит ристалицу
такого ножа.

Рассвет приласкает панцири крыши.
Рассыплется солнце на миллиарды лучей.
Густые пускает ростки ощущение лишней,
Забитой тобою, незваной, ничьей...

Любовь что лекало известное всякой брюкве,
Старинный фонарь на посту бытия.
Средь жизненных кочек —
замерзшая красная клюква,

Манящая сладость, видимо, не для меня...

Средь жизненных кочек —
стихия размера вселенной,
Стихия, по сути, невыразимо ясна:

Сильнее один кто-то любит,
один кто-то любит,
Беззвучие верно ломая
простого листа.

19.08.14

Баллада о последней любви

Не скажу почему и не знаю зачем,
Я пришла в этот мир, где не знали меня.
Я пришла в этот мир не одной из проблем
Я пришла в этот мир,
чтобы встретить тебя...

Ты застал затихающий жар костра.
Ты замершие пальцы мои целовал,
И душа ни одна не была так ясна,
И близка, как твоя.

Свежим лесом запах из трубы легкий дым.
И как будто бы счастье вступило в права.
Но куда — то надолго ты уходил,
Вслед затем неизбежно пропал...

Не скажу почему и не знаю зачем,
Я искать не стремилась тебя.
День за днем пролетал — никаких новостей,
День за днем ожиданием тебя.
23.08.2013

Дмитрий Семёнов

Дмитрий Семенов родился 17 мая в 1977 году в Новокузнецке Кемеровской области. В 1994 году окончил 11 классов средней общеобразовательной школы № 27. В том же году поступил в Кемеровский Государственный Университет на юридический факультет, который окончил в 2000 году по специальности юриспруденция. В 1997 году поступил на службу в Органы Внутренних Дел РФ, где в настоящее время работаю в Управлении МВД России по г. Новокузнецку. Отслужил уже более 17 лет. В настоящее время майор. Награжден медалями «За отличие в службе» 2-й и 3-й степени. Женат, дочь-школьница.

Стихи стал сочинять в возрасте 14 лет, но записывать их стал только в 2000 году после того, как случайно встретился и пообщался с настоящим писателем Косточаковым Геннадием Васильевичем.

Сам факт того, что в нашем городе есть писатели, повлиял на то, что я стал записывать некоторые свои стихи.

С 2003 года посещал городское литературное объединение «Гренада» (руководителем была член союза писателей России Любовь Никонова).

С 2004г. имел несколько публикаций. В настоящее время пишет рассказы, преимущественно фантастику с социальным подтекстом.

Когда умрут бумажные книги

Этим утром Алексей Иванович проснулся позже обычного, в горле першило, голова наливалась тяжестью, в глазах плясали искры.

«Эх... Старость не радость!» - вздохнул пожилой мужчина, накинул халат и поплелся из своей комнаты на кухню. Выпив воды, Алексей Иванович привычно глянул на показания медбраслета: двадцать четыре единицы. Это означало, что нано роботам — «лечилкам» нужна подзарядка. Нажав на всплывшую на стенной панели памятку, Алексей Иванович убедился, что для его возраста зарядка медицинских нанороботов должна быть не менее шестнадцати. «Хм... А если бы мне было уже сто двадцать, а не сто восемь? Какой был бы заряд?» - пробормотал старик и вздрогнул, услышав звуковой ответ на свой вопрос от компьютера медблока: «При достижении возраста ста двадцати лет пациенту необходимо подзарядить модель нано систем ЭР ПИ -6788 до уровня двадцати пяти единиц. Рекомендуем произвести замену на модули ЭР ПИ КБЮ 09, которые имеют автономную систему подзарядки от кардиосистемы».

Выслушав лекцию, прочитанную медблоком, Алексей Иванович покачал головой, задумался и, шаркая тапками, прошел в зал. Правнук уже проснулся. Саня полулежал в своем любимом терминал-кресле и, судя по махам руками, отражал очередное виртуальное вторжение пришельцев.

- Саня! Хватит гонять чертей! Или заниматься учебой, деду нужен комп! - обрattился к нему старик.

- А? - пробурчал подросток.

- Дед! Ты что, не мог мне по линку сказать? Меня же с сети GELI-WARS выбило! - парень снял маску с лица и недовольно нахмурился.

- А что, уши нужны только, чтобы наушники носить? - ухмыльнулся Алексей Иванович, с третьей попытки поместив медбраслет в нишу зарядного устройства.

- Нет, дед! Просто, когда я в сети, а ты в квартире говоришь голосом, у меня «АЛЯРМА» срабатывает. Вроде как, ты просишь помощи, и меня сразу выбрасывает из вирта! На самом интересном месте! Масани лагута ери! - возмутился правнук.

- Саня! Прекрати опять разговаривать на этой тарабарщине китайской! Я же просил, дома только на национальном и без жаргона!

- О чем ты, дед? Это siamo-ханьский! На нем все тут говорят, кроме тебя, - возмутился правнук.

- Вот у родителей, в Тайване, своим будешь говорить на своем шамаханском. А тут, у меня дома, будешь на российском разговаривать, это часть твоего образования. Балбесыш мелкий!

- Дед, ты сам говоришь по неправильному! Во-первых, я с родителями живу в Таи-Пане, что в заливе Ньё-хей. И теперь все, в том числе и тут на таком разговаривают, так как страна одна. Во-вторых, мой «синхро-лингв» показывает, что такого слова Балбесыш нету! Есть ругательство - балбес! И в-третьих, я по индивидуальной общей регистратору не Саня, а Сын-Он-Ши Ли-Си-Цин!

- Цыц! Начал мне разговаривать тут, охлямон! В неделю от тебя меньше слов было слышать, а сейчас запел соловьем. Я вот твоему учителю, Коловрату Игореву, все расскажу за твое ораторство! Пусть тебе, какое-нибудь «Слово о Полку Игореве» поручит вызубрить! И фамилию Лисицын по-русски произносить!

- Да, пожалуйста! «Не лепо ли ны бяшете, братисе, начяти старыми словесы трудных повестий о полку Игореве, Игоря Святославлича!» - начал декламировать Саня.

- А вот, если я отключу от тебя все твои коммуникационные приблуды, много ты продекламируешь то? Как у тебя косолазие то не развилось, одним бесстыжим глазом смотреть шпаргалку, а другим на

меня? - покачал головой дед.

- Дед... ну ты вообще... Какое косолазие, если я фонетическую базу подключил? И кстати, уже в твое время шпорки были вытеснены подсказками с коммуникаторов.

- Ты меня поучи истории! Поучи! Шалопай! Я эту историю сам своими руками творил! Если хочешь знать, я до пятнадцати лет и компьютер в глаза не видел. Ручками все писали в тетрадках... в клеточку и полосочку! А на почте так вообще еще перьевые ручки были, которые в чернильницу макать надо было! В конторах печатными машинками стучали да бланки всякие заполняли рукописно! - Алексей Иванович так увлекся воспоминаниями, что не сразу обратил внимание на отсутствующее выражение лица у правнука, но догадался, что тот снова подключился к сети и внимает речам предка в пол уха.

- Ты меня вообще слушаешь бездельник?

- Ага, слушаю... - отозвался Санька. - Ври дальше про каменный век, когда книги были на этих... флоппи-дисках!

- Дурак ты сопливый! Бестолочь! Какие флоппи диски? Вы совсем уже разучились руками что-то делать кроме как штаны в туалете спускать! Книги! Раньше были книги и писали ручками и карандашами по бумаге! Да что там говорить, ты, поди, даже принтер матричный в глаза не видел! Ты знаешь, что такое промокашка? Ты кляксу хоть раз видел?

- Дед, я все понял, хватит мне мозг форматировать. Не знаю я никаких промокашек-какашек твоих, я на археолога не учусь! Уеха чисон, лю эй! Мне хватит загруза от Коловрата Домкратовича, - возмутился Санька.

- Вот, то-то и оно! Чему вас научит такой учитель, как Коловрат? Я его папашу знал, Игоря Михайловича, фашиста недобитого, сдвинутый был на восстановлении язычества. Может он и прав был,

что культуру и знания вы все растеряете. Накаркал! Так оно и случилось. Больше на своем китайском треплетесь. Кириллицу скоро своим смайликами - иероглифами замените! - продолжал ворчать старик.

- Ну, дед, чего ты заладил опять! Ювей саю! Я из-за тебя теперь на твоем варианте русского разговариваю, твоими словами, а не нормальными. «Здрате!» говорю, а не «Здравь будь», как Коловрат требует. Меня мама сюда в гости на месяц отправляет каждые полгода для «погружения в языковую среду», чтобы, значит, русский аттестат об образовании был, а не для изучения этой твоей ... как это... Жи Цы Си! А, дремучести ископаемой! Ты вообще чего от меня хочешь?

- Я... я..., - дед задохнулся воздухом, потом махнул рукой и обиженно пробурчал. - Я хотел в Сети найти эмулятор Windows дубль Додо...

- Додо? Это двадцать четвертую версию этого «реликта программирования»? - неподдельно удивился Санька.

- На фига? С нее же ничего не работает!

- Ну почему? Мой старый плейер работает. Дядя Гера его починил. А Винда, как я помню, и тр шесть и ТХТnew поддерживает.

- Дед, я тебе удивляюсь! Цы Син Уха! Зачем тебе этот, говоря твоими словами, отстой полувековой давности? Вот зачем? У тебя дома четыре коммуникатора! В сеть зайти и слить базу, ну никаких проблем вообще нет! И надо же было меня гнать с игровой консоли, чтобы залезть окружным путем через вирт в Сеть? Ради древних форматов данных, которыми лет шестьдесят никто не пользуется?

- Саня! Не испытывай терпение старого человека! Хватит меня поучать! Кыш от клавиатуры и, иди виртуалься сам через свои коммуникаторы. Я человек старый, меня эти ваши трехмерно объемные интерфейсы бесят, как в свое время

«феньки» с сенсорными экранами на Андроиде бесили.

- Ну, дед! Да ты как сам говоришь, изврат! Вот оказывается, почему ты меня прогонял все время! Ты с игровой консоли тексты в поисковики набиваешь. А то, что голосовые и моторико-смысловые команды всеми давно используются, ты, по-видимому, и не знаешь! Мда... Клавиатура! Подумать только! Полный Джи Цы! - правнук выглядел поистине шокированным.

- Я сам настроил эту вашу игровую консоль на возможность набора текстов, благо, есть такая функция. Не знаю, зачем она вам, игроманам, а я на ней тексты и команды ввожу, мне так удобней, что бы ты не говорил! - возмущенно начал оправдываться старик и, не скрывая раздражения, продолжил:

- Потому что сейчас нет обычных нормальных клавишных клавиатур! Нету! Нету сейчас и USB 6.0, и я не могу подключить к компьютеру свой плеер! Все теперь беспроводное! А старые стандарты не поддерживаются уже десятки лет! Но нам с Герой удалось обойти этот вывих прогресса, и теперь осталось только загрузить на эмуляторе Windows, и мой плеер будет видеть этот навороченный кусок стекла, фольги и кремния! - дед эмоционально размахивал руками и как будто не правнуку, а кому-то наверху начал толкать речь:

- Они же все сделали, чтобы мы потеряли знания! Все! Вначале появились электронные книги. Они заменили газеты и обычные бумажные книги! Потом эти сволочи ввели новые стандарты, не совместимые со старыми, чтобы убить знание в ваших распространенных форматах TXT и DOC, MP4, MP3 и других! Они прекратили выпускать принтеры, говоря, что документооборот и расчеты безбумажные! Экология, мол! Но оставались люди, особенно на периферии, кто пользовался старыми, чинил их и делал аналоги, даже бумагу стали делать из пластмассы для газет. Но прогрессоры не остановились, они просто изменили то, что считали ненужным или опасным. Они изменили энергосистему питания, вначале просто с 220 вольт на 110, а, видя, что люди делали адаптеры и подключали аккумуляторы ради старого «железа», в конце концов, вообще изменили все параметры электричества! Да можно было бесплатно поменять старые электроприборы на новые. Но что в итоге? На свалке вместе со старыми компьютерами оказались и огромные массивы информации! Все, что в сети было же на чьем-то сервере! Винчестер на свалку и знания туда же. Конечно, люди копировали, что могли, потом началась тихая, но тотальная чистка. Они почистили все! Одно подменили, другое исказили, они придумали всякий эрзац вместо оригиналов! Но я-то помню! И есть другие, кто помнит! Помнит правду. Вот на том ископаемом, по твоему мнению, плеере записи песен. Тут Киркоров, Высоцкий, Тимати. Ты даже не знаешь, кто это! А у меня там даже официально запрещенная «Красная Плесень» и «Сектор Газа» есть. Этого ты нигде теперь не услышишь. Это все стерто! Но меня-то они не стерли! Они не стерли мою молодость! Ты вообще меня слышишь? - Алексей Иванович сурово глянул на сидевшего с отсутствующим выражением правнука.

- Яй хаси Мало Даво... Ой, слышу, дед, слышу. Я тут, пока ты мне рассказывал про Красные Газы и Сектор Плесени, заказал тебе кое-что вместо моей игровой консоли. Сейчас придет посылка.

Саня услышал (или возможно увидел) только ему заметный сигнал, встал и пошел на кухню, где стоял доставочный терминал. Вернулся он с прямоугольной коробкой, из которой вытащил нечто похо-

жее на рогалик, все утыканное разнообразными клавишами и рычажками, протянул это нечто деду и улыбнулся.

Алексей Иванович недоверчиво осматривал странное устройство. Но по мере обнаружения практически стандартных ПРЯМОУГОЛЬНЫХ клавиш с разноцветными подписями кириллицы и латиницы его лицо разглаживалось, и появилась улыбка.

- Санька где ты отыскал такое чудо? Да это же практически ГОСТовская клавиатура ввода данных! Нормальная! QWERTY-ЙЦУКЕН! - дед впервые с утра улыбался, сверкая своими керамическими зубными имплантатами.

- Портал медтехники... устройство для адаптации впавших в сенильную деменцию. Ищется по тэгу «старческий маразм» и «клавиатура». Там еще функционал для олигофренов и слабоумиящих. Озвучку и рельефность можно включить, чтобы на ощупь... - пожав плечами, ответил Саня.

- Вот как, я, значит, уже стал маразматиком? - обиженно и тихо сказал дед. У него вдруг нестерпимо зачесались глаза, но слезы не выступили. Дед грузно сел на диван, положил рядом новую клавиатуру и задумчиво посмотрел куда-то, словно сквозь стену. Но вскоре в его глазах зажегся хитрый огонек азарта, он улыбнулся и сказал.

- А знаешь, что мы сейчас сделаем, Саня? Вы же в школу не ходите теперь? Домашнее обучение - по Сети? А я тебе сам практический урок покажу. Мы сейчас сделаем книгу. Сами сделаем. Уже почти все готово, я готовился к этому почти год. А с твоей помощью сделаем все быстрее, за день! Подымай задницу, и пошли в кладовку!

- Ну и что это за агрегат? - удивленно спросил Саня, когда дед закончил распаковывать коробку.

- Это? Это наш печатный станок! Мы теперь новопечатники, Санька! Это то, единственное, что сейчас можно купить из печатной аппаратуры! Этому устройству уже лет десять, но оно работает! Конечно, классический принтер был бы лучше этого устройства для распечатки картинок, но надо благодарить художников за их традиционность! - старик отодвинул панель шкафа купе и вытащил толстую стопку листов.

Удивленный Санька разглядывал четкие, но угловатые каракули, которыми были исписаны листы бумаги, и качал головой. А дед рассказывал:

- Я и раньше вел дневник. Но сначала исчезли тетради, потом блокноты, потом ежедневники. Из всего выбора остались только альбомные листы для живописи. Это, конечно, не бумага, а пластик, обработанный псевдо меловым составом. Но на нем можно писать маркерами для художников. И я стал записывать, так по старинке, руками. Я не хочу доверять свою душу этим цифровым устройствам. Этим новым мучителям человечества, этой инквизиции разума, этой подлой Сети тотального контроля. Ты просто не представляешь себе всего удовольствия держать в руках Настоящую книгу! Вот смотри, мы просто сфотографируем эти листы и распечатаем их на этой шарманке по изготовлению красочных рекламных буклетов! Потом ламинируем обложку кухонным агрегатом, сплавим листы вместе, сделав единый блок, изготовим форзац и переплет. Я все предусмотрел! На портале поделок и аппликаций все технологии расписаны, можно обойтись гладильным утюгом! Эх, жаль, нет сканера, я бы рукопись перевел бы в нормальный шрифт. Этот гроб рассчитан на печать фотографий, а не текстов!

Внимательно слушающий это Санька скептически хмыкнул, сходил в комнату, принес обычный коммуникатор, улыбнулся, что-то нажал, и на ладони матери-

ализовался трехмерный отпечаток его головы во всех подробностях.

- Дед, ты вообще мануалы к технике смотришь? На твоём игровом агрегате не только сканер профессиональный стоит, но и полная база для обработки и оцифровки любого объекта, вплоть до молекулярной структуры. Как ты думаешь, сейчас домашние фильмы снимают? А в данном случае камера - это и проектор, и сканер.

Санька быстро зачастил руками, отдавая команды компьютеру. Комната преобразилась. Часть стены стала большим экраном, на котором в причудливом калейдоскопе выстроилось ее наполнение сразу с шести точек ракурса. Он быстро понял идею деду, и работа закипела. За каких-то двадцать минут каракули деду были отсканированы и превратились в печатный текст. Еще четверть часа занял алгоритм верстки и выбор шрифта, около часа потребовалось на правку орфографии и различные украшения. Дед действительно подготовился. Обложка, дизайн, оглавление были уже продуманы. Правнук очень быстро разобрался, как подключить печатный агрегат к квартирной сети, и произвел пробную печать сразу с двух сторон. Несколько минут споров, принесенная из старческих закромов книга Достоевского «Идиот», и еще несколько озвученных ругательств помогли сделать финишную отработку книги. И вскоре они уже корнели над стыками листов. Пару раз обоглись утюгом, и, хотя получилось местами коряво, работа была закончена вполне успешно. Погладив самодельное тиснение на обложке, дед вытер выступивший пот и улыбнулся правнуку.

- Даже ждать не надо высыхания клея. Пластиковые листы - это все-таки прогресс! - сказал старик.

- Угу, был. Лет восемьдесят назад, - с ухмылкой поддал правнук.

- Ну, что, пойдём 4D-видео монтировать.

- Видео? - удивился Алексей Иванович.

- Ну да. Сам же сказал - урок. А раз урок, то, так положено. Сиу Риа Хари! Мне чем предлагаешь четыре часа, оторванных от учебы и игр, оправдывать перед учителем Коловоротом-Раком-Каком?

Они потратили еще час, но благодаря способностям современных детей, съевших собаку на такого рода деятельности, фильм получился отличный. В тридцать минут вошли все стадии изготовления книги, технические описания используемых устройств, а также возможность демонстрации интерактивной трехмерной книги. Глаза Алексея Ивановича горели торжеством. Он заговорщически подмигнул правнуку и сказал:

- Ну что, ты готов взорвать Сеть нашим учебным фильмом? Мы возродим книгу! Все узнают, как это просто! Выложишь это все на как можно больших порталах? На всех языках. Да?

- Без проблем, дед! Яй хаси Сами! - Санька улыбнулся и погрузился в работу с сетевым терминалом.

Итоги его рекламной работы устроили деду, хотя не обошлось без ворчания старика на обилие ненатуральных смайликов, но Санька смог убедить деду, что это теперь называется петроглифами и повсеместно используется для эмоционального выражения текста и очень практично, так как один значок заменяет целое предложение. К вечеру вся книжная эпопея закончилась. Дед счастливый ушел спать, а Санька, столь же счастливый, продолжил виртуальные игровые битвы.

ЭПИЛОГ

На следующее утро Алексей Иванович проснулся в отличном настроении. Его книга лежала под подушкой и, каза-

лось, заряжала его здоровьем лучшими любых браслетов - «нано лечилок». Правнук еще спал, и дед прошел к информационному терминалу сети. Вчера он разослал всем друзьям ссылку на процесс «рождения его Книги» и теперь желал послушать, посмотреть или прочитать все поздравления с днем рождения Книги. С наслаждением воспользовавшись новой клавиатурой, Алексей Иванович лихо отстукал команду загрузки контактов и почты. Но радость его прервалась неожиданным сообщением о сбос:

«ВНИМАНИЕ ОШИБКА! Ваш контент был удален или ограничен в доступности за нарушение пользовательского соглашения! Во избежание нарушения закона, Вам необходимо срочно связаться с представителями Администратора всеобщей сети! ВНИМАНИЕ! Ваши контакты были ограничены в соответствии с пунктами 3.1 и 4.1 Соглашения.

Тут же активировался сигнал входящего вызова. Над терминалом материализовалось трехмерное лицо молодого человека с чересчур ухоженным и, не реального для обычного человека, утонченным лицом киборга.

- Алексей Иванович Лисицин? - вежливо спросил незнакомец и, дождавшись кивка от растерянного старика, продолжил:

- Как официальный представитель службы мониторинга Сети я вынужден уведомить Вас, что Ваш информационный продукт «Напечатая настоящую книгу сам» был изъят из общего доступа. Возможно, Вы не знали, но данный контент нарушает исключительные права правообладателя нашей компании «Глобал Софт». В соответствии с Соглашением № 321 от 07.04.2063 года, все права на изготовление всех форм полиграфической продукции под общим наименованием «Книга» ваша страна передала в собственность нашей компании. С момента соглашения вся полиграфия изготавливается исключительно с уведомлением и под контролем нашей компании. Единственным исключением является изготовление так называемых полиграфических книг для культовых нужд религиозных организаций. Реплики книг, имеющих историческое значение, изготавливаются так же по специальному соглашению.

- Но почему? Как? Книга же всеобщее достижение цивилизации? - выдавил из себя потрясенный Алексей Иванович.

- Достигнутым Соглашением № 321, часть вторая, пункт шесть, наша корпорация безвозмездно взяла на себя обязательство переноса содержания книжных архивов в цифровую форму и их последующее хранение, и доступ к ним. С момента исполнения нашей стороной договора действует ограничение на новое изготовление объекта хранения информации под наименованием «Книга». Данная технология не позволяет отслеживать спрос и доступ к информации, она ущербна для экологии и национальной безопасности. Учитывая ваше вероятное заблуждение по данному вопросу и неумышленное привлечение вашего десятилетнего правнука к противоправной деятельности, мы откажемся от судебного преследования, в случае, если вы добровольно уничтожите все экземпляры незаконно изготовленной Вами книги и оборудование для производства и письменно обяжитесь не передавать технологию... Что с вами? Алексей Иванович, Вы меня слышите?

Алексей Иванович уже ничего не слышал, по его лицу текли слезы. А медицинский браслет мерцал надписью: «Активирован режим срочного вызова помощи! Вероятность инфаркта 90%. Нано роботы работают в критическом режиме».

Юрий ГАМОВ

Бескрайний океан. Куда ни глянь — вода, горько-соленая вода. Тяжелые волны медленно вздымаются к синим небесам. Даже ветер имеет соленый вкус в этом мире воздуха и воды. Маленькое зернышко морского судна и не заметить с большого расстояния. Какими качествами должны обладать люди ведущие корабли по курсу?

- Они должны быть надежными и обладать чувством юмора, - улыбается мой собеседник Юрий ГАМОВ, в прошлом капитан второго ранга военно-морского флота, заместитель командира тяжелого атомного подводного крейсера стратегического назначения «Акула». — Корабль уходит в плавание и люди долгое время не видят берега, твердой земли, и что самое важное, они оторваны от семьи.

Службу Юрий Гамов начинал на Северном флоте на дизельной подводной лодке. Запах солянки, теснота - повернуться негде. И когда возвращались на базу из плавания на дизеле, то земля становилась еще более красивой.

После нескольких лет службы Юрия Николаевича перевели на атомную подводную лодку «Акула».

- Чтобы представить себе силу этой лодки, надо представить себе её размеры: футбольное поле да еще высотой с большой дом. «Акула» несла 20 баллистических ракет, а это большая сила. Лодка такого класса могла уходить в автономное плавание и не подниматься на поверхность по три месяца. Правильнее сказать — могла не подниматься и дольше, потому что была снабжена установками опреснения воды, получения кислорода из морской воды, экономичным реактором. Для психологической разгрузки предусмотрены спортивный зал, бассейн, сауна и многое другое. Комфортабельные условия компенсировали необходимость находиться в подводном положении.

Поклон вам, ветераны!

День Победы

В этот радостный день
вы наденьте парадную форму.
Встаньте в праздничный строй,
чтоб почувствовать локоть друзей.
Не стесняйтесь наград, мы,
такими хотим вас запомнить.
Вы спасли этот мир для счастливых
и солнечных дней.
Вы прошли сквозь войну,
как проходят сквозь минное поле.
Кто остался в живых,
тот завидовал павшим порой.
Вы добились Победы,
своей негибимой волей.
Так примите цветы,
и поклон самый низкий земной.

Деду Ване

МОЙ ДЕД —

участник Великой Отечественной войны

Как все, с котомкой за плечами
От сельсовета шёл в строю.
«Победа будет, брат, за нами,
Мы отстоим страну свою!»

Он был подносчиком снарядов,
Артиллерист, простой солдат.
Как вдруг, рвануло что-то рядом...
Нет ни винтовки, ни гранат.

Чем должен был он застрелиться,
Чтоб не попасть в немецкий плен?
Но государственные лица
Заменят «каторгой» расстрел.

Сибирский уголь вагонеткой
Катай, Иван, родной стране,
Чтоб ели хлеб родные детки,
Ты был в плену,
не на войне.

К тридцатилетию Победы
Я помню Дам культуры полный.
Стоят на сцене пионеры.
Аплодисментов катят волны,

...Он пил стаканом самогонку
И плакал,
слёзы не скрывая:
Пусть хоть вот так,
Ну, хоть в догонку,
Его нашла награда Мая.

Ведь всё-же
Родина признала,
Что билась за неё сыны...
На пиджаке его сияла
Медаль участника войны.

Тишина

Какая наступила тишина...
Победа взорвалась огнём салютов.
И, стихло всё... Окончилась война...
Но не заснуть, не спавшим много суток.

Ни рёв моторов, взрывы иль стрельба,
А тишина до боли режет уши...
Как капли крови капает она,
Царапая свинцовой пулей душу.

Как в память врезалась такая тишина.
Как будто бы затишье перед боем.
Где соловьи? Ведь в воздухе весна,
А не бомбардировщик с жутким воем.

Ночь без войны... Пока ещё не мир.
«Победа!!!», этот крик так долго ждали.
И вот война закончила свой пир.
Допив бокал наполненный слезами.

Как много жизней выплакано в ночь.
Война гремела пеплом посыпая.
Страх смерти невозможно превозмочь,
Но шли на смерть, все страхи презирая.

Освобождая землю от чумы,
Советский воин, жизни не жалея,
Шёл в бой чтоб больше не было войны,
От взрывов не дрожали колыбели.

Прислушайтесь минутку к тишине.
И вспомните ушедших в бесконечность.
Кто ради жизни жизнь отдал войне,
Им память, им цветы, огонь и вечность.

Какая наступила тишина...
Глотками радость, горе, без рыданий.
В мозг воспалённый ворвалась она,
Прокручивая фильм воспоминаний.

Тревожно разум напрягает слух.
Не верит тишине-угрозе скрытой.
Не спит солдат. В висках лишь сердца стук.
Не спи солдат! Мир под твоей защитой!

Война. Полярный

Ух, и холодно, чёрт.
Это что же за погода.
Здесь полярная ночь, да зима по полгода.
Слышно голос войны.
Здесь бомбят регулярно.
Всю войну он на фронте,
наш город Полярный.

Волны плещут о берег, холодное море.
Город делит с тем морем и радость и горе.
Как на линии фронта он держит удары,
Чтоб встречать караваны,
залечивать раны.

Провожает подлодки в глубины морские
Защищать берега, воевать за Россию.
Под прицелом зениток огромное небо.
Но всегда не хватает снарядов и хлеба.

А морская пехота — полярная гвардия.
Здесь сегодня везде в сопках
гнезда из камня.
Пальцы мёрзнут держать
на сугробе винтовку.
Но атакой сменяется бомбардировка.

В штурм по белому снегу и с криками дикими.
Заалеют кровавые капли брусники.
Оплетают от камня осколки гранаты.
И вмерзают в окопы матросы-солдаты.

Море слёзы глотает. Солёные брызги.
А в отсеке письмо карандашным огрызком.
«Кислород на исходе, но мы не сдаемся.
Вы простите в Полярном,
что мы не вернёмся».

В снежном царстве ветров,
у холодного моря
Он стоит наш защитник,
наш северный воин.
Ни на шаг не отступил.
Он верен присяге.
Никогда пред врагом не спустили мы флаги.

Экипаж

Мы не будем делиться на красных и белых,
Нас нельзя разделить, мы один экипаж.
Мы готовы на самое трудное дело.
За Россию пойдём на любой абордаж.

Офицеры запаса, ведь вы не в отставке,
Позови и откликнется каждый из вас
Экипаж самолёта, подлодки и танка
Вы для нашей страны драгоценный запас.

Честь имеем друзья, и уж если возьмёмся,
Мы готовы за Родину душу отдать.
Пусть на нашей земле,
наш ребёнок смеётся,
Мы сумеем в бою за него постоять.

Детская подушка

(Внучке)

Волшебными снами подушка набита.
Там сказки цветные про добрых героев.
Там с музыкой чайная чашка разлита,
А фея из мультиков смотрит с обоев.

Там сотни цветов шелестят лепестками.
Там запахи детства, тепла и уюта.
И что-нибудь доброе хочется маме
Из сна принести в подходящее утро.

Клевета

Я заглянул в другое измерение.
Там правда, вся неправдою была.
Там честность вся была под подозрением,
И грязью вся обмазана спина.

Там в зеркалах ни что не отразилось.
Со слов других узнать не смог себя.
Им не знакомо было слово жалость.
Враги внушали, что они друзья.

Там чёрное, легко казалось белым,
Там белое, чернело словно ночь.
Что мог я в этом случае поделаться?
Как мог я самому себе помочь?

Как рассказать о том чего не видно,
Что чувствуешь лишь тонкой кожей чувств.
Я сплю, и мне чудовищно обидно,
Но я забуду всё, когда проснусь.

Театр

В театре за моим окном
Меняет время декорации.
Но занавес под потолком
Не всколыхнётся от оваций.

В той пьесе, что сама собой
Идёт за тоненькими стёклами,
То ветер дует ледяной,
То солнце льёт лучами тёплыми.

Там за окном другая жизнь,
Другие имена и люди,
Другие линии судьбы,
Чужие праздники и будни.

Там каждый исполняет роль
Что называется судьбою
И каждый главный в ней герой
А жизнь идёт сама собою.

Но как нам хочется порой
Костюм другой к себе примерить,
Хоть день прожить чужой судьбой.
Любить, надеяться и верить.

Григорий Маслов

Григорий Васильевич Маслов родился в деревне Балахча Алтайского края в 1920 году (1920 – 2007 гг.). Волны гражданской войны и нелёгкое послевоенное лихолетье прошли по его семье. Тем не менее, как и большинство его сверстников, он своевременно начал учиться в школе. Учёба давалась легко, особенно любил гуманитарные науки – историю и литературу, которыми начал увлекаться с начала их изучения. Первые его стихи появились на свет, когда он учился в седьмом классе.

После окончания школы начал учиться в Сталинском учительском институте, но в 1939 году был призван на срочную службу в армию, в Дальневосточный военный округ. Службу проходил в районе озера Хасан.

С началом Великой Отечественной войны в составе своей воинской части был переброшен на Западный фронт. И так получилось в жизни, что военные дороги Григория Васильевича Маслова оказались долгими – с 1939 по 1946 года: от озера Хасан на Дальнем Востоке до австрийских Альп на Западе. Потом была учёба на историческом факультете Сталинского педагогического института и первые публикации стихов в литературном альманахе. После окончания педагогического института Григорий Васильевич уехал работать за Урал, во Владимирском институте лично познакомился с известным поэтом Александром Твардовским.

Тем не менее, жизненные дороги вновь привели Григория Васильевича в Сибирь, в город Прокопьевск, где работал преподавателем истории и русского языка в Прокопьевском горном техникуме. На протяжении сорока лет своей жизни Григорий Маслов являлся внештатным корреспондентом газеты «Сельская жизнь» Прокопьевского района. В поэзии кроме классического стиха увлекался сонетами и акростихами. Книги и стихи были его главным богатством.

Из книг: «Когда приходит Вдохновение...»
и «Вдохновение № 4»

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ (По пути из госпиталя на фронт)

Подойёл я к родимому дому –
И напрасно: не вышли встречать.
Словно пальцами, ветки черёмух
Стали в тусклые окна стучать.
Под ногами крыльечка ступени
Заскрипели в пустой темноте,
И неласковый ветер осенний
Ускользал под упавший плетень.
Лишь подсолнух, сутулый и тощий,
Что при жизни не срезала мать,
Шелестя одиноким листочком,
Грустно стал головою кивать.
Обнялись мы, как в детстве когда-то,
Не скрывая утраты печаль,
И знакомой дорогой солдата
Вновь ушёл я в тревожную даль.
Ты прости меня, мама, что мало
С фронта писем тебе посылал.
Ты двоих сыновей потеряла,
Я сегодня тебя потерял.
Ждут солдата, скрываясь в сторонке,
До десятка различных смертей.
В сердце матери бьют похоронки
На погибших в бою сыновей.
Нелегко, ох, как трудно бывает
Нам, солдатам, порой на войне...
Вдалеке от переднего края
Матерям тяжелее в войну.
Тяжелее потому, что в далёком,
Но родном для солдата краю
Среди людей иль в тоске одинокой
Мать с солдатом в едином строю.
И с тобой, и со мной, и с Иваном,
Мать со всеми. Да что говорить:
Материнское сердце, как рана,
Кровоточит, саднит и горит.
Потому-то почаще пиши ей
(Ведь других ей не надо даров)
Не трактаты, не письма большие –
Просто: «Мама, я жив и здоров».

БЕЖЕНКА

(На вокзале)
Я видел беженку лет девяти, не боле,
Под репродуктором притихший замер зал.
Дремала девочка – живой комочек боли.
На окнах зимний день узором замерзал...
Быть может, снилось ей, иль вспомнила о том,
Как их эшелон горел, кругом галдёж и вой:
Мороз иль пламень жёг, в руках платок,
котомка,
Истощенный крик и стон – кто ранен и живой...
Очнулась девочка, глядит на всех устало:
Всё тот же зал, диван, кружится голова...
Стучат в виски ненужные слова,
А слово «мама» без вести пропало!

МЫ СОЛДАТ ПРОВОЖАЛИ ДОМОЙ

Песни, шутки, смех у эшелона.
Ждут солдата близкие, семья.
У дверей товарного вагона
На прощанье руки жму всем я.
Может быть, придётся и недолго
Эшелона своего мне ждать.
А пока что по закону долга
Я солдат обязан провожать.
Больше было б песен у вагона,
Веселей шутили земляки,
Если из-под Ясс, от Балатона
Поднялись, пришли фронтовики.
Эх, война, война, чужие страны...
Всё осточертело тут!
Что же, подождём, когда каштаны
На бульварах Вены отцветут.

ИВЫ

Дни пролетают беспечно, лениво,
Зреет тревога в душе беспокойная:
Скоро ль увижу я русские нивы
И перед окнами ивушку стройную.
Дни проплывают, как ветром гонимые,
Тучи по небу плывут безмятежно...
Скоро ль под ивою встречу любимую,
Девушку-иву с улыбкою нежной.

В ПАРКЕ

Когда-то здесь носился эскадрон
Чапаевцев, мальчишек босоногих.
Потом войны изрытые дороги
Мальчишек увели на фронт...
Рассветом багровел восток.
Луна смотрела тупо с ветки ели.
Солдаты падали. И пули –
В кустах акации свистели
И зарывались в бруствера песок.
Во тьме шарахались вороны,
Разбуженные залпами орудий.
Два стройных тополя разбитой грудью
Зарылись в жерла чёрные воронок...
Теперь, где зелень зарос кровавый след,
Откуда в город ворвались когда-то,
Стоит мальчишка бронзовый с гранатой,
Мальчишка в восемнадцать лет!
А рядом... Напряжённейший момент!
Сигнала ждёт гагаринцев ватага...
Их юному дерзанью и отваге. Под стать
Лишь только звёздный постамент!

ЖИЗНЬ

Если кудри пышные редекот,
Сединой припудрены виски:
У природы родилась идея –
Написать с вас старости эскиз.
Взяв палитру, жжёную сиену,
Полотно поставив на мальберт,
Воссоздаст трагическую сцену,
Равнодушна к просьбам и мольбе.
И промолвит, отойдя немного:
– Ну-с, позёр, окончила, спешу.
Катафалк и торную дорогу

Я с натуры завтра напишу.
Средь других под снежную порошей
Холмик твой увидеть нелегко.
Ты же будешь жить в делах хороших,
В памяти твоих учеников!

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Жизнь кипит, под неба синим зонтом
Всё смешалось: радость и печаль.
За чужим холодным горизонтом
Мне мерещится иная даль.

Горизонт становится всё шире,
Ярче краски, на душе светлей;
Вспомнил я простор родной Сибири,
Несравненной Родины своей.

Здесь, в чуждой стране, на юге,
Многое увидеть довелось.
Только нет здесь диких песен выюги
И в степи танцующих берёз.

РЯЗАНСКИЕ ПРОСТОРЫ

О, вольный ветер, ни леса, ни горы
В пути преградой не были твоей.
Лети, мой друг, в рязанские просторы,
Где колыбель поэзии моей.

Ведь было ж это, всё когда-то было
В моей родной, любимой стороне:
Берёза, пруд и рыжая кобыла
Шептала травам песни о луне.

Живя в столицах, мыкаюсь по свету!
Ах! Сколько же я дома не был лет!
Как сына блудного, прости поэта!
Прости, мой край! Привет тебе, привет!

Стоит берёза, поклонюсь ей в пояс.
Цветы ей, помню, в косы я вплетал.
Легко, безумно жил, не беспокоясь.
О счастье и любви тогда мечтал...

ПУШКИНУ

Венок сонетов
(Отрывок)
1: Мороз и солнце! Да, зимою
Такие дни светлы, тихи,
И в памяти сами собою
Всплывают дивные стихи:
«Мороз и солнце, день чудесный!»
Пора, красавица, проснись...»
В квартире, в камнате нам тесно:
Сбегаем по ступенькам вниз.
Какой простор, какая свежесть!
В восторге хоть «ура» кричи.
Лентяй лишь может на печи
Лежать под шубой, томно нежась.
Друзья, да что там говорить:
Чудесней дня не может быть.

2: Чудесней дня не может быть,
Когда порядок дома, в поле,
Когда в набат не надо бить,

Страна не корчится от боли.
Когда улыбка от души,
Без дела не ржавеет молот,
Когда не плачут малыши,
Не зная, что такое голод,
Когда в почёте труд и честь,
За труд – достойная награда.
Когда в России то, что надо,
В достатке, в изобилие есть.
Но что б ни стало со страной –
Стихи твои всегда со мною.

3: Стихи твои всегда со мною.
Не мог же я их позабыть.
Ты научил меня, не скрою,
Природу, Родину любить.
Былому в облаке тумана
Сокрыться было суждено.
Я видел башни Аккермана
И пил молдавское вино.
Смотрел на водную стихию
И слушал волн немолчный шум,
Как в полусне, лишённый дум,
Шептал, читал твои стихи я.
Иначе не могло и быть:
Их невозможно не любить.

4: Их невозможно не любить,
Стихи твои – познания средство.
Они, как Ариадны нить,
Ведут нас в мужество из детства.
Не золото и не серебро,
Во дни тяжёлого ненастья
Ты проповедовал добро,
Источник радости и счастья.
Когда навис девятый вал
И захлестнул Свободы пламень,
Ты твёрд и крепок был, как камень.
И милость к «падшим призывал».
Как драгоценное наследство,
Стихи твои мы знаем с детства.

5: Стихи твои мы знаем с детства.
Когда наш мир был – стал, постель.
Тогда-то, в наше малолетство,
Зимою пела нам метель.
Стенала, выхрилась у дома
(Не знаю, что её влекло).
Шепталась с кровельной соломой,
Упорно в мёрзлое стекло
Озябшим путником стучала...
Что мог понять тогда «малец»?
Потом я понял, наконец:
Она стихи твои читала.
Стихи! Их слушал млад и стар.
Они для нас – как Божий дар.

6: Они для нас – как Божий дар.
Очистят душу нам от хлама.
Они сильнее, чем удар
На звоннице святого храма,
Тревожат добрые сердца,
Сердца открытые, простые
За участь сына иль отца,
Или за нашу мать – Россию.

14 марта 2015 года в возрасте 77 лет, в Москве, ушёл из жизни

Распутин Валентин Григорьевич

Русский - советский писатель, публицист и общественный деятель, Герой Социалистического Труда; Лауреат двух Государственных премий СССР, Лауреат Государственной премии России и Правительства Российской Федерации, и других... Премий - в области литературы.

Родился Валентин Григорьевич Распутин «15» марта 1937 года, в селе Усть-Уда

Восточно-Сибирской (ныне Иркутской) области.

С двух лет жил в деревне Аталанке Усть-Удинского района, которая, как и старая Усть-Уда, в последствие попала под затопление, после строительства Братской ГЭС.

Начало школьной жизни Валентина Григорьевича пришлось на 1944-й военный год.

После окончания Начальной школы в 1948 году, одиннадцатилетним подростком, с целью продолжения им дальнейшего обучения в школе, родители увезли его за пятьдесят километров от своего дома и сдали в школьный интернат. Иде он продолжал и своё школьное образование, и получал первые жизненные уроки и навыки самостоятельности.

Позднее, об этом периоде своей жизни, он напишет замечательный рассказ «Уроки французского».

В 1954 году после окончания «интернатской» жизни и средней школы, поступил учиться на Историко - филологический факультет Иркутского государственного университета.

В студенческие годы увлёкся литературным творчеством, стал подрабатывать внештатным корреспондентом в молодёжной газете..., в которой опубликовал и первые свои очерки. Один из которых - «Я забыл спросить у Лёшки», в 1961 году был опубликован в альманахе «Ангара».

Окончив Университет в 1959 году Распутин несколько лет работал в газетах Иркутска и Красноярска, часто бывал на строительстве Красноярской ГЭС и железнодорожной магистрали Абакан - Тайшет. Очерки и рассказы его в увиденном тогда, позднее вошли в сборники его рассказов «Костровые новые городов» и «Край возле самого неба».

«Крестным отцом» начинающего прозаика стал уже широко известный тогда Виктор Чивилихин, приехавший в Читу на совещание молодых писателей Сибири. Своими учителями Валентин Распутин считал русских писателей Фёдора

Достоевского и Ивана Бунина.

В 1966 году Валентин Распутин становится профессиональным писателем и литератором. В 1967 году - членом Союза писателей СССР.

Первая книга Валентина Распутина «Край возле самого неба» вышла в Иркутске в 1966 году.

В 1967 году была издана в Красноярске его книга «Человек с этого света»; в том же году - повесть, «Деньги для Марии», была опубликована в иркутском альманахе «АНГАРА», в 1968 году эта повесть вышла отдельной книгой в издательстве «Молодая гвардия» в Москве.

В полную силу талант писателя раскрылся в повести «Последний срок», опубликованной в 1970 году, заявив о зрелости и самобытности автора.

Затем последовали рассказы «Уроки французского» (1973-й год), «Живи и помни» (1974-й год), «Прощание с Матерой» (1976 год).

В 1979 году Валентин Григорьевич Вошёл в

редакционную коллегию книжной серии «Литературные памятники Сибири» Восточно-Сибирского книжного издательства.

В 1980-х годах, живя и работая в Москве и Иркутске, являлся членом редакционной коллегии журнала «Роман-газета».

В 1981 году вышли новые рассказы: «Наташа», «Что передать Вороне», «Век живи, век люби».

В 1985 году увидела свет повесть «Пожар», вызвавшая большой интерес у читателей своей остротой и современностью изложенной в ней проблемы.

В 1995, 2004, 2006, 2009 годах были опубликованы рассказы и очерки «В ту же землю», «Вниз по Лене - реке» и другие. В эти годы Валентин Григорьевич кроме писательской деятельности занимался и общественно - политической деятельностью, был избран в российскую Государственную думу.

По произведениям Валентина Распутина поставлено семь кинофильмов.

За плодотворную деятельность в области литературы в 1971 году Валентин Григорьевич был награждён орденом «Знак Почёта», в 1981-м году - орденом Трудового Красного Знамени, в 1984-м году - орденом ЛЕНИНА.

14 марта 1987 года - «За высокие заслуги в развитии советской литературы, плодотворную общественную деятельность, и в связи с 50-ти летием, со дня рождения» Валентину Григорьевичу было присвоено звание Героя Социалистического труда с вручением ему второго ордена ЛЕНИНА и медали ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА Героя труда.

В 2002 и 2008-м годах он был награждён - орденами «За заслуги перед Отечеством - третьей и четвёртой степеней».

В 2011 году - «Орденом Александра Невского».

Валентин Григорьевич Распутин являлся семикратным лауреатом российских Государственных премий и Премий Правительства РФ., в области литературы.

Иван Стаднюк продолжает воевать

(К 95-ти летию со дня рождения писателя-солдата)

О Великой Отечественной писали, пишут и будут писать многие, но независимо от того, появится ли новый Лев Толстой (родившийся, как известно, через 16 лет после изгнания наполеоновских орд), Иван Стаднюк сохранит своё особое место среди авторов этой темы. Во-первых потому, что он вышел из самой, как говорится, народной толщи, из крестьянства, и горе мыкал такое, что никакому горожанину не снилось. Ведь родился Иван Фотиевич в 1920-м, и трагедия коллективизации пришлось на его подростковые годы. Он был фронтовым корреспондентом, но низового звена - не из тех, как наши знаменитые к тому времени писатели, которые общались всё больше с генералами и обеспечивались максимально возможным по тем условиям комфортом.

молоденький советский офицер...

...Иван Стаднюк написал немало хороших книг, в том числе об известном всем кино и телезрителям раздутом паренёчке по имени Максим Перепелица. А вот с главным своим творением Иван Фотиевич допустил, как представляется, ошибку, какую допустили многие, подобные ему, немолодые писатели. Он задумал огромное эпическое полотно «Война», но успел довести его лишь до первых месяцев войны. Возможно, ему помешала огромная общественная работа, которую он вёл в писательском мире Советского Союза. Однако и то, что он успел написать, на мой взгляд, бесценно. Ибо это честный, высокопрофессионально написанный рассказ из первых рук. И я имею в виду не только неоконченную «Войну», но и мемуарную книгу «Исповедь сталиниста».

Не хочу называть по именам некоторых, порой отнюдь не bestальных литераторов, которые со временем, то ли почуяв конъюнктуру, то ли, как они сами уверяют, «эволюционировали», стали опровергать сами себя. Один из них, певец стахановского движения, начал поливать грязью его зачинателя, второй переменял отношение к Павлику Морозову с восторженного плюса на убийственный минус, третий «разжаловал» Красную армию из освободительницы Европы в орду насильников и оккупантов и т.д. Иван Фотиевич Стаднюк сохранил верность своим идеалам...

Ценность книг Ивана Стаднюка, по моему глубокому убеждению, с течением времени будет возрастать. Потому что, без сомнения, продол-

Приходилось ему бывать в смертельно опасных переделках, причём связанных не только с вражескими атаками и обстрелами. Так, однажды на прифронтовой дороге попались ему два добродетельных попутчика, которые потом оказались немецкими диверсантами. Надо ли комментировать политическую сложность ситуации, в которую попал

жится наращивание лжи о нашем прошлом, о нашей истории (прежде всего её советского периода) и особенно - о Великой Отечественной войне. О том, какими людьми мы были тогда, и даже о том, что тогда происходило. Это хорошо понимал Иван Стаднюк, потому и торопился, пусть сжато написать о самом главном. Он умер в 1994-м, а ещё за четверть века до того вышла в США справочная книга по истории некоего мистера Фодора..., в разд. Касающемся нашей страны, соседствовали две даты: «1937 год - репрессии в СССР» и «1945-й - советские войска занимают Восточную Европу вплоть до Вены». Между этими «справками» не было ничего - ни обороны Москвы, ни Сталинграда, ни Курска, ни даже 22 июня 1941 года... Что ж, надо признать, что фодоры отвоевали некоторую часть нашей читательской аудитории - мне уже приходилось встречать среди старшеклассников оболтусов, не знающих даты начала Великой Отечественной войны.

Ликвидируем ли мы этот вражеский плацдарм и пойдём ли в дальнейшее наступление, зависит только от нас. А оружия для этого у нас много - в том числе и книги Ивана Стаднюка.

Максим Перепелица в исполнении Леонида Быкова.

Юрий Баранов: «Литературная газета» № 10 (6500), 11 - 17 марта 2015 года.

Анатолий Грохов

Грохов Анатолий Иванович родился в 1923 году в селе Морозово Промышленновского района Кемеровской области в рабоче-крестьянской семье. С детских лет имел пристрастие к чтению книг и литературному творчеству. Свою трудовую деятельность он начал в августе 1940 года - инструктором-корреспондентом Киселевской районной газеты. С августа 1941 года по сентябрь 1946 года служил в частях Красной армии - принимал участие в боевых действиях на полях Великой Отечественной войны, в том числе - в Сталинградской битве, в составе 8-го Отдельного полка связи 5-й Ударной армии. После демобилизации из армии - в 1946 году, вернулся в свой родной Кузбасс. Работал в горисполкомах городов Киселевска и Белово, заместителем редактора и редактором Беловской районной газеты, ответственным секретарём межзональной областной газеты «Сельская правда». После переезда в Прокопьевск, по семейным обстоятельствам, работал редактором многотиражных газет на шахтах «Зимника 3-4» и имени «Ворошилова». С марта 1971 года по ноябрь 1985 года - Ответственным секретарём Прокопьевском городской организации общества «ЗНАНИЕ». После ухода на пенсию, на протяжении десяти лет (с 1994 по 2004 годы) работал председателем Прокопьевского городского Совета ветеранов труда, войны, Вооружённых сил и Правоохранительных органов. Являлся членом правления областного Совета ветеранов, членом областного Комитета участников войны.

Литературной деятельностью занимался на протяжении большей части своей сознательной жизни. В 1995 году, к пятидесятилетию юбилею Победы в Великой Отечественной войне, администрацией города Прокопьевска выпущена книга «Прокопьевск. Вклад в Победу», редактором и основным организатором сбора и обработки материалов, которой, являлся Грохов А.И. После издания названной книги увидели свет два поэтических сборника Анатолия Ивановича: «О, Господи!» и «Срединный»; в 2002 году - сборник стихов и прозы «Моё современье»; в 2007 году увидела свет - первая часть литературно-публицистического романа «Неугомон», в 2009 году - вторая... Анатолий Иванович Грохов являлся ветераном труда, ветераном и инвалидом второй группы Великой Отечественной войны, членом Союза журналистов России, членом писательской организации Кузбасса (отделения Союза писателей России)

Колёса под нами

В теплушке печурка, и мы - на саламе,
Колёса под нами на стыках тревожат,
Мол, детство осталось
в родительском доме,
Теплушка с печуркой на жизнь не похожа.

На фронт устремился состав краснобокий,
И мы - на саламе, и стыки тревожат,
И в думах ребячьих - наш бой недалёкий,
И битва на поле на игры похожа.

Леса и посёлки мелькали, мелькали,
Состав краснобокий гудками тревожил,
И мы на саламе сидели, лежали...
А кто-то гармошку на песню неволил,

И в песне возникшей Сибирь узнавалась,
И стойкий характер, отвага, решимость
В парнях без сомнений, в ней признавались:
В душевном настрое была и ранимость-

Ночная сморённость ту песнь усыпила,
Солому впритирку прижали чертовски...
А в козлах у входа и возле настала
До первого боя стояли винтовки.
1942 год.

Война меня унизила

Война меня унизила,
Заставив убивать,
Душой (в её коллизиях)
Под пулями страдать.

Война меня унизила
Фашистским «хэнди хох»,
Иди, мол, к ним в зависимость
Велел расистский бог:

Душа моя отринула
От смысла слова «хальт»,
Душа моя не синула,
А шла, чтоб не стоять.

И с мыслями о Родине,
Сражался я с врагом,
Война меня возвысила
Победою над злом.
1945 год.

Знает, почему

Как во сне дурном
Пребывал старик,
Отходил туда,
Где покой велик.
Умирал, а мозг
Памятью страдал -
По кольцу прошёл,
Много повидал.
В чувствах - даль и ширь.
И душой не раб,

И умом горазд,
И в труде не слаб.
По кольцу в кольце
Горячилась кровь,
И была напасть,
И была любовь.
Но стрелой в мозгу
Случай давний жёб:
Друг упал в бою,
Он же - не помог.
Торопящий бой,
Как дразнивший зверь,
Овладел судьбой...
Что тот бой теперь?
От «стрелы» в мозгу,
Через много лет,
От кольца в кольце
Он нашёл ответ.
Унесёт старик
Свой ответ во тьму.
Где покой велик,
Знает, почему.
1991 год.

Россия где-то на плаву

Теперь во сне и наяву
Сумбурно видятся картины:
Россия где-то на плаву -
На глубине её вершины.

И мчится страшно в падь глазниц,
А в них просторам не вместиться
И воли нет, и нет границ,
И болью омывает лица.

А между тем: вольна, умна
И много раз была воспетой.
Со всех сторон углов - видна,
В одежде пышной и раздетой.

И, как не силюсь, не объять
Её побудок, отрицаний,
Когда ей надобно сиять,
Она в чаду благих страданий.

Планета черствеет

Планета черствеет,
Планета страдает,
От взрывов чернея -
Окраску меняет.
Дешёвые люди
Купаются в злате
И доброе рушат,
И злобное ладят.
Да, грустно и сложно,
Что золото слепо.
Погибнуть ведь может
Планета нелепо.
Её бы почистить З
ерном всемогущим,
Что крошит породы
И сытит - идущих.

Вторгался любовью

Увидел в таёжнике дятла во фраке,
И замер, виденьем дивясь:
В тональность оформлены «постуки»
птахи,
Волшебна в них музыки вязь.
Он дробил выстукивал гаммами, в раже,
И стала ликующей ель.
Вторгался любовью и пенял жаждой,
Мой дятел в звенящий апрель.

Юлии

На МоннуЛизу ты похожа -
Лицо прекрасно, вижу в нём:
Ты и «житейна» и пригожа,
Сиянье в облике твоём.
Твои беседы откровенны -
Несут разгадку глаз, лица...
Открытость слов - о сокровенном,
Дают возможность созерцать.
Твоя улыбка мне приятна,
Когда один - по ней грущу.
Знать от того и безвозвратно,
В себе - надежду..., я ношу.
Она ж - застывшее мгновенье,
Загадка потому она,
Что как художника творенье,
«Нерасшифрованной» дана.
Ведь до сих пор предполагают -
В её улыбке: Что? И что?..
Глядят на Монну..., созерцают,
Годают, лгут - она, мал, то...
Конечно, я не равнодушен
К загадке вечно молодой,
И лик её, мне, очень нужен,
Чтоб быть понятнее, с тобой.

Цветы «взложил» я...

Цветы «взложил» я на мозгу,
Но - там, во мгле, истлевшей...ей,
В них нет ни радости, ни силы
И что ей - в памяти, моей.
Вот я стою, дрожат ресницы -
Голубка, нет тебя родней...
Ты промелькнула - как зарница,
Оставшись радостью детей.
Победою над злом.
1945 год.

* * *

Живу в заботах - простовато:
Друзья, жена вторая, есть...
Как видишь, я уж староватый,
И на лице морщин не счесть.
И вот стою - дрожат колени,
Держу себя, чтоб не рыдать.
Нет в жизни хуже потрясений...
Моя любовь и детям мать.
Вот я стою, казнясь тоскою,
Слеза «пришла» к моим губам,
А мне прильнуть своей главою,

Так хочется к твоим ногам...
Вновь окунуть в котёл работы,
Забудусь как-то, по тебе,
Отдамся «баловням» - заботам,
Не буду жалиться судьбе.

Учитель мой

Учитель: буквы, цифры...
Ставший, ступенью в таинство познаний,
В моей мечте шагнул ты дальше -
В долину творческих исканий.
Учитель мой, твои - аз...буки,
Как птицы в небе, рыбы в море,
Ведут и в книги, и в науки,
И, как ключи, к судьбе и воле.
Учитель, образ твой приемлю
Моим стремленьем вглубь познаний.
Азы - тот плуг, что пашет землю.
А дальше-жизнь, как плод желаний.
В долине много нас, охочих
Найти не золото наживы,
А золотую жилу зодчих
В просторах тяжкой, светлой нивы.

Доброте я сердце доверяю

Когда снегам лежать немоготу
И плавятся, ручьями истекая,
Я отмечаю Солнца доброту,
А доброте я сердце доверяю.

В войну ломали, били тьму-орду,
Со злостью гнали, смертно добывая,
Я в этом видел только доброту,
А доброте я сердце доверяю.

В мышление набираю высоту
И возмущённо зло избличаю...
Познаём понимая доброту
И доброте я сердце доверяю.

Весенний привет

«Апрелевы» воды,
«Апрелевый» свет,
«Апрелевы» ветры -
Весенний привет.

Ручьям улыбаясь,
Играют в бега,
Бегут в «перезнашки» -
Там, где-то, река.

И живость, и радость
Роскошны в ручьях,
Глубины и мелли
Прозрачны в лучах.

Весенние звоны
Ушами плывут,
Ожившую душу
На дали зовут.

Сергей Загнухин

Родился в октябре 1962 года в Кесовогорском районе Калининской (ныне Тверской) области. Окончил СМИ г. Новокузнецка. Три года отработал по распределению в Комсомольске-на-Амуре на заводе «Амурсталь».

После возвращения в Новокузнецк работал на КМК инженером-конструктором в сортопрокатном цехе, работал массажистом в лечебно-оздоровительном центре, видеинженером на телевидении «10 канал». Сегодня трудится в Центральной библиотеке им. Гоголя, в последние годы — главным библиотекарем. В зоне его ответственности четыре клуба по интересам: киноclub «Диалог»; клуб любителей фантастики «Контакт»; философский клуб «Экзистенциал» и клуб духовного поиска «Солнечный путь».

Впервые написал заметку 1995 году для газеты «Сельский труженик». Более серьёзно Сергея взялся за перо побудила Лариса Павловна Савицкая — тогда ведущий журналист газеты «Кузнецкий рабочий». С её лёгкой руки в газете довольно регулярно стали появляться его заметки, статьи, путевые очерки, первый — о путешествии на Байкал в 2005 году: «Хожение за три региона». Следующий поворот в писательской карьере нашего героя случился после того, как в библиотеке ему поручили курировать клуб любителей фантастики. Особая творческая атмосфера, созданная президентом «Контакта» Ником Калашниковым и другими контактовцами, вдохновила Сергея к написанию художественных, зачастую фантастических, рассказов.

Ещё одно увлечение Сергея: участие в сетевых литературных турнирах, но только в последние годы некоторые его рассказы на литературных порталах «Фензин» и «Полки книжного червя» стали занимать призовые места в небольших литературных конкурсах, в частности: «Палеоконтактом по кумполу», «Невеста Кутха» и «Баба Юля» — первые; «Один день» и «Пиг, Ма, Лион и прекрасная Галатея» — вторые; «Рыцарские страдания», «Тайна Кровавой Мэри», «Ода врагу» и «Таких не берут в космонавты» — третьи.

Любовь к малой родине побудила начать цикл «Ностальгия по детству». Ещё одна школьная страсть — увлечение историей, вдохновляет написание исторических рассказов. Туристическая жилка тоже находит отражение в творчестве Сергея: после каждого похода появляются путевые заметки, рассказы и миниатюры.

Один день

Невысокие горы, небольшие речки, маленькие деревушки в дороге, дорога, дорога... Которая тянется, словно сама жизнь, невольно навевая воспоминания...

...Как десять лет назад, ехали мы по этому же тракту на этой же машине и с той же целью, только втроем, мы — два Сергея, и молодой Дима. Ну, как молодой, это для нас в тебашные сорок, его двадцать семь — несуетная молодость, а для жены и дочери в самый раз.

И вот мы опять наматываем те же километры, а Димы уже нет с нами... Кто отмеряет нам время жизни: Бог, Рок, Судьба, Случай? Или действительно три мойры прядут, скручивают и обрезают нить жизни каждого человека? Нет ответа... Есть только вера...

За всякими такими думками доехали и до самой высокой точки Чуйского тракта — Семинского перевала. Вид отсюда не ахти, а вот сам он очень красив. Что меня больше всего поразило: ещё нигде я не видел такого большого кедрового леса, причём чистого кедрача.

Оставив нашу «Оку» у базарчика, мы больше часа гуляли по этому кедровому раздолью... Вот куда анастасийцы должны паломничать, среди такого раздолья уж точно должна попасться не одна сотня «звонящих» кедров. Но и у нас остались незабываемые впечатления: с чем можно сравнить чистейший горный воздух,

настоянный на аромате кедровой хвои? В сосновом бору удивительно легко дышится, а в кедровом, да на перевале... Покой и благодать словно разлиты тут в воздухе...

Нет, недаром этот перевал священный у местных, недаром. Я бы тут остался и на день, и на два, благо, тут и просёлочки в разные стороны убегают, но... пора вперёд — труба зовёт.

Спуск пологий — целых одиннадцать километров, причём дорога пролегает чётко по границе кедрового царства: выше по склону кедров во всей своей красоте, а ниже смешанный лесок. По придорожным лужкам, как шляпки гигантских грибов, бугрятся аккуратные копынки, или катятся на месте модели сениных галактик — плотные рулоны.

А дальше опять дорога, дорога... Медленно наплывают друг из-за друга новые горы, мелькают за окном деревни и сёла с колоритными названиями: Туэкта, Шашикман, Онгудай; встречаются и вполне привычные Улиты и Хабаровки. Долгое время тракт как будто бежит наперегонки с рекой Урсул. Его долина — истинный рай для археологов, да для них ведь Алтай — настоящий подарок судьбы, тут, куда ни ткнишь, — на скальных рисунки, стелы, могильники да курганы.

Перевал Чике-Таман ниже Семинского, но гораздо круче и зрелищней: тут лента шоссе резко ввинчивается ввысь петлями горных серпантинов, частенько прогрызаясь сквозь громадные скалы, и так же живописно спускается в долину. Местами невольно перехватывает дыхание, и в голове, как на заезженной пластинке, начинает крутиться мысль: «Толь-

ко бы не отказали тормоза, только бы не отказали...»

Вид отсюда красив, особенно с нитки старого тракта: все, кто в курсе, находят ведущую туда, заросшую каменистую дорожку. Мы тоже отыскали эту своего рода «тропинку времени», на высшей точке которой, над самой пропастью, притулилось сбитое из досок строение известного назначения, открытое всем ветрам высокогорья. Ну, вы поняли — без двери. Хохотнув по этому поводу, выходим на старый тракт. Он вполне в рабочем состоянии, только узковат для нынешних реалий и гораздо круче современного, а вид отсюда, действительно, великолепен: отлично видны горные цепи, сходящиеся к долине перевала, и сам тракт, убегающий в обе стороны гудроновыми лентами. У некоторых людей от вида открывающихся дальше, пьянящего воздуха и быстрого подъёма натурально сносит крышу. При нас вполне взрослый человек, во всю мощь лёгких орал сверху разную чушь, типа: «Я — хозяин жизни!»

И я его понимаю, только нас с Сергеем прибило по-тихому: просто хотелось стоять в тишине и покое, как можно дольше созерцая открывшееся великолепие... Но... таково свойство любого

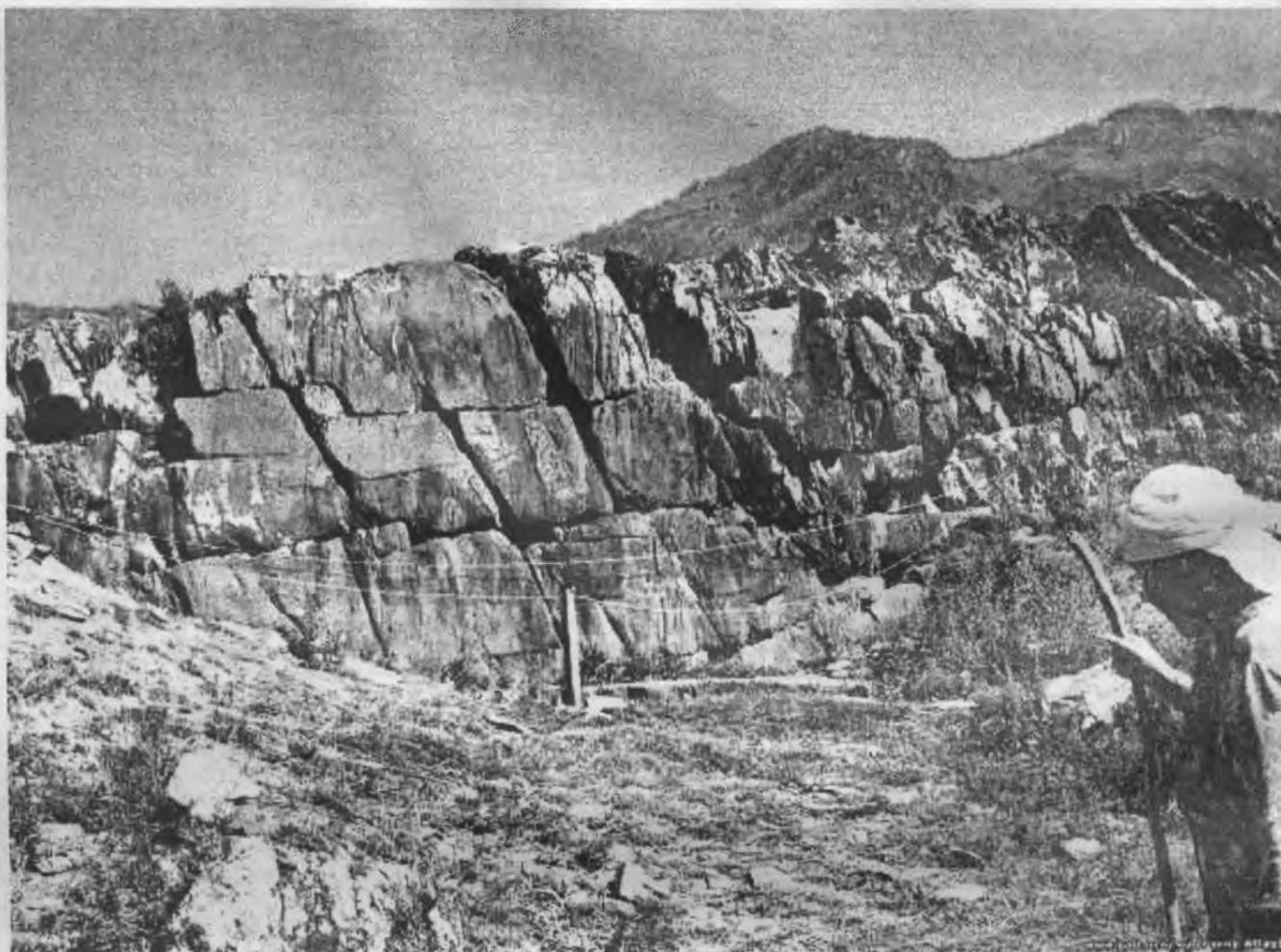
времени — оно обязательно проходит. Прошло и это.

Перед поездкой мы с Серёгой пошерстили интернет на предмет достопримечательностей Чуйского тракта, большинство сведений из головы благополучно выветрилось, но кое-что задержалось. Поэтому, миновав село Иня и как вперёдсмотрящий на корабле бдя за окрестностями, я издали заметил древние стелы.

Тут-то и настал мой звёздный час: я с детства ушиблен историей, а если удаётся попасть на действительно древнее место, так случается полный экстаз, почти мистический. Первый раз это накрыло меня в Крыму, когда с горы Демерджи увидел одновременно, почти на одной линии остатки крепости Фуна и развалины башен генуэзского Алуштона. Как волна, нахлынуло на меня тогда какое-то сакральное понимание единства и непрерывности времён и народов...

Так и тут, подъезжаем к этим стелам: а их там две большие и одна маленькая, подходим к оградке, и просыпается во мне первое воодушевление. А когда перелез через оградку и дотронулся до самой большой, а она почти в два раза выше меня, да как представил, что она тут стоит не одну тысячу лет... и люди всех-всех народов Алтая стояли на этом же самом месте и смотрели... и дотрагивались...

...Да я почти увидел всех этих тюрков, хунну-сарматов, скифов... вплоть до неандертальцев. Конечно, стелы поставили не они, а, скорее всего, предшествен-

ники скифов в энеолите (медном веке) как оленные камни, а все остальные использовали в своих целях. Скифы выбили на них свои черты, пояса и чеканы, хунны, скорее всего, стесали лица и повалили сами монументы, тюрки вкопали опять и приспособили как элементы погребального комплекса... Рядом видна почти втоптанная в землю гряда камней... Так и стоят они до сих пор, равнодушные к людским почитаниям и поруганиям... Какие истории поведали бы они нам, если бы могли?

Загружаемся обратно в машину и катим дальше. Но время Клио ещё не миновало: через несколько километров от слияния Чуи и Катуня подъезжаем к самому большому урочищу наскальных рисунков Алтая — Калбак Ташу. Всё это дело строго охраняется, и без экскурсовода к петроглифам ходить нельзя... Но жизнь вносит свои коррективы: дело уже здорово к вечеру, и экскурсовод — высокий худощавый алтаец средних лет — «шибко устал» за день, поэтому пропускает нас одних.

Устал он, похоже, действительно не слабо: за день «поднял» грамм этак семьсот, а то и весь литр... Чего бы он нам там нарасказывал — бог весть... лучше уж

мы сами, тем более необходимый минимум спокойно прочитали на плакате у музейной юрты.

Святылище это почитается с каменного века, и древние художники выбивали тут свои рисунки многие тысячи лет, поэтому поднимаюсь по хорошо заметной экскурсионной тропинке от одной расписанной скалы к другой, мы будто спускались по спирали времени. Вот древнетюркские руны и тамги — самые близкие к нам. Поднимаемся дальше и попадаем в царство скифских охотников: этих круторогих козлов, благородных оленей, собак-волков и барсов сложно с кем-нибудь спутать, даже человек не очень интересующийся древностью хоть раз да слышал про скифский звериный стиль.

Вот и эпоха бронзы, тут счёт пошёл уже на тысячелетия... Воины или охотники, вооружённые палицами и копьями, колесницы, вьючные быки, погонщики, тут же фантастические животные или это шаманы в звериных масках. Много женских изображений и мужских, с ярко выраженным признаком: ну как же, фаллос — общепризнанный в древности символ плодородия и богатства.

А вот и большие изображения оленей и козлов, мы добрались до каменного

века, этим животным уже по 6-8 тысяч лет, они старше цивилизации в Шумере, Египте и Мохенджо-Даро... Что тут можно сказать? Лучше постоять молча...

Все-таки хорошо, что экскурсовод «установив» — можно переступить через оградку (где она есть) и прикоснуться к этим рисункам, провести пальцами по их контурам да просто постоять, прижавшись щекой к скале... И пусть я перепутал все эпохи, а, скорее всего, так оно и есть, но ощущение тёплой, нагревшейся за день поверхности камня, будто передающего мне тепло рук тех художников-творцов с их чаяниями и устремлениями, надеждами и опасениями, стремлениями и заботами, мне кажется, это гораздо ценнее любой лекции, прочитанной даже академиком. А промахнулся на тысячу-другую лет, так это неважно, даже самая молодая тюркская эпоха сейчас уже седая древность. И я уверен, что все эти люди не очень-то и отличались от нас: так же любили, дружили и ненавидели, так же стремились к счастью и так же ошибались и разочаровывались. Может, были более жестоки и безжалостны? Так время такое: время камня, бронзы и железа — не самых мягких материалов. Да и кто это сказал? Зато точно были они более энергичны и целеустремлённы, вот чего всё чаще не хватает нам в наше цивилизованно-компьютерное время...

Кстати, видели мы и рисунки, так возбуждающие уфологов. При богатом воображении их вполне можно принять за космический корабль. А можно за женщину в странных одеждах или жреца в ритуальном прикиде... Кто что ищет.

Я бы тут, среди рисунков, и ночевать остался. Но — особо охраняемая территория: ставить палатки, разводить костры и вообще задерживаться больше четырёх часов запрещено, а солнце уже почти село, и срочно нужно спать, искать место для ночлега.

Видно, духи гор к нам благосклонны: быстро нашли удачную стоянку. Пока хоть что-то было видно, поставили палатку. Серёга взялся готовить ужин, а я поспешил набрать побольше дров для костра, ведь поход без живого огня — что-то не то, даже если готовить на газе.

И вот темнота уже полностью вступила в свои права, ужин готов и съеден, а у нас весело потрескивают дрова в костре, огонь освещает и согревает. Мы сидим, переполненные дневными впечатлениями, перекидываемся парой-другой фраз, слушаем плеск Чуи под берегом...

В какой-то момент Сергей достаёт флейту. Что ещё человеку нужно: свет костра разгоняет ночную тьму, причудливыми сполохами освещая окрестные кусты, траву, камни на берегу и отражаясь в волнах реки. А мелодия флейты сплетается с песней воды в удивительную кантату. Потрескивание дров добавляет шумовые эффекты. Остановись, мгновение — ты прекрасен...

А ведь это уже было... точно — на Байкале, ездили мы туда восемь лет назад и как-то остановились на берегу Баргузинского залива: песчаный пляж, костёр, волны накатывают на берег, Сергей играет на флейте... Под Рождество понял, что это был самый замечательный момент всего года — счастье в чистом виде. Неужели повезло ещё раз?

Сергей пошёл спать, всё-таки целый день за рулём, а я долго ещё сидел у огня, изредка подбрасывая дровину — другую. После двенадцати вззошла огромная луна, всего только день или два, как перекалившая через полнолуние, и так удачно осветила ограждение недалёкого тракта, что я невольно вспомнил фильм про властелина колец, когда ворота в Морию стали видны только при лунном свете. Скалка... И всё это в один день...

Господи! Неужели прошёл всего один день... Какое там «лето — это маленькая жизнь», тут всего один день, как маленькая жизнь... Как же он отличается от большинства дней года, особенно беспечно растраченных на лень, ненужные разговоры, тупые фильмы, глупые книги или бесплодное сидение в интернете... Древние художники Калбак-Таша, наверное, не позволяли себе такой роскоши — специально убивать время, и время пощадило их творения, позволило оставить свой след на земле...

Изменит ли этот день что-нибудь в моей дальнейшей жизни? Бог весть... Но надежда есть.

Ирина ЕСТЬКОВА

Ирина Евгеньевна ЕСТЬКОВА, член Союза журналистов России, корреспондент газеты «Горняцкая солидарность». Живет в Новокузнецке, в шахтерском, Орджоникидзевском районе.

По образованию филолог, окончила Новокузнецкий педагогический институт, факультет иностранных языков, в 1976 году. Публиковать первые газетные материалы начала в начале восьмидесятых годов, с 1984 по 1996 годы работала редактором многотиражной газеты «Шахтерское слово» на шахте «Нагорная». После закрытия угольного предприятия была редактором отдела социально-нравственных проблем региональной газеты «Кузнецкие вести», работала корреспондентом в газетах «Ступени», «За алюминий», ответственным секретарем в газете «Новокузнецк».

Пишет просто и доходчиво, затрагивает различные проблемы, в том числе социально-нравственные. Ирину Евгеньевну отличает профессиональный подход к делу, коммуникабельность и мобильность. Ее газетные материалы разно жанровые. Большой опыт и профессионализм позволяет Ирине Еськовой успешно совмещать работу корреспондента и корректора, технического редактора и фотографа, работать оперативно и качественно.

«Услышь меня, родная...»

Какие, казалось бы, могут быть проблемы у подростков? А это уже надо спросить у их родителей...

Недавно вплотную столкнулась с проблемой жестокого обращения с дочерью ее матери. Даже не могла ранее себе представить, что у самых близких в мире людей может возникнуть не просто конфликт или недопонимание, а ярая ненависть.

Моя знакомая (по известным соображениям, назовем ее Еленой) с детства росла особенным ребенком — была пронырательнее, чем ее сверстницы.

Посмотрит внимательно на тебя и скажет, что есть и даже что будет. И предугадывала.

Наряду с этой врожденной способностью у нее еще и проклюнулся талант выглядеть сногсшибательно при любом раскладе — ни недоумогание, ни отсутствие средств не могут выбить таких женщин из седла.

К тому же, Елена просто, по-дружески способна вынести «модный приговор» и помочь преобразиться, сменить, как говорится, имидж и другим.

Года три назад с ней познакомилась Мария из соседнего шахтерского города. Как-то, где-то узнала, что Елена умеет предсказывать судьбу, прислала и просила помочь по весьма банальной причине — от нее ушел муж. Тогда-то в семье Елены впервые увидели дочь, которую Мария взяла с собой. Картина оказалась удручающей — это было забитое, запуганное, одетое в заношенную одежду на два размера больше существо...

Мать, казалось, замечала дочку Кристину только во время очередного приступа гнева на сбежавшего отца, причем, словно на объект, на котором можно выместить зло: поддать подзатыльник, обругать, пнуть...

Тут и к бабушке, как говорят, ходить не было надобности, чтобы определить причину, почему супруг собрал вещи и хлопнул дверью — отсутствие доброты и любви...

Елена пыталась поговорить с озлобленной Марией о том, что нужно сменить отношение к дочери, но та ее словно не слышала. Сама переписывалась по Интернету с солидными заграничными дядями и подталкивала к этому несовершеннолетнюю дочь, вот где и кого тебе искать надо... Возражений не терпела, чуть что не так, снова била, кричала на дочь, обзывала последними словами...

В семье Елены, где царит атмосфера дружеского взаимопонимания. Кристи-

на словно отогрелась душой. Елена беседовала с ней о том, как должна вести себя девушка, как одеваться, причесываться, двигаться. Пыталась дарить ей предметы молодежной одежды, аксессуары. Кристина стала чаще одна приезжать в гости. 39-летняя Елена с молодой внешностью и умением понимать подростков стала для нее старшей подругой. Но все чудесные превращения из галкого утенка в симпатичную, более уверенную в себе девушку, как это не странно, не обрадовали ее маму. А скорее наоборот — только больше разозлили.

Как-то Кристина приехала в Новокузнецк опять в старой маминой куртке и в... синяках. На вопрос, что случилось, уклончиво объяснила, что «мама не разрешает носить чужое». Мальчишки, живущие по соседству с Кристиной, рассказывали, что для ее матери ударить дочь, отгаскать за волосы и применять по отношению к ней выражение: «Чо смотришь, час в рыло дам!» — это в порядке вещей.

Какие отношения у девочки с отцом? А они также не сложились, потому что мать какими-то садистскими методами заставляла, вопреки желанию дочери, следить за «бросившим их» отцом...

От войны с бывшим мужем Мария

постепенно переключилась на войну с Еленой. Согласно законодательству несовершеннолетняя Кристина должна подчиняться матери. Но она также имеет право выбора — с кем из родителей жить, где учиться. К отцу она уйти не может, да тот и не претендует на это. «Ты пойдешь в медучилище», — приказывает мама. А дочь хочет учиться на парикмахера. «Не смей ездить к Ленке», — следует другой приказе соответствующими грубыми выражениями. А когда дочь тайком сбегает в Новокузнецк, она ее силой возвращает, избивает, закрывает в шкаф и держит там в течение суток, не выпуская...

И распространяет во все концы сплетни про Елену и ее семью, направляет жалобы в прокуратуру, что якобы там удерживают несовершеннолетнюю дочь чуть ли не силой, затягивают в какие-то секты, насилуют ухищренными способами, заставляют выносить «утку» из под будто бы тяжелобольного сына Елены...

И прочее, прочее, что способен сочинить коварный и очень злой на весь мир человек.

На все эти многочисленные сигналы естественно невозможно не прореагировать, со стороны трудно разобраться, кто прав, а кто виноват.

В Новокузнецк приехала представи-

тель комиссии по делам несовершеннолетних и увезла Кристину. Часа три пришлось выдерживать в кабинете психолога, где запомнилась, хотя и показалась странной надпись на стене: «Давайте услышим друг друга». Но слышать Кристину не хотели, предлагая альтернативу в ответ на ее нежелание вернуться к бушующей матери: выбрать — или жить с матерью, или отправиться в «психушку». Три с половиной часа такой «психологической поддержки» у девушки закончились истерикой...

Вот такая вроде обычная и в то же время не совсем обычная житийская история. Всегда казалось, что нет для женщины больше радости и счастья, чем родить и воспитать дочь, что ближе их друг для друга никого и быть не может. Почему же в этой ситуации сложилось все не так, и кому из них труднее — матери, дочери или близким для Кристины людям из Новокузнецка, на которых обрушился град жалоб, вызовов в правоохранительные органы — сказать трудно.

Задав вопрос Елене — может быть, отступить, оставить право матери решать судьбу дочери, дело, как говорится, их, семейное. Так бы оно и было, если бы не синяки, ссадины и кровоподтеки, с которыми Кристина бежит в Новокузнецк. Девушка боится матери, стесняется обратиться в больничное учреждение, чтобы зафиксировать факт избиения — стыдно, мать все-таки...

Елене жалко девушку. Ей задавали вопрос в комиссии по делам несовершеннолетних, почему Кристина убегает от родной матери именно к ней, в другой город. Ответила, показав на плакат на стене: «Наверное, потому, что я ее слышу и понимаю...»

Елена осознает, что у нее нет юридических прав на то, чтобы элементарно дать приют Кристине, защитить ее от побоев и унижений. Но девочку не удержать матери, которая, чувствуя откровенную ненависть дочери, решает... просто выгодно пристроить ее к заграничному дяде, вернее, продать. Она уже почти добилась разрешения вывезти дочь за границу. Но тут уже понимающая все и почти взрослая Кристина сама дает согласие представителям комиссии по делам несовершеннолетних отправить ее в интернат. Уж лучше туда, чем с такой мамой...

Еще немного, еще чуть-чуть, и Кристина отметит 18-летие. Тогда уже точно никакие силы не заставят ее терпеть побои, оскорбления и унижения.

А с кем же тогда останется Мария? Вот в чем вопрос...

Огненное время и его герои

Победа Советского Союза и его народов в Великой Отечественной войне над гитлеровской Германией и её союзниками - это одно из самых великих и самых значительных событий в истории нашего народа и нашей Родины.

30 апреля 1941 года Гитлер на большом совещании при утверждении плана «БАР-БАРОСА» накануне войны с Советским Союзом, в своей более чем двух часовой речи сказал: «Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. В мире существует огромная опасность коммунизма для будущего, в этой войне будет борьба двух идеологий. Мы должны исходить из принципа солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и не станет нашим товарищем. Речь идёт о борьбе на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то хотя мы и разобьём врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведём войну не для того, чтобы законсервировать своего противника, а полностью уничтожить его.

Будущая политическая карта России: Северная Россия принадлежит Финляндии; наши протектораты в Прибалтике, Украине, Белоруссии.

Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции.

Какие действия властных вермахта или же действующих вместе с ними лиц по уничтожению русских гражданских в случае их неповиновения или проявления какого-то недовольства, тем более сопротивления по отношению к нам, не подлежат пресечению и не могут рассматриваться как преступления или как преступления. На Востоке жестокость считается благом на будущее».

С самого начала война Германии и её союзников против СССР была нацелена на захват территории вплоть до Урала, эксплуатацию природных ресурсов СССР и долгосрочное германское господство. Перед угрозой планомерного полного физического уничтожения оказались не только евреи, но и славяне, заселившие захваченные гитлеровцами советские территории в 1941 - 1944-м годах.

Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии и её союзников в Европе и Азии была самой справедливой из всех справедливых войн народов мира против своих поработителей. Советский народ защищал в ней своё Отечество, свои социалистические завоевания.

Вторая мировая война возникла между двумя капиталистическими коалициями как империалистическая, захватническая, несправедливая. Но в ходе вооружённой борьбы начал изменяться её характер. Она стала превращаться в освободительную и со стороны захваченных гитлеровцами государств, и противостоящих фашистской группировке государств.

Итоги и последствия этой гигантской вооружённой схватки колоссальны. Вторая мировая война по своему размаху и напряжённости, по числу участвующих в ней людей, по количеству и качеству боевой техники, огромным человеческим жертвам и материальным разрушениям превзошла все войны прошлого. Она длилась шесть долгих лет и втянула в свою орбиту около восьмидесяти государств земного шара, с населением более одного миллиарда семисот миллионов человек. Что составляло четыре пятых всего

населения планеты. На службу этой войне были поставлены гигантские производительные силы: сотни тысяч предприятий, сотни миллионов рабочих. Которые строили самолёты, танки, изготавливали пушки, пулемёты, автоматы, винтовки и другие орудия смерти и разрушения.

Боевые действия развернулись на трёх континентах земного шара: в Европе, Азии и Африке. Ареной боевых действий стали территории сорока государств. Главную роль играли боевые действия в Европе, а решающим фронтом был советско-германский фронт.

Во Второй мировой войне вооружённые силы воюющих сторон достигли фантастических размеров - 110-ти миллионов человек.

С 1939 года по 1945 годы - США, Англия, Германия, Италия и СССР (с 1941 по 1945 гг.) произвели: 495,8 тысяч боевых и военно-транспортных самолётов; 279,8 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок; 1 миллион 759 тысяч орудий.

На 22.06.1941 года в приграничных округах и флотах у СССР, на фронте протяжённостью в 3710 километров находилось: 3 миллиона 289 тысяч 850 солдат и офицеров; 10734 самолёта; 12782 танка, из них 1475 танков Т-34 и КВ; 59787 орудий и миномётов.

В составе трёх флотов имелось около 220 тысяч человек личного состава - 182 корабля основных классов (3 линкора, 7 крейсеров, 45 лидеров и эсминцев и 127 подводных лодок).

Непосредственную охрану государственной границы несли пограничные части (сухопутные и морские) восьми пограничных округов, вместе с оперативными частями и подразделениями внутренних войск они насчитывали около 100 тысяч человек.

Отражение возможного нападения противника с запада возлагалось на войска пяти приграничных округов: Ленинградского; Прибалтийского особого; Западного особого; Киевского особого и Одесского. С моря их должны были поддерживать три флота: Северный, Краснознаменный Балтийский и Черноморский.

10 июня 1941 года главнокомандующий войсками Германии (генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич) отправил в войска приказ о сроке начала войны против СССР - 22 июня 1941 года. Ранним утром этого дня, в воскресенье - Германия, при поддержке своих союзников - Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии и Словакии - внезапно, без предупреждения, напала на СССР, нанеся удар на всей протяжённости советской западной границы тремя мощными группами армий: «Север», «Центр» и «Юг».

Общая боевая численность вражеских группировок состояла из 217,5 - общевойсковых, танковых и авиационных дивизий; в составе которых находилось: 4846 - боевых самолётов; 4 тысячи 171 единица - танков и самоходных артиллерийских установок; 42 тысячи 601 единица - орудий и миномётов. Общая численность личного состава в группировках сил вермахта, на момент нападения на Советский Союз, составляла 4 миллиона 300 тысяч солдат и офицеров.

Не удивительно, что государства участники Второй мировой войны понесли огромные материальные и людские потери - свыше 50-ти миллионов человек погибших, вот та страшная дань, которую человечество уплатило войне.

Наибольший урон войной был причинён Советскому Союзу, на плечи которого легла главная тяжесть борьбы с фашизмом. Советский Союз потерял более 20-ти миллионов своих сынов и дочерей, павших на полях брани, во время блокады городов, воздушных бомбардировок, замученных и убитых гитлеровцами на оккупированных советских территориях, в концентрационных лагерях.

Фашисты разрушили 1710 советских городов и посёлков городского типа, более 70-ти тысяч сёл и деревень, 32 тысячи промышленных предприятий, 98 тысяч колхозов, 1878 совхозов. Они подорвали 65 тысяч километров железнодорожного полотна, взорвали и вывели из строя 16 тысяч паровозов и 428 тысяч железнодорожных вагонов. Национальное богатство страны сократилось почти на тридцать процентов.

В целом материальный ущерб Советского Союза был оценен суммой в два триллиона 569 миллиардов довоенных рублей. В то же время национальное богатство Англии уменьшилось лишь на 0,8 процента, Франции на 1 процент, США материальных потерь по существу избежали. Их потери составили 0,4 процента от общей стоимости утраченных материальных ценностей всех стран за время войны.

Несмотря на свои огромные потери, Советский Союз вышел из войны крепким и могучим, вместе с США он стал ведущей мировой державой. И это при том, что в начальный период войны из-за стратегических и тактических просчётов и ошибок, допущенных руководством страны и наркомата обороны, неправильного определения даты начала войны, явной боязни нагло ведущего себя и постоянно провоцирующего противника - за четыре первых летних месяца войны враг нанёс значительный и ощутимый урон отступающим и обороняющимся нашим разрозненным войскам, оккупировал значительную часть европейской территории нашего государства (по планам Гитлера война должна была закончиться за два первых военных летних месяца, но она продолжалась ещё более четырёх долгих лет). Отчего руководству страны пришлось принимать экстренные и ответственные меры по исправлению допущенных своих ошибок и просчётов первых дней и первых месяцев войны по спасению нашего государства и народов его населяющих.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года с 23 июня была объявлена всеобщая мобилизация военнообязанных 14-ти возрастов (с 1905 по 1918 гг. рождения) в 14-ти военных округах, из 17-ти.

В остальных трёх военных округах: Забайкальском, Среднеазиатском и Дальневосточном - мобилизация была объявлена через месяц особым решением.

На второй день войны - 23 июня 1941 года - была создана Ставка Главного командования вооружённых сил страны (с 8 августа - Ставка Верховного Главного Командования). 30 июня 1941 года был создан Государственный Комитет обороны страны (ГКО). 3 июля 1941 года в своей речи и обращении к народу руководитель страны - Иосиф Виссарионович Сталин - объявил: «**Всё для фронта! Всё для Победы!**» 8 августа 1941 года - Сталин И.В. был назначен Верховным Главнокомандующим Вооружённых Сил страны и руководителем ГКО. С первых дней войны началась массовая эвакуация насе-

ления, производительных сил, учреждений и материальных ресурсов из прифронтовой полосы страны в восточные регионы, на Урал, в Сибирь. За короткий срок было эвакуировано значительное число предприятий.

В общей сложности, во втором полугодии 1941 года было эвакуировано 2600 предприятий, вывезено и перегнано из зоны возможной оккупации 2,3 миллиона голов крупного рогатого скота.

К лету 1942 года (менее, чем за один год от начала войны) завершился перевод экономики СССР на военные рельсы.

В первом полугодии 1942 года было выпущено: 10 тысяч самолётов; 11 тысяч танков; 54 тысячи орудий и миномётов. Во втором полугодии 1942 года выпуск вооружения увеличился более чем в 1,5 раза. Всего в 1942 году в СССР было выпущено: самолётов (всех типов) - 25,4 тысячи штук, в том числе боевых - 21,7 тысячи штук; танков и САУ всех типов - 24,5 тысячи штук; орудий и миномётов всех типов - 287 тысяч штук; стрелкового оружия (без револьверов и пистолетов) - 5 миллионов 91 тысяча единиц. Не иначе как подвигом деятельности большей части Советского народа, как на фронте, так и в тылу назвать невозможно. Массовый героизм за все годы Великой Отечественной войны проявлялся везде и повсюду.

11500 человек - советских Трагдлап, солдат и офицеров, за годы Великой Отечественной войны были удостоены самой высокой государственной награды - звания Героя Советского Союза.

За годы Великой Отечественной войны на недостижимый врагам уровень выросло мастерство и военное искусство как наших прославленных полководцев, маршалов: Жукова Г.К., Рокоссовского К.К., Конева И.С., Василевского А.М., Баграмяна И.Х. и других; так и среднего, и младшего командного состава рабочей-крестьянской Красной армии (РККА).

Немалый вклад в общее дело Великой ПОБЕДЫ внесли и сибиряки, в том числе и кузбассовцы. Которые, прежде всего - своим героическим трудом полностью обеспечили потребности государства в угле и металле. Да и различного вооружения (снарядов и прочего) кузбассовцы выдавали по максимуму. Кроме того, всем известно, что значительная часть всего вооружения, выпускаемого в стране, особенно ответственных танков в годы Великой Отечественной войны были изготовлены из кузнецкой стали.

За годы Великой Отечественной войны очень многие кузбассовцы были награждены как высшими государственными наградами, орденами и медалями благодарной нашей Родины. Шестнадцать из них - уроженцам и жителям города Прокопьевска и Прокопьевского района, сражавшимся на фронтах Великой Отечественной войны было присвоено звание Героя Советского Союза.

Чернов Григорий Иванович, генерал-майор. Родился 15 октября 1901 года в крестьянской семье в деревне (ныне - Карагайла Прокопьевского района Кемеровской области). В 1918 году мобилизован в армию Колчака и вскоре из неё дезертировал. В 1919 году добровольно вступил в РККА рядовым красноармейцем; в 1920 году - член ВКПб. В 1924 году окончил 25-ю Томскую пехотную школу командного состава РККА, после оконча-

Читатели об «Усятской россыпи»

Чечет Иван Васильевич,

постоянный читатель «Усятской россыпи», в прошлом кадровый военный (однополчанин Анатолия Гуляева), политработник, полковник в отставке, проживает в городе Слоним в Республике Беларусь:

- Прочитал рассказы «Как мы Черчилля «победили» и «Шипы розы любви» Анатолия Гуляева - прочитал на одном дыхании. Читается очень легко. Язык доступный. Да, есть у Вас жилка писателя.

За «Знобящий Норд-Вест», «Поздние прозрения». Спасибо! Хочу сказать словами жены: «Читается легко с интересом, и всё доступно и доходчиво... А рассказ «Плата за любовь» - поучительная история!» Очень понравилась подборка материала по теме «Роговщина».

Заинтересовал отрывок из повести «Я буду твоей берегиней» - Людмилы Лукьянцевой, обязательно напечатайте продолжение повести.

Много всего здесь не напишешь, но — знайте - то, что Вы сами пишете — пишете на «отлично!»

Некоторые рассказы мы перечитываем несколько раз. Я вот прочитал половину альманаха, решил ещё раз перечитать о Кривоце А.А. и Тарубарове В.В. Прекрасный рассказ!

Прочитал всё, что опубликовано о Лермонтове М.Ю. Многого познал для себя из его жизни. Сложилось впечатление, что он часто болел... И когда он только служил?

Анатолий Гуляев:

- На счёт Лермонтова, я так понимаю: у вельмож в те времена воинская служба была не такая, как у нас с тобой: отдыхать и жить в своё удовольствие они продолжали и на службе. К тому же, просматривая то, что он написал в это время, думается — когда же и как он служил, написав столь много?!

Чечет И.В.:

- Вот и я об этом же: болел - «бюллетень» брал, а в какое время ещё стихи писать? Но зато - его стихи, поэмы - читаются хорошо. Умел писать! Прочитал «Портрет» Ираклия Андроникова. Понравился рассказ. Прочитал одним залпом, не поднимаясь из кресла!

«Последний юнкер» - И.Кожемяко - о церкви и её двуликости. Можно поспорить о двуликости церковных «работников», особенно в годы Великой Отечественной войны. Те церковники, которые были за рубежом, конечно «тявкали» на СССР, заискивали перед Гитлером, в надежде, что им что-то достанется после победы Гитлера в войне. А на местах и на оккупированных территориях священники старались говорить о скором приходе мира на нашу землю и так далее. Кто лебезил перед фашистами — попал в лагерь. У сестры моего отца муж был священником После освобождения города Слоним, сотрудники МГБ опрашивали людей, на предмет — говорил ли что этот поп против СССР и Красной армии. Никто не сказал о нём плохо — его не тронули, прожил он долгую жизнь!

Прочитал рассказы Людмилы Лукьянцевой. Отмечаю рассказ «Без вины виноватые», ни разу не слышал подобной истории. Тем более, про такой случай. Такое могло произойти в банде. Именуемой себя «партизанским отрядом». Где так называемые «партизаны» (алкаши, воришки, бывшие уголовники и прочее стрелбье) бежали в леса и с помощью оружия добывали себе пропитание, одежду и так далее. Но уже к концу 1941 началу 1942 годов такие бандитские группы были в основном уничтожены.

Многие из них получили кару через «берёзу» (верхушки двух рядом растущих берёз сгибали к земле и привязывали их к ногам преступника, затем деревья отпускали. Берёзы разрывали на две части наказуемого).

Так поступали и с полицией, и с другими кровавыми преступниками - фашистскими прихвостнями. Поэтому скажу, что такую глупость написать, а вначале сочинить, мог только человек, никогда не живший в моих краях или из злого умысла. Честно говоря, мне было больно и противно читать такое.

Всего вам доброго и дальнейших творческих успехов, крепкого здоровья и удачи!

Анатолий Гуляев:

- Иван Васильевич — приношу свои извинения, не нужно было ставить в номер этот рассказ. Не оправдываясь, скажу: в Сибири много всякого ссыльного люда, который свой грех держит в тайне, пытается позабыть о нём, а «обиды» и прочие вымыслы передаются из поколения в поколение; попробуй, в этом разберись!

Зотов Олег Петрович,

в прошлом кадровый военный — авиационный инженер, подполковник в отставке, проживает в городе Екатеринбург (в прошлом город Свердловск):

- Альманах получил, большое спасибо! Первые ощущения своеобразные — я впервые почувствовал себя «печатаящимся автором». Поздновал, конечно. Начать бы печататься лет 50 тому назад, может быть и продолжил бы это дело.

А общее впечатление о Вашем альманахе очень хорошее! Полезное, на мой взгляд, дело делаете. Желаю Вам и вашему коллективу дальнейших творческих успехов!

Регузова Елена Борисовна

проживает в Новосибирске:

- По поводу твоих рассказов, всё-таки пиши больше на позитивной волне, негатива в жизни и так хватает. Миром правят красота и любовь!

Анатолий Гуляев:

- Просто у некоторых в конце жизненного пути от былой любви ничего не остаётся. Поэтому и появилась мысль: а была ли любовь? И положительно сказать об этом можно лишь в том случае, когда у человека ничего уже не осталось из того, что считается людьми любовью; а — чувства в нём — живут!

Регузова Е.Б.

- Выходит я права. То, что ты написал в рассказах — «списывал» с лиц, тебе хорошо знакомых?

Вера Третьякова,

Новокузнецк:

- Вчера села за чтение газеты. Самое первое впечатление: зачем так много листов? Второй вопрос: периодичность издания газеты — сколько раз в год?

На сайтах нашла, что «ООО...» зарегистрировано 27.12.2006 года. Никаких сведений о выпусках газеты и её материалах не нашла. Если оставить всех авторов, что «засветились» в номере, но уменьшить количество публикаций, то как раз будет половина листов.

Такой огромный материал и редактировать очень трудно, не говоря уж о том, что часть публикаций нужно настучать по клавишам, а часть отсканировать и проверить. Работа по оформлению номера (разбить на абзацы, подобрать шрифт и расстояние между строк, подобрать фото) требует много времени тоже.

Конечно, если газета выходит 2-3 раза в год, то такой объём может быть и оправдан, но не мной, как новым читателем.

Всех материалов я прочтёшь так и не смогла. Первые страницы о Лермонтове пробежала более-менее внимательно. Стихи - прочитала выборочно.

Подзаголовок «Ранние...» очень крупный, бросается в глаза. Это хорошо. Но затем другой «Стихотворения 1837 — 1841» совсем за-

терялся. Поэтому кажется, что читателю предлагают только ранние стихи поэта. На мой взгляд, столько не нужно для газеты. Кому нужно, найдёт в Интернете или в книжке прочтёт. Работу Андроникова уже когда-то ранее читала, но прочла ещё раз с интересом. Правда, сокращена маловато.

С произведениями И.И.Кожемяко встречалась на Прозе, но читала немного. Пишет ярко, но жёстко, по-мужски. Прочитала обе вещи: воображение всё-таки у автора фантастическое! Буря эмоций в Грёзах!

Стихи Сергея Грушанского читала на Прозе. Умный, глубокий автор. Понравилось.

Материал под рубрикой «Новые имена» оценили очень положительно все мои знакомые и друзья, которым дарила номер газеты. Потом звонили и выражали одобрение.

Редактор Кузбасской рериховской газеты «Свет утренней звезды» даже поместила этот текст в последний номер прошедшего года своего издания (он вышел в начале этого)...

Один экземпляр вашей газеты я передала в библиотеку на Ильинке, ещё один передала в Гоголеву на абонемент, несколько газет подарила своим друзьям...

Стихи Дины Сабыниной отметили три человека из тех, кому я передала газету. Мне тоже её стихи понравились своими тонкими жизненными размышлениями. Стихи Николая Нагорного, наверное, лучше слушать как песни, и в авторском исполнении.

«Форт полуострова Эскимов» - пробежала — показалось неинтересно. Но, может, там есть свои изюминки.

Почитала у Л.Танковой размышления о счастье, и кто этого достоин. Не очень то согласна с малым набором жизненных атрибутов «С-Часть-Я». Это всё-таки состояние единения с Высшим, а не свод моральных правил для человека разумного. Не думаю, что в этом смысле (единения с Богом) счастливы и преступники, и даже сплетницы. Я бы сказала: «Пусть будут счастливы все, и каждому будет счастье по трудам его».

«Родники истории». Прочитала с интересом о музее-заповеднике, тем более, бывать там ещё не приходилось (с весны и до поздней осени — дача). Одно маленькое замечание «Береста берёзы», это то же «сало шпик», или «масло масляное» по-русски.

Рассказ «Так начиналась история» я читала ещё на Прозе. Перечитала, освежила в памяти. Оригинальный взгляд на момент мифологической истории (метаистории).

Об Атлантиде читать не стала, произведения с диалогами уже мало привлекают, хочется научных обоснований. Хотя тема очень интересная, и стараюсь не пропускать то, что есть на Прозе на эту тему.

«Прости меня, Юра» тоже читала на Прозе и даже хотела отозваться рецензией. Но передумала. Уж очень хорошо и колоритно выведены образы женщин-стеров (и не только в этом рассказе), а положительные — почти безликие (как говорил товарищ Саахов: «Обидно, понимаешь», да и линия отношений Тания — Юра почти не намечена.

Дальше: Анатолий Гуляев. «Норд-Вест» - пропустила, про Черчилля прочитала. Понравилось. «Поздние прозрения». «Шипы розы любви» тоже прочитала, но про любовь там ничего не увидела — одни шипы.

Далее пробежалась по стихам Вяткина — не моё! Прочитала о Людмиле Лукьянцевой «Немного о любви». Далее: Людмила Лукьянцева. Пропустила (ещё вернуть!) отрывок про «Берегиню» — нет, уже не моя проза.

Лет 30 — 40 назад я бы выделила из всего материала газеты именно «Берегиню» и «Землю Великого Змея Ид». Но сейчас иные времена (у меня). Далее, пропустила А.Ва-

сюкова, стихи Щетинина.

У Адельи Мачковой есть и другие замечательные философские стихи, которые читала на Стихи.ру. Как жаль, что рано ушла! Светлая ей память!

Далее интересный краеведческий материал, который пока прочтёшь не успела, но вернусь. О роговщине тоже нужно почитать, хотя бы бегло. Вот такой мой ответ о выпуске № 11 вашей газеты.

В связи с краеведческими материалами о Прокопьевске, возник вопрос: читала ли мою публикацию на Прозе «Кто имя дал славное городу?» В ней рассказываю о книге, написанной прокопчанами и посвящённой Прокопию Устожскому. Авторы считают, что именно это имя дало название городу.

- Поняла свою ошибку: не сказала, что издание мне понравилось и прежде всего, разнообразием его публикаций.

В прошедшее воскресенье снова раскрыла вашу газету и стала читать пропущенное мною в прошлый раз.

Начала с конца. «Воспоминания Пети Зотова» прочла внимательно. Понимаю, сколько пришлось редактору работать над текстом, чтобы привести его к более-менее литературному виду. А сама личность автора проглядывается между строк.

Читала про Петю и думала о своём отце, у которого была аналогичная ситуация в детстве: при живой матери (отца он не знал, тот пропал без вести в Первую мировую), жил у родной тётки, а у неё и свои дети не дослали, и лишнего куска хлеба не было.

Очень интересна краеведческая подборка Анатолия Гуляева. Прочитала внимательно. Роговщина — явление личности в истории, и хорошо, что автор-составитель приводит крайние точки зрения.

Стихи молодого автора А. Щетинина невольно сравнивала со стихами Олега Зотова, написанные им в молодые годы (сужу по датам). А разделяет их полвека.

Рассказы А. Васюнова о медведе и крутой рыбалке тоже прочла. Понравилось.

Стихи Сергея Вяткина хороши. Согласна с Вашей оценкой его творчества - «...большая тяга к жизни!»

Прочитала рассказ А. Гуляева «Плата за любовь» (о первых двух уже писала в предыдущем письме). Все три рассказа — в одном ключе, и каждый примечателен по-своему. Опять подумала о своём отце — он фронтовик, инвалид войны. Нынче будет 12 лет, как окончилась его земная жизнь.

Всё-таки прочитала «Землю Великого Змея Ид!» Написано легко, ярко и увлекательно. Меня всегда поражала буйная фантазия Людмилы Танковой. «Чтобы стать богом, надо познать мир, а не собирать злато на земле!» И как всегда, женщина-богиня готова помочь человечеству.

С уважением к коллективу вашей газеты Вера Третьякова.

Людмила Танкова:

- В 2013 году на тему о названии города Прокопьевск мы выпустили небольшую публицистическую историко-краеведческую книгу «Прокопьевск ... в летописях», автором которой является Анатолий Гуляев. Выводы названной мной книги, сформированные на основе исторически признанных и достоверных документов, разнятся с выводами некоторых авторов.

Кроме того: в 6-м номере «Усятской россыпи» (в ноябре 2009 года) нами была опубликована разработка - «Откуда ты росла, земля моя?»; а в 7-м номере газеты (в мае 2010 года) - «Чьё имя носишь, Прокопьевск?». Автором названных публикаций является также Анатолий Гуляев.

Если эта моя информация заинтересовала вас, то, думаю, Анатолий Гуляев с удовольствием подарит вам свою книгу и названные номера газеты.